ДБ 23
П-59
Порай-Кошица
Очерк
истории
русского
дворянства
Спб. 1874

9/458.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО ДВОРЯНСТВА

ОТЪ ПОЛОВИНЫ IX ДО КОНЦА XVIII ВѢКА

862 — 1796.

СОЧИНЕНІЕ

И. Л. Порай-Кошица.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ СЪ 1850
Н. Я. ОГЛОБЛИНА
ВЪ КІЕВѢ.
Бывшій С. И. ЛИТОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Сад. ул., д. № 19 — 2).
1874.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 апрѣля 1874 года.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
470473.
VII. 5
1638.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ,

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

СВОЙ ТРУДЪ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Иванъ Порай-Кошицъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ГОСУДАРЮ,

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

СО ВПОЛНЕ ПОЧТИТЕЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

СВОЕГО ТРУДА

ЕГО ГЛУБОКО ВЕРНОПОДДАННЫЙ

ПОСВЯЩАЕТ

Иван Порай-Кошиц.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОЧЕРКА ИСТОРІИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

стр.

Предисловіе VII

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

отъ основанія Россіи до покоренія ея татарами (862 — 1240).

О КНЯЖЕСКОЙ ДРУЖИНѢ.

ГЛАВА I. Призваніе славянскими и финскими племенами варяго-русскихъ князей. — Названіе «князь» дѣлается исключительною принадлежностью потомковъ Рюрикова дома.—Дружина княжеская, ея значеніе и отношенія къ князю 1

ГЛАВА II. Чины, составлявшіе княжескую дружину: Бояре. — Мужи княжи или Гриди. — Отроки или Дворяне 4

ГЛАВА III. Верховная власть князя по внутреннему управленію страною. — Лица, отправлявшія, по назначенію князя, разныя гражданскія должности: По части правительственной: Посадникъ. — Тысяцкій. — Сотскіе. — Мытники. — Городники. — Мостники. — По части судебной: Тіуны. — Вирники.— Мѣтельники. — Дьяки. — Ябедники. — По части придворной: Казначей. — Ключникъ. — Покладникъ. — Конюшій. — Стольникъ. — Меченоша 8

ГЛАВА IV. Вознагражденіе княжеской дружины за военную службу. — Вознагражденіе княжеской дружины за гражданскую службу. — Значеніе членовъ княжеской дружины въ современномъ обществѣ 14

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ

отъ покоренія татарами Россіи до образованія изъ удѣльныхъ княжествъ ея Московскаго государства (1240 — 1462).

О КНЯЖЕСКОМЪ ДВОРѢ.

ГЛАВА I. Порабощеніе татарами южной и сѣверной Россіи. — Господство въ южной Россіи общаго родоваго владѣнія ею для

стр.

всѣхъ членовъ княжескаго рода. — Установленіе въ сѣверной Россіи для членовъ княжескаго рода отчинъ или удѣловъ. — Послѣдствія установленія въ сѣверной Россіи отчинности княжескихъ владѣній. — Усиленіе московскаго княжества и рядъ событій, способствовавшихъ къ этому усиленію 17

ГЛАВА II. Начало осѣдлости дружины княжеской и появленіе между членами ея земельной собственности. — Вліяніе осѣдлости княжеской дружины на прекращеніе перехода членовъ ея на службу отъ одного князя къ другому. — Чины, составлявшіе княжескую дружину или дворъ: Бояре-думцы. — Служилые князья. — Бояре большіе и путные. — Дѣти боярскіе. — Дворяне. 5

ГЛАВА III. Чиновники, назначаемые изъ княжескихъ дружинниковъ на гражданскія должности: По части правительственной: Намѣстникъ. — Волостели. — Становщики. — Околичники. — По части судебной: Тіуны. — Пристава. — Доводчики. — Дьяки. — Подъячіе. — Писцы. — По части придворной: Ловчій. — Дворецкій. — Окольничій. — Чашникъ. — Печатникъ. — Рында. — Истопникъ 32

ГЛАВА IV. Назначеніе дружинникамъ участковъ земли за военную службу и посылка ихъ на кормленіе за отправленіе гражданскихъ должностей 33

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ

отъ образованія Московскаго государства до начала царствованія въ немъ Петра Великаго (1462 — 1689).

О СЛУЖИЛЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

ГЛАВА I. Установленіе въ Москвѣ единодержавія и самодержавія. — Обращеніе всѣхъ членовъ бывшей вольной княжеской дружины въ служилыхъ людей. — Удержаніе служилыми людьми за собою права на занятіе разныхъ государственныхъ должностей. 35

ГЛАВА II. Учрежденія коллегіальныя и единоличныя. — По части правительственной: Дума боярская. — Приказы центральные и областные. — Воеводы гражданскіе или намѣстники. — Волостели. — По части судебной: Губные старосты. — Тіуны. — Дьяки. — Подъячіе. — Думные дьяки. — Положеніе дьяковъ въ составѣ служилыхъ людей и въ обществѣ. — По части придворной: Исчисленіе вновь установленныхъ государями должностныхъ лицъ 39

ГЛАВА III. Три разряда личнаго состава служилыхъ людей: Первый разрядъ государственные чины: Бояре. — Окольничіе. — Думные дворяне. — Вторый — придворные чины: Дворецкій. — Ключникъ. — Казначей. — Оружничій. — Шатерничій. — Истопничій. — Конюшій. — Ясельничій. — Ловчій. — Сокольничій. — Печатникъ. — Кравчій. — Стольникъ. — Чашникъ. — Постельничій. — Спальничій. — Стряпчій. — Рында. — Третій — ратные

стр.

чины: Дворяне московскіе. — Дворяне городовые. — Дѣти боярскіе. — Жильцы 44

ГЛАВА IV. Общее понятіе о мѣстничествѣ. — Причины, способствовавшія появленію мѣстничества. — Сущность мѣстническихъ притязаній. — Проявленіе мѣстническихъ счетовъ во всѣхъ родахъ службы. — Производство дѣлъ по мѣстническимъ спорамъ. — Вліяніе мѣстничества на занятіе высшихъ должностей исключительно родословцами. — Употребленіе мѣръ для ослабленія мѣстничества. — Потрясеніе мѣстничества въ смутную эпоху московскаго государства. — Примѣры бывшихъ мѣстническихъ случаевъ. — Уничтоженіе мѣстничества. — Проектъ объ отдѣленіи гражданскихъ должностей отъ военныхъ. — Выводъ изъ историческаго обозрѣнія мѣстничества 85

ГЛАВА V. Происхожденіе вотчинъ у русскихъ князей. — Право государей русскихъ на всю поземельную собственность страны, и происхожденіе вотчинъ у дружинниковъ. — Право русскихъ государей распоряжаться вотчинами служилыхъ людей и наслѣдовать въ оныхъ. — Появленіе помѣстной системы. — Главныя правила помѣстной системы. — Обязанности помѣстныхъ владѣльцевъ. — Назначеніе помѣстьевъ во временное владѣніе. — Исключительное право служилыхъ людей на владѣніе помѣстьями. — Сближеніе вотчинной и помѣстной системъ, проявившееся въ XVII вѣкѣ. — Необходимая связь между землевладѣльцами и земледѣльцами, и существованіе между ними договорныхъ отношеній. — Причины прикрѣпленія крестьянъ къ владѣльческимъ землямъ. — Послѣдствія прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. — Учрежденіе приказовъ разряднаго и помѣстнаго 100

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ

отъ начала царствованія Петра Великаго до конца царствованія Екатерины II (1689 — 1796).

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСЛОВІИ.

ГЛАВА I. Образованіе высшаго сословія, названнаго шляхетствомъ. — Чины и цѣль установленія ихъ. — Таблица или роспись чинамъ военнымъ и гражданскимъ. — Существованіе неразрывной связи между чинами и должностями. — Усвоеніе чинамъ независимаго отъ должностей значенія. — Прекращеніе производства въ старинные чины. — Общія постановленія, изложенныя въ табели о рангахъ: А. О пріобрѣтеніи дворянства. — Б. О преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими. — Значеніе табели о рангахъ въ служебномъ и сословномъ отношеніи. — Проявленіе въ шляхетствѣ сословнаго единства и сословныхъ интересовъ. — Стремленіе старинной родовой знати обособиться отъ новаго чиновнаго шляхетства. — Дворянскія родословныя книги. — Присвоеніе всему высшему сосло-

стр

вію титуловъ: дворянство и благородство. — Обязанности герольдмейстера по отношенію къ членамъ дворянскаго сословія. 118

ГЛАВА II. Постоянно-обязательная для шляхетства военная служба и установленіе смотровъ. — Распредѣленіе шляхетскихъ дѣтей на службу гражданскую. — Назначеніе по штатамъ жалованья за службу военную и гражданскую. — Обязательное для шляхетства знаніе извѣстныхъ наукъ, требующихся въ военной и гражданской службѣ. — Отправленіе шляхетскихъ дѣтей за границу для образованія, и учрежденіе съ этою цѣлью школъ. — Открытіе академіи наукъ. — Учрежденіе кадетскаго корпуса. — Приготовленіе шляхетскихъ дѣтей къ гражданской службѣ. — Продолженіе установленныхъ смотровъ. — Мѣры къ образованію спеціальныхъ людей для службы. — Основаніе въ Москвѣ университета. — Продолженіе заботы правительства о образованіи шляхетскихъ дѣтей 144

ГЛАВА III. Уклоненіе шляхетства отъ обязательной службы. — Назначеніе для шляхетской службы 25 лѣтняго срока. — Развитіе высшими представителями шляхетства мысли о расширеніи его правъ. — Манифестъ 18 февраля 1762 г. объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы. — Начало привилегированнаго положенія дворянства 160

ГЛАВА IV. Грамата, жалованная дворянству 21 апрѣля 1785 г. — Права, дарованныя дворянству: Вольность и свобода отъ обязательной службы. — Свобода отъ тѣлеснаго наказанія. — Право поземельной собственности. — Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговлею. — Свобода отъ личныхъ податей. — Неприкосновенность дворянскаго достоинства 165

ГЛАВА V. Намѣреніе Петра Великаго привлечь мѣстное уѣздное шляхетство къ участію въ земскомъ управленіи. — Политическое раздѣленіе Россіи на части и составъ мѣстныхъ учрежденій. — Принятіе мѣръ къ снабженію мѣстныхъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій чиновниками изъ среды дворянства. — Право дворянства имѣть сословное самоуправленіе. — Право дворянства участвовать чрезъ своихъ выборныхъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ. — Заключительныя слова объ эпохѣ царствованія Екатерины II 178

Примѣчанія и ссылки 189

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Три великія реформы великаго настоящаго царствованія — освобожденіе крестьянъ, учрежденіе земствъ и открытіе гласныхъ судовъ — реформы, совершившіяся въ Россіи, и непрерывнымъ рядомъ слѣдовавшія одна за другой, коснувшись существенныхъ основъ русской жизни, не могли не отразиться и на высшемъ сословіи нашемъ — дворянствѣ.

Этими славными реформами, конечно, не поколеблено политическое существованіе его, какъ сословнаго общества въ государствѣ, не умалено также коренное значеніе его, основанное на заслугахъ отечеству и освященное всей русской исторіей, ни его первенство среди русскаго населенія, безспорно признанное за нимъ, какъ наиболѣе просвѣщеннымъ классомъ въ странѣ; однако, уже упразднены вещественно — выгодныя сословныя льготы или привилегіи, созданныя въ его пользу ходомъ историческихъ событій и прежними государственными уставами [1].

[1] Привилегія означаетъ исключительное право на что-нибудь, даваемое государемъ, или правительствомъ, какъ отдѣльному лицу, такъ и извѣстному государственному учрежденію. Привилегіи, коими пользовалось русское дворянство, или въ силу древнихъ постановленій и обычаевъ, или, на основаніи жалованной ему Екатериною II граматы въ послѣдней четверти XVIII столѣтія, были, между прочимъ, слѣдующія: крѣпостное право; сословное дворянское, соединенное съ земскимъ, самоуправленіе; выборный отъ дворянства составъ суда и полиціи; право дворянства быть судимымъ себѣ равными. Всѣ эти привилегіи дворянства, какъ противорѣчащія современ-

Нельзя не замѣтить здѣсь, что названныя радикальныя реформы создали дворянству совершенно новое и чрезвычайно трудное, въ особенности въ провинціяхъ, положеніе. Дворянство переживаетъ нынѣ весьма важный періодъ кризиса — и вопросъ о томъ, какая будетъ необходимая и естественная развязка этого кризиса, какъ русское дворянство, въ силу новыхъ реформъ, превратится въ обще-государственное учрежденіе XIX вѣка на новыхъ, соотвѣтствующихъ современной цивилизаціи, основаніяхъ,—вопросъ этотъ можетъ разрѣшиться только практическою жизнію дворянства въ будущемъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, грядущія судьбы русскаго дворянства закрыты отъ насъ непроницаемой завѣсой.

Если же и можно прійти къ какому нибудь, болѣе или менѣе удовлетворительному, выводу по затронутому вопросу, то единственно путемъ изученія и разъясненія прошлой, исторической жизни этого сословія—сословія,

---

ному состоянію цивилизаціи и понятіямъ о справедливости, или отмѣнены или утратили свое значеніе, вслѣдствіе упомянутыхъ реформъ.

Положеніемъ 19-го февраля 1861 года — этимъ основнымъ нашимъ закономъ гражданскихъ отношеній всѣхъ жителей государства—отмѣнено крѣпостное право. — *Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года* составляющее другую нашу основную хартію, установило правильную, легальную форму мѣстному земскому самоуправленію, въ которомъ участвуютъ, на равныхъ правахъ, всѣ сословія свободныхъ гражданъ; и потому земскій характеръ дворянскихъ выборовъ долженъ былъ утратиться, и представительное значеніе одного привилегированнаго класса сдѣлалось невозможнымъ, какъ скоро создались учрежденія, соединяющія въ себѣ выборныхъ членовъ отъ всѣхъ мѣстныхъ собственниковъ. При всемъ томъ, дворянство по сіе время удержало за собою свои сословныя дворянскія собранія, свое сословное самоуправленіе и важное, оставшееся за нимъ безраздѣльно, право петиціи, или ходатайства о своихъ пользахъ и нуждахъ. — *Судебные уставы 20-го ноября 1864 года* составляютъ третью нашу основную хартію Въ силу этихъ уставовъ, вмѣсто выборнаго суда, ограждавшаго раздѣльность сословій, возникъ новый судъ, независимый отъ администраціи, равный для всѣхъ сословій, и совершающій дѣйствія свои гласно и публично; и потому право дворянства быть судимымъ себѣ равными, какъ такое право, которое, послѣ новой судебной реформы, лишено было всякаго внутренняго смысла, само собою упразднилось.

существовавшаго въ Россіи безъ перерыва, подъ разными формами, во всѣ періоды политическаго ея бытія, начиная съ года призванія, первобытными ея поселенцами, варяжскихъ князей. Въ пользу такого взгляда на предметъ выразился и нашъ государственный историографъ Карамзинъ. „Настоящее“ говоритъ онъ, „бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго; чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее: одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе“ [2].

Эти слова навели и автора предлагаемой книги — „Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка“ на мысль достигать своей цѣли — разработки поставленнаго вопроса о русскомъ дворянствѣ—неиначе, какъ путемъ изученія отечественной исторіи, т. е. изложить, при ея свѣтѣ, въ данныя эпохи древней и новой Россіи, начало, гражданское развитіе и направленіе дворянства, въ такомъ видѣ, чтобы, на основаніи выяснившихся историческихъ фактовъ о его прошедшемъ, тѣсно связанномъ съ настоящимъ, мыслящій читатель не только могъ судить объ истинныхъ причинахъ высокаго положенія дворянства, теперь въ средѣ русскаго общества, но и могъ бы прійти къ прямому логическому выводу, о вѣроятномъ его будущемъ.

Принимая во вниманіе, что наше дворянство составляетъ собою первенствующее въ государствѣ сословіе, высоко развитое передъ всѣми другими классами, сравнительно съ послѣдними богатое, и, по влеченію всемогущей силы самосохраненія и личнаго интереса, стремящееся удержать за собою это первенство уже не сословными привилегіями, которыя, съ естественнымъ развитіемъ народной жизни, должны были упразднiться и

---

[2] Отрывокъ изъ рукописи «О древней и новой Россіи», приложенный къ 12 Т. Исторіи государства Россійскаго» изд. Эверзинга, стр. XXXIX.

фактически упраздняются, а бо́льшими умственными, нравственными и экономическими преимуществами и заслугами,—принимая все это въ соображеніе, можно, кажется, съ увѣренностію заключить, что дворянство русское необходимо должно имѣть свою будущность, и притомъ будущность свѣтлую—нравственное право на участіе въ дальнѣйшихъ судьбахъ всѣмъ намъ дорогой, великой Россіи.

Да и однимъ тысячелѣтнимъ своимъ существованіемъ, съ которымъ связана національная честь, русское дворянство, бывъ всегда твердою опорою Русскаго Престола и первымъ оплотомъ порядка и тѣхъ началъ, подъ сѣнію которыхъ Россія прожила свое тысячелѣтіе, засвидѣтельствовало уже передъ міромъ и закрѣпило въ своемъ сознаніи право на нѣчто весьма великое, весьма могущественное и славное въ будущемъ [3]. Для него не

[3] Въ подкрѣпленіе этихъ словъ, обращаемъ вниманіе читателя на нижеслѣдующіе правительственные акты, въ которыхъ выражены нашими Августѣйшими Монархами высокія мысли, о значеніи русскаго дворянства:

Въ *Манифестѣ 30-го августа 1814 года*, мы читаемъ слѣдующее царское изрѣченіе: «Благородное дворянство Наше, вѣрная и крѣпкая ограда Престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ ненарушимую преданность и любовь къ царю и отечеству, наипаче же нынѣ изъявившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имуществъ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимірской лентѣ медалью», и проч.

Въ *Манифестѣ 26-го августа 1856 года*, относительно дворянства, сказано: «Мы обращаемся къ Нашему вѣрному, благородному Россійскому дворянству. Оно привыкло издавна примѣромъ своимъ предшествовать прочимъ состояніямъ на поприщѣ чести и жертвъ за отечество, и Мы знаемъ сколь велики сіи жертвы въ продолженіе послѣдней войны (1853 — 1856). Цѣня ихъ въ полной мѣрѣ, Мы жалуемъ, не въ награду, а лишь въ память оныхъ, каждому дворянскому семейству, въ лицѣ главы его, медаль изъ бронзы. Она будетъ носима въ петлицѣ на лентѣ ордена Св. Владиміра,» и проч.

Въ *Манифестѣ 19-го февраля 1861 года* знаменательны слѣдующія выраженія: «Мы начали дѣло сіе (дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости) актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу отечества. Самому дворянству предоставили

должны пройти безплодно уроки исторіи. Въ своемъ прошедшемъ, въ историческихъ воспоминаніяхъ о своемъ патріотизмѣ, двигавшемъ его на самыя высокія жертвы, дворянство почерпнетъ моральныя силы къ дальнѣйшему прогрессивному движенію, въ духѣ современной цивилизаціи, и твердыя правила — „оставаться (какъ выразилось московское дворянство въ двухъ всеподданнѣйшихъ своихъ адресахъ) на высотѣ тѣхъ обязанностей, которыя будутъ указаны ему мудростію Монарха въ общемъ политическомъ строѣ государства“ [4]. Притомъ же, разъ образовавшееся на началахъ, выработанныхъ многовѣковою историческою жизнію Россіи, дворянство, какъ древнее государственное учрежденіе, получившее отъ верховной власти существованіе и средства къ дальнѣйшему своему существованію, и, слѣдовательно, учрежденіе необходимое и полезное, не можетъ заглохнуть и превратиться въ безжизненную форму—въ титулъ, въ особенности въ наше время, въ виду настоятельныхъ нуждъ общества и народа, въ виду потребности нравственныхъ силъ —

Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось». Далѣе въ семъ же Манифестѣ изображено: «Полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній» и проч.

Наконецъ, въ *Высочайшемъ Рескриптѣ 25-го декабря 1873 года* на имя министра народнаго просвѣщенія, представляются вниманію слѣдующія драгоцѣнныя для дворянства Монаршія слова: «Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній» и проч.

[4] С.-Петерб. Вѣдомости: 24 ноября 1870 г. № 324 и 8 января 1874 г. № 8.

дѣятелей съ просвѣщеннымъ умомъ и здравымъ пониманіемъ общественныхъ нуждъ—такихъ дѣятелей, на которыхъ могла бы опереться верховная власть въ своихъ преобразованіяхъ для блага отечества и государственнаго благоустройства.

Дворянство, какъ сословіе, много значитъ на вѣсахъ политики. Такъ какъ управленіе государственными дѣлами должно сосредоточиваться преимущественно въ классѣ общества, отличающагося аристократическими элементами (о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь), то, гдѣ нѣтъ сословія, политически существующаго и совмѣщающаго въ себѣ, въ извѣстной мѣрѣ, эти элементы, тамъ сословіе такое образуется въ практической жизни само собою; и потому, извѣстная часть его — люди лучшіе, люди порядка—непремѣнно получатъ преобладаніе надъ остальными классами общества и преимущественное участіе въ политической власти. Затѣмъ, кто вѣритъ непоколебимо въ естественный ходъ дѣлъ, тотъ легко поймётъ, что безъ руководящаго, образованнаго сословія, не бывало и не можетъ быть благоустроенной страны. Дворянство русское приготовлено исторіей, образованіемъ и самостоятельнымъ матеріальнымъ положеніемъ — быть такимъ руководящимъ сословіемъ. Эта идея, глубоко сознанная и глубоко прочувствованная дворянствомъ, даетъ ему большую увѣренность въ его будущемъ политическомъ, легальномъ значеніи, — увѣренность, что дальнѣйшее существованіе въ Россіи дворянства составляетъ для нея, такъ сказать, политическій догматъ.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, то историческое предвидѣніе, которое читатель вынесетъ, быть можетъ, изъ внимательнаго обзора представляемыхъ исторіею о русскомъ дворянствѣ фактовъ, по отношенію къ вопросу, о наиболѣе вѣроятномъ исходѣ дворянства изъ наступившаго въ настоящее время для него кризиса!

Но прежде, чѣмъ дойдетъ дѣло до изложенія историческихъ фактовъ о русскомъ дворянствѣ, мы должны обратить вниманіе на первые, естественно представляющіеся при этомъ случаѣ, вопросы: Что такое дворянство? Какое соединяется съ этимъ словомъ понятіе? Какое оно имѣетъ значеніе съ теоретической точки зрѣнія?

Названіе дворянство можно понимать весьма различно. На офиціальномъ же и общественномъ языкѣ подъ именемъ дворянства разумѣется нынѣ извѣстный разрядъ лицъ, принадлежащихъ къ высшему сословію въ государствѣ,—лицъ, установленныхъ верховною властію съ цѣлію имѣть въ нихъ, на разныхъ поприщахъ государственной дѣятельности, слугъ преданныхъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ дѣйствительной политической жизни государства и интересамъ его правительства.

Итакъ, цѣль установленія дворянства ясно опредѣлена. Отличительный характеръ дворянства состоитъ въ томъ, что оно въ сферѣ государственной дѣятельности должно имѣть по преимуществу служебное направленіе. Служба государственная—коренное начало, которое положено въ основаніе практической дѣятельности русскихъ людей высшаго класса съ древнѣйшихъ временъ, и, не смотря на смѣну поколѣній и на различныя отношенія членовъ его другъ къ другу и къ правительству, сохраняется крѣпко до нашихъ дней [5]. Гдѣ только дворянство существуетъ, оно всегда составляетъ тамъ первый служебный и преимущественно военный элементъ страны, и, слѣдовательно, образуетъ собою необходимый органъ въ государственномъ устройствѣ.

Все сказанное выше, относительно прямаго назначенія дворянства, касается лишь только его внѣшней

[5] Въ Манифестѣ 11-го іюня 1845 г. сказано: «Издревле дворянство въ Россіи пріобрѣталось службою; но условія пріобрѣтенія онаго по временамъ измѣнялись, съ измѣненіемъ порядка военной и гражданской службы (П. С. З. № 19.086).

или формальной стороны. Но, приэтомъ, не должно упускать изъ вида, что высокое соціальное положеніе дворянства опредѣляется не одною внѣшнею его стороною—названіемъ, титулами, чинами, отправленіемъ служебныхъ обязанностей,—а стороною внутреннею, существенною, именно тѣмъ, чтобы оно было аристократіею въ точномъ смыслѣ этаго слова, т. е. прогрессивнымъ строемъ лучшихъ, самыхъ развитыхъ людей въ государствѣ,—чтобы оно было вожатымъ своихъ соотечественниковъ, готовымъ на великій гражданскій подвигъ приносить въ жертву свое время и свой трудъ, когда дѣло идетъ объ общественныхъ интересахъ, о томъ, чтобъ помочь отечественной странѣ и добрымъ примѣромъ, и совѣтомъ, и дѣломъ. Вотъ что опредѣляетъ и достоинство самой формы или внѣшности дворянства.

Но аристократія возникаетъ и утверждается не случайно, а зависитъ отъ такихъ благъ или преимуществъ, которыя, по существу своему, могутъ быть достояніемъ только меньшинства въ обществѣ. Главнѣйшія изъ этихъ благъ суть: *происхожденіе*, *личныя врожденныя качества*, *богатство*, *воспитаніе*, *познанія*. Всѣ эти преимущества, между которыми существуетъ неразрывная связь, и составляютъ именно тѣ элементы естественной аристократіи, обладаніе которыми влечетъ за собою извѣстное къ ихъ обладателю со стороны мыслящихъ людей чувство почтенія и глубокаго уваженія.—Продолжимъ же рѣчь о перечисленныхъ положительныхъ благахъ, имѣющихъ въ общественной жизни такое высокое значеніе.

Когда говорится о *происхожденіи*, надобно разумѣть самый фактъ рожденія, совершенно независимый отъ прочихъ аристократическихъ элементовъ—такой фактъ, который въ глазахъ всего общества соединяетъ одного человѣка съ другимъ и имѣетъ большое значеніе въ

общественномъ мнѣніи — въ сферѣ людей разумныхъ, просвѣщенныхъ и опытныхъ. Органомъ для выраженія этого мнѣнія служитъ само общество. Оно всегда отличаетъ дѣтей, носящихъ громкія имена отцовъ, высоко чтимыхъ за ихъ полезныя дѣла и заслуги передъ отечествомъ на поприщѣ политическомъ, военномъ, литературномъ и проч. Мы никакъ не можетъ равнодушно пройти мимо незнакомаго намъ человѣка, когда намъ скажутъ: это сынъ князя Я. Ѳ. Долгорукаго—одного изъ образованнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго—сынъ такого вельможи, который отличался во всю свою жизнь усердіемъ къ государю, ревностію къ отечеству и всегдашнею неустрашимостію въ правдѣ; или—это сынъ геніальнаго полководца и доблестнаго мужа князя Суворова; или—сынъ знаменимаго историка-писателя и преобразователя русскаго языка, Н. М. Карамзина, и т. д.—Сынъ славныхъ родителей пользуется выгодами общественнаго положенія уже вслѣдствіе одного факта рожденія отъ нихъ, а также вслѣдствіе и того, что онъ, будучи воспитанъ въ семьѣ и въ духѣ благородныхъ началъ, не можетъ быть не достойнымъ своихъ родителей. Такое настроеніе общества относиться съ уваженіемъ къ знатной породѣ, составляющей основный аристократическій элементъ, не проходитъ безъ благотворныхъ послѣдствій для страны. Исторія свидѣтельствуетъ, что лѣтописи тѣхъ народовъ наиболѣе блистаютъ доблестными мужами, гдѣ здоровое общественное мнѣніе громко выражаетъ свое сочувствіе къ гражданскимъ или военнымъ подвигамъ, совершеннымъ сими людьми или ихъ предками, и гдѣ представители фамильнаго преданія поддерживаютъ его свѣжими собственными заслугами. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе становится однимъ изъ всеобщихъ двигателей человѣческой нравственности и

пособникомъ къ утвержденію основанія естественной аристократіи—лучшихъ силъ въ обществѣ.

Что жъ касается *личныхъ врожденныхъ качествъ* вообще—это не что иное, какъ прирожденныя преимущества умственныхъ способностей, таланта, характера или энергіи воли, т. е. такія преимущества, которыя даютъ перевѣсъ одному человѣку надъ другимъ, менѣе надѣленнымъ отъ природы подобными дарами. Здѣсь, однако, надобно замѣтить, что различныя эти качества, дающія превосходство, непремѣнно идутъ въ уровень съ той степенью образованности, на которой находится общество въ данную эпоху. Такъ, напримѣръ, если мы перенесемся въ эпоху преобладанія у извѣстнаго народа грубой матеріальной силы, то увидимъ, что военная храбрость и добыча были самымъ естественнымъ для того времени превосходствомъ, и потому лучшіе, по современнымъ понятіямъ, люди были—люди храбрѣйшіе, одаренные большою матріальною силой и чувствующіе потребность упражнять ее. Удача въ набѣгѣ, собранная грабежемъ добыча, захватъ поземельныхъ пространствъ—все это были естественныя превосходства, конечно, самыхъ грубыхъ свойствъ, въ обществѣ людей, не признававшихъ достоинства иныхъ доблестей, иныхъ способовъ обогащенія, иныхъ правъ на землю. Не то значитъ превосходство воинскихъ способностей, таланта, характера, теперь для развитой умственно и нравственно среды людей, при быстрыхъ успѣхахъ европейской цивилизаціи; не то нынѣ, что за нѣсколько сотъ лѣтъ, быть храбрымъ воиномъ, вліятельнымъ землевладѣльцемъ, блестящимъ государственнымъ мужемъ: категоріи превосходства остались неизмѣнными, но формы или виды ихъ проявленія, способы пользованія ими соотвѣтственно духу времени и развитію цивилизаціи, иные, и требуютъ уже несравненно болѣе усилій со

стороны обладателей тѣхъ преимуществъ, теперь, чѣмъ въ давно-прошедшія времена.

Далѣе, *богатство* матеріальное, состоящее въ разныхъ видахъ имущества, имѣетъ то общественное превосходство, что становится источникомъ благосостоянія человѣка и служитъ его цѣлямъ, проявляющимся въ удовлетвореніи различныхъ жизненныхъ его нуждъ, въ производствѣ новыхъ капиталовъ, въ развитіи умственныхъ потребностей; слѣдовательно, богатство обусловливаетъ доступъ ко всѣмъ духовнымъ благамъ жизни, ко всѣмъ тѣмъ интересамъ, которые собственно дѣлаютъ человѣка—человѣкомъ. Сверхъ того, обладаніе богатствомъ имѣетъ еще и то важное преимущество, что, въ управленіи общественными дѣлами, люди съ умами просвѣщенными наукой и съ достаточнымъ состояніемъ, при равныхъ условіяхъ нравственности, менѣе будутъ подвержены искушеніямъ, или, правильнѣе сказать, могутъ легче восторжествовать надъ искушеніями, которыя несравненно сильнѣе и страшнѣе для людей необразованныхъ и бѣдныхъ. Неудивительно, поэтому, если къ обладателю богатства съ почтеніемъ обращены взоры всѣхъ его окружающихъ: мы не можемъ ни отрицать этого, ни этому воспрепятствовать. Такимъ образомъ, богатство, сосредоточенное и въ извѣстныхъ разрядахъ общества, дѣлается прочною основою превосходства ихъ не только въ экономическомъ, но и въ общественномъ смыслѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ сказать объ аристократическомъ элементѣ, не менѣе богатства могущественномъ, о *воспитаніи*. Вопросъ о воспитаніи есть вопросъ о нравственномъ достоинствѣ и счастіи человѣка. Благовоспитанность, въ общемъ смыслѣ этого слова, есть такая выработка всей человѣческой личности — душевныхъ склонностей, вкуса, нравственнаго чувства,—которая

облегчаетъ человѣку, ее получившему, отношенія къ окружающему обществу и дѣлаетъ эти отношенія пріятными для всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ дѣла. Самыя щекотливыя и непріятныя столкновенія дѣлаются легче съ человѣкомъ благовоспитаннымъ, чѣмъ съ неблаговоспитаннымъ. Формы благовоспитанности измѣняются въ человѣческомъ общежитіи съ измѣненіемъ нравовъ и обычаевъ страны. Съ уваженіемъ и сдержанностію становится благовоспитанный передъ каждымъ человѣкомъ, передъ каждымъ дѣломъ, наблюдая правила приличія и умѣренности. Это качество безъ всякаго сомнѣнія пріобрѣтается умомъ и знаніемъ; но нѣтъ такого ума, который бы могъ обнять всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, и потому сдержанность, привѣтливость, терпѣніе и благоразуміе являются въ человѣкѣ какъ привычка, данная воспитаніемъ, держать свои дѣйствія въ извѣстныхъ границахъ или уважать самого себя,— являются какъ инстинктивный тактъ жизни, который въ дѣйствительности составляетъ превосходство всегда и вездѣ и пользуется сочувствіемъ и уваженіемъ у всѣхъ благомыслящихъ людей. Отсюда ясно, что такъ какъ сношенія съ благовоспитанными людьми пріятнѣе и легче, нежели съ неблаговоспитанными, то первые имѣютъ всегда преимущество предъ вторыми,—первые могутъ легче, чѣмъ вторые, соединить вокругъ себя людей, сосредоточить ихъ для своей цѣли и имѣть на нихъ вліяніе продолжительное и прочное. Такія, а не иныя, должны быть проявленія въ дѣйствіяхъ человѣка, употребившаго силы свои на самовоспитаніе—и вотъ по какимъ причинамъ. Воспитывать себя значитъ подчинять волю свою, какъ главную силу человѣка, чистымъ нравственнымъ правиламъ для чистыхъ цѣлей, или, другими словами, значитъ получать съ раннихъ лѣтъ направленіе къ усвоенію справедливости, честности и доброты, т. е. такихъ личныхъ

свойствъ, которыя составляютъ существенное условіе хорошаго человѣка. Первоначальное воспитаніе, какъ извѣстно, дается человѣку съ дѣтства и получается имъ непроизвольно; но, въ послѣдствіи, въ зрѣломъ его возрастѣ, оно покупается уже силою сознательнаго, самостоятельнаго и настойчиваго труда, и притомъ зависитъ преимущественно отъ условій жизни, отъ достатка матеріальныхъ средствъ, отъ общественной среды, въ которую поставленъ самовоспитывающійся человѣкъ, и, наконецъ, отъ того, если онъ не отстаетъ отъ движенія современныхъ идей въ обществѣ и отъ науки. Такимъ образомъ, воспитаніе дѣлаетъ человѣка хорошимъ; а хорошій человѣкъ всегда будетъ пріятенъ и полезенъ для другихъ, хотя бы даже не заботился объ этомъ.

Обсуждая, наконецъ, вопросъ о послѣднемъ аристократическомъ элементѣ—*познаніи*, можно объ немъ сказать то же, что̀ о воспитаніи. Знаніе есть преимущество и сила въ рукахъ человѣка передъ человѣкомъ безъ знанія. Самый трудъ человѣка образованнаго имѣетъ болѣе цѣны передъ трудомъ необразованнаго, по той простой причинѣ, что, съ развитіемъ народной дѣятельности, занятія, для своего успѣха, все болѣе и болѣе требуютъ спеціальнаго знакомства съ ними, пріобрѣтаемаго наукою. Эта своего рода спеціальность не можетъ быть принадлежностью всѣхъ людей, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе знанія, образованія, не зависитъ положительно отъ воли каждаго, желающаго получить оное, но постоянно находится въ зависимости отъ происхожденія, богатства, воспитанія даннаго въ дѣтствѣ, и, кромѣ того, отъ чернаго и упорнаго труда, который одинъ можетъ быть залогомъ умственнаго развитія, прогресса и благосостоянія. Отсюда само собою слѣдуетъ, что пока знаніе и образованность распространены въ высшемъ классѣ общества болѣе, чѣмъ въ рабочемъ, послѣдній по необходи-

мости останется въ мирномъ подчиненіи у перваго, и что, поэтому, представляется самымъ естественнымъ въ общественной жизни то явленіе, что группа людей образованныхъ получаетъ перевѣсъ и преобладаніе передъ группой необразованныхъ, ученые пользуются бо́льшими преимуществами передъ неучеными, разумно трудящіеся передъ неумѣющими или нехотящими трудиться. Эти истины до того ясны, что не нуждаются уже въ дальнѣйшихъ доказательствахъ.

Итакъ, если исчисленныя выше преимущества, или отличія, возникающія изъ самой сущности человѣческой природы и пріобрѣтаемыя съ величайшимъ трудомъ, составляютъ то, что называется естественною, истинною аристократіею, — если названныя преимущества всегда и вездѣ давали обладателямъ ихъ огромный вѣсъ, силу и высокое значеніе въ обществѣ, независимо отъ всякихъ установленныхъ положительнымъ законодательствомъ привилегій; то само собою разумѣется, что аристократія искусственная (привилегированное сословіе, родовое и служебное дворянство), учрежденная верховною властью и фактически существующая въ государствѣ, должна необходимо приближаться, въ извѣстной степени, къ аристократіи естественной,—должна основываться на ней, усвоивать себѣ общія руководящія ея начала и стремиться къ осуществленію идеала истиннаго аристократическаго общества—дѣйствительнаго дворянства во всемъ его величіи. Въ противномъ случаѣ, при отсутствіи въ организованной государственною властью аристократіи дарованій, заслугъ, познаній и другихъ достоинствъ и принадлежностей, долженствующихъ отличать членовъ ея отъ остальной части общества, ни какая въ мірѣ администрація не можетъ обезпечить могущество и вліяніе этого высшаго, по уставамъ, класса людей на прочіе низшіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ основаніи дворянства (аристократіи искусственной) не лежало что нибудь, возвышающее человѣчество, и если бы дворянство не стремилось приблизиться къ нравственнымъ правиламъ — къ духу, знаменующему истинное благородство, и, своими нравственными и умственными достоинствами, не старалось бы возвыситься надъ массой народа, — то самое установленіе въ государствѣ этого сословія было бы ничѣмъ необъяснимою аномаліей (уклоненіемъ отъ обыкновеннаго порядка вещей) и юридическою несообразностію въ томъ смыслѣ, что сословіе дворянства, долженствующее имѣть въ своемъ составѣ способныхъ и образованныхъ лицъ, наполняется такими людьми, которые, по ихъ качествамъ, не соотвѣтствуютъ прямому своему назначенію. Поэтому, хотя въ мірѣ семъ никакая сущность дѣла немыслима безъ формы, важна, однако, не форма, не внѣшнее проявленіе дворянства подъ такимъ или другимъ названіемъ или почетнымъ титуломъ, — важенъ смыслъ его установленія; а прямой смыслъ тотъ, что дворянство, какъ однородная группа лучшихъ людей, совмѣщающихъ въ себѣ, въ нѣкоторой степени, аристократическіе элементы, можетъ и должно содѣйствовать, словомъ и дѣломъ, распространенію здравыхъ понятій въ массахъ темнаго люда, съ употребленіемъ для сей цѣли, въ случаѣ нужды, и собственныхъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ общественное значеніе сословія достигается не иначе, какъ цѣною самопожертвованія, — можетъ и должно говорить откровенно и поступать по правдѣ, т. е. честно и дѣльно — поступать по правдѣ — такъ какъ правда и есть именно то, около чего, какъ выражается г. Кавелинъ, вертится вся исторія и вся общественность — то, изъ чего родъ людской бьется и трудится отъ сотворенія міра [6].

[6] О губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. К. Д. Кавелина. С. Петербургскія Вѣдом. 7 Марта 1864 г. № 53.

Опредѣливъ, въ краткомъ очеркѣ, значеніе дворянства умозрительными соображеніями, почерпнутыми изъ общихъ началъ теоретическаго правоученія, обратимся теперь, согласно предначертанному плану, къ послѣдовательному изложенію цѣлаго ряда историческихъ фактовъ, изъ которыхъ вытекаетъ несомнѣнное существованіе съ древнѣйшихъ временъ дворянства, какъ политическаго учрежденія, созданнаго въ Россіи верховною властію.

Сущность историческихъ указаній, относительно этого предмета, заключается въ томъ, что начальное образованіе въ Россіи при первыхъ правителяхъ ея, князьяхъ, высшаго класса въ средѣ мѣстнаго населенія, совпадаетъ съ началомъ государственной и исторической ея жизни — съ эпохою призванія и водворенія въ ней варяго-русскихъ князей. Съ того времени этотъ высшій классъ русскаго общества становится извѣстнымъ изъ отечественной исторіи подъ именемъ *княжеской дружины*, отличительный характеръ которой состоялъ въ томъ, что члены ея, въ качествѣ воиновъ и слугъ князя, повсюду слѣдовали за нимъ, получали отъ него достаточное денежное или матеріальное обезпеченіе, и, сверхъ того, какъ люди свободные, имѣли право переходить на службу отъ одного русскаго князя къ другому, во все время господства въ русской странѣ удѣльно-вѣчевой системы. Такую особенность своего быта княжеская дружина удерживала за собою до и послѣ порабощенія татарами Россіи въ 1240 году [7].

Затѣмъ, въ первой половинѣ XIII столѣтія, въ отношеніи слугъ и воиновъ княжескихъ, явилась та перемѣна, что всѣ они, вмѣсто первоначальнаго названія «кня-

---

[7] Южная Россія, въ которой стольнымъ городомъ былъ Кіевъ, впервые узнала татаръ въ 1224 году. Они окончательно овладѣли Кіевомъ 6-го декабря 1240 года; а вскорѣ затѣмъ и сѣверною частію Россіи. (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соловьева. Т. 2, стр. 380; Т. 3 стр. 177).

жеская дружина» получили названіе *княжескій дворъ*, и продолжали носить это новое названіе до восшествія на великокняжескій московскій престолъ Іоанна III-го въ 1462 году.

Съ основаніемъ при этомъ государѣ единодержавія и самодержавія въ Россіи, прежняя система, относительно вознагражденія членовъ княжеской дружины, названныхъ, какъ сказано выше, княжескимъ дворомъ, пала, а явилась система помѣстная, въ силу которой члены бывшей вольной дотолѣ княжеской дружины, или княжескаго двора, начали уже получать за службу помѣстья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишившись права вольнаго перехода, должны были совершенно подчиниться волѣ государя московскаго и сдѣлаться безсрочными его слугами, отъ чего и получили названіе *служилыхъ людей*, сохранившееся за ними до временъ Петра Великаго.

Петръ Великій, обратившій вниманіе на такъ называемыхъ съ Іоанна III служилыхъ людей, пересталъ давать имъ за службу помѣстья, назначивъ, за отбываніе ими этой повинности, денежное, въ опредѣленномъ размѣрѣ, жалованье; розданныя же прежде помѣстья обратилъ въ собственность ихъ владѣльцевъ, не касаясь, однако, результата прежней помѣстной системы, сдѣлавшей службу для высшаго класса постоянно обязательною на всю жизнь. Къ числу важнѣйшихъ реформъ, имѣвшихъ предметомъ устройство этого класса, относится, между прочимъ, то, что Петръ Великій, образовавъ изъ старинныхъ, другъ отъ друга разрозненныхъ, служилыхъ людей одно сословіе, связывавшее ихъ между собою общностію наиболѣе существенныхъ своихъ интересовъ, назвалъ его *шляхетствомъ*.

При преемникахъ Петра Великаго, сословіе это постепенно получало разныя преимущества, которыя, въ особенности въ царствованіе Екатерины II, умножены,

возвышены и освящены были закономъ. Около того же времени данное этому сословію нерусское названіе шляхетство замѣнено чисто русскимъ именемъ—*дворянство.*

Соотвѣтственно такимъ, поочередно смѣнявшимся, въ силу историческаго движенія, четыремъ формамъ, въ которыхъ проявилось историческое существованіе русскаго дворянства, никогда не упразднявшагося, а только перемѣнявшаго свое названіе, съ измѣненіемъ сущности, т. е. внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ Россіи, — и предлагаемое сочиненіе: „Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка“,— дѣлится также на четыре періода.

Первый періодъ содержитъ въ себѣ протяженіе времени около четырехъ вѣковъ, именно: отъ основанія Россіи до покоренія ея татарами (862—1240). Въ немъ изложены историческія извѣстія о княжеской дружинѣ.

Второй періодъ длится болѣе двухъ столѣтій — отъ покоренія татарами Россіи до образованія изъ многочисленныхъ удѣльныхъ княжествъ ея одного московскаго государства (1240—1462). Тутъ показано значеніе той же дружины подъ новымъ названіемъ—княжескій дворъ.

Третій періодъ обнимаетъ собою время, протекшее отъ возникновенія московскаго государства до начала царствованія въ немъ Петра Великаго, и, слѣдовательно, продолжавшееся болѣе двухъ вѣковъ (1462—1689). Въ этомъ періодѣ уясненъ вопросъ о служилыхъ людяхъ, согласно съ господствовавшимъ тогда воззрѣніемъ на сей предметъ современниковъ.

Четвертый періодъ заключаетъ въ себѣ одно только столѣтіе—періодъ сравнительно краткій по времени, но богатый и поучительный по своему содержанію (1689—1796). Въ немъ сказано объ установленіи дворянскаго сословія, не существовавшаго прежде въ настоящемъ смыслѣ этого слова ни фактически, ни юридически.

Періоды эти, для удобства изложенія, подраздѣляются еще на главы, изъ которыхъ каждая обнимаетъ опредѣленную часть всего предмета, и въ которыя вошли только лишь наиболѣе крупныя, выдающіяся черты прошлой исторіи русскаго дворянства.

Присоединенныя въ концѣ книги примѣчанія и ссылки показываютъ источники, откуда авторъ черпалъ, имѣющія прямое отношеніе къ дѣлу, данныя, разбросанныя, правда, по разнымъ мѣстамъ сочиненій и актовъ и, большею частію, въ отрывочномъ видѣ, но такія данныя, которыя, бывъ сгруппированы и обобщены авторомъ, послужили для него историческими доказательствами, облегчившими изслѣдованіе предмета и способствовавшими къ уясненію вопроса, о русскомъ дворянствѣ, съ фактической его стороны.

Сверхъ того, указаніе на источники сопровождается еще не только наименованіемъ книгъ, журнальныхъ статей, законодательныхъ актовъ, изъ которыхъ браты были свѣдѣнія по тому или другому предмету, но и точнымъ обозначеніемъ мѣстъ, въ которыхъ изложены эти свѣдѣнія. И все это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы приведенные авторомъ въ его трудѣ факты не казались читателю голословными, и чтобы, безъ затрудненія, могло быть имъ провѣрено и самое сочиненіе.

Иванъ Порай-Кошицъ.

8 Апрѣля 1874 г.
С.-Петербургъ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ ОСНОВАНІЯ РОССІИ ДО ПОКОРЕНІЯ ЕЯ ТАТАРАМИ (862—1240).

О КНЯЖЕСКОЙ ДРУЖИНѢ.

ГЛАВА I.

Призваніе славянскими и финскими племенами варяго-русскихъ князей. — Названіе «князь» дѣлается исключительною принадлежностью потомковъ Рюрикова дома. — Дружина княжеская, ея значеніе и отношенія къ князю.

Призваніе славянскими и финскими племенами варяго-русскихъ князей.

На обширной сѣверо-восточной европейской равнинѣ — на берегахъ Ильменя, Бѣлоозера и р. Великой — обитали въ IX вѣкѣ, въ своемъ патріархальномъ родовомъ быту, новгородскіе славяне и союзныя съ ними финскія племена: весь, чудь, кривичи. Каждый родоначальникъ или старшина жилъ съ своимъ родомъ, управляя имъ. По причинѣ разъединенія и постоянной между родами или семьями вражды, возникали у нихъ столкновенія — родовыя усобицы, при которыхъ сила была единственнымъ рѣшителемъ спора. Управы не было.

Въ слѣдствіе такого тревожнаго положенія дѣлъ, явилась потребность установить надъ разрозненными родами такую власть, которая была бъ, по отсутствію ея родовыхъ отношеній къ мѣстному населенію, безпристрастнымъ судьею въ странѣ, внесла бъ въ оную миръ и порядокъ и защищала бы ее отъ внѣшнихъ враговъ, — словомъ, явилась необходимость установить форму политическаго общежитія. Съ этою цѣлью, отъ

всѣхъ упомянутыхъ союзныхъ и свободныхъ племенъ призваны были, въ 862 году, изъ-за моря (балтійскаго), для управленія ими варяго-русскіе князья: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Они прибыли съ своими родственниками, въ сопровожденіи своей дружины, и утвердились въ пограничныхъ пунктахъ земель, принадлежавшихъ призвавшимъ ихъ племенамъ: первый въ Новѣгородѣ у славянъ, второй въ Бѣлоозерѣ между весью и чудью, третій въ Изборскѣ у кривичей. Но такъ какъ послѣдніе два правителя, по прошествіи двухъ лѣтъ отъ своего водворенія въ тѣхъ земляхъ, умерли, то всю верховную власть надъ призвавшими ихъ племенами принялъ одинъ князь Рюрикъ [1].

Названіе «князь» дѣлается исключительною принадлежностью потомковъ Рюрикова дома.

Позднѣйшія событія показываютъ, что Рюрикъ прочно утвердилъ свою верховную власть и княжеское достоинство въ славянской землѣ, которая отъ варяго-русскихъ князей и прозвалась Русью или Россіею. Всѣ члены Рюрикова рода стали носить названіе *князей;* оно сдѣлалось исключительною принадлежностью всѣхъ ихъ, по праву происхожденія отъ общаго прародителя, и, какъ пріобрѣтаемое только рожденіемъ отъ Рюриковой крови, оно равняло всѣхъ рюриковичей между собою; и потому, названіе «князь» было общее для всѣхъ членовъ Рюрикова дома, ни въ какомъ случаѣ неотъемлемое, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и не имѣли въ своихъ рукахъ верховной власти [2].

Дружина княжеская и ея отношенія къ князю.

Затѣмъ, самымъ выдающимся явленіемъ, замѣчаемымъ въ фактѣ прибытія Рюрика къ призвавшимъ его племенамъ, представляется то, что онъ прибылъ къ нимъ не съ одними только своими родственниками, но въ сопровожденіи собственной *дружины*, какъ особаго учрежденія существенно для него необходимаго, какъ силы, независимой отъ земли, а принадлежащей князю и находящейся въ его распоряженіи, для охраненія порядка въ странѣ [3].

Здѣсь надобно замѣтить, что, при описаніи походовъ русскихъ князей, въ продолженіе излагаемаго періода, названіе «дружина» употребляется въ лѣтописяхъ въ двоякомъ смыслѣ— обширномъ и тѣсномъ. Въ первомъ смыслѣ слово «дружина» выражаетъ полкъ, армію, войско, воевъ, т. е. совокупность

всѣхъ военныхъ вооруженныхъ людей, которые, по случаю похода противъ сильнаго непріятеля, при отсутствіи постояннаго войска, набирались изъ городскихъ и сельскихъ жителей, а по окончаніи похода, распускались по домамъ съ добычею или данью. Это было тоже что народное ополченіе.—Названіемъ же „дружина въ тѣсномъ смыслѣ“ обозначались только очень немногочисленныя, близкія къ князю лица, его избранные, возмужалые, привычные къ дѣлу слуги, способные къ выполненію лежавшихъ на нихъ обязанностей: въ мирное время помогать князю совѣтомъ въ рѣшеніи дѣлъ и политическихъ вопросовъ, а въ военное—оружіемъ. Изъ этого видно, что дружина въ тѣсномъ смыслѣ была не что иное, какъ воинскій, въ родѣ гвардіи, отрядъ, всегда находившійся около князя, составлявшій внутреннюю стражу его палатъ, придворный служебный штатъ и его, такъ сказать, подвижной лагерь въ странѣ. Въ этомъ состояла главная основа различія княжеской дружины отъ городскихъ и сельскихъ воевъ[4]. Различіе это представится еще яснѣе, если обратимъ вниманіе на существовавшія отношенія дружины къ князю и князя къ его дружинѣ.

Главныя черты этихъ отношеній выражались въ слѣдующихъ формахъ тогдашняго дружиннаго быта. Члены первоначальной княжеской дружины, преимущественно варяги, пришедшіе съ первыми по времени варяго-русскими князьями къ славянскимъ сѣвернымъ племенамъ, всѣ были люди вольные, не зависящіе ни отъ кого, не признающіе надъ собой ни какой власти и подчиняющіеся другому лицу единственно на основаніи свободнаго договора. Такимъ образомъ, отношенія князей къ ихъ дружинникамъ существовали не государственныя, въ которыхъ члены общества подчиняются верховной власти на основаніи общихъ законовъ, опредѣляющихъ положеніе ихъ какъ подданныхъ,—а были отношенія чисто-юридическія, въ которыхъ обѣ договаривающіяся, совершенно свободныя, стороны, князь и дружинникъ, добровольно вступали въ взаимныя между собою обязательства. Подъ вліяніемъ этого порядка вещей, члены княжеской дружины могли оставаться въ службѣ князя сколько хотѣли; не хотѣли служить—воз-

вращались домой, если родомъ были изъ Скандинавіи, или уходили на службу въ прочія земли, или обращались къ другимъ занятіямъ. Ясно, что дружина княжеская не была какимъ нибудь замкнутымъ кружкомъ людей, но постоянно обновлялась новыми пришельцами: дорога въ дружинники ни для кого изъ охотниковъ храбрыхъ и способныхъ не была закрыта; входъ въ дружину и выходъ изъ нея былъ свободенъ[5].

Эти начальныя отношенія дружины къ князю оставались въ силѣ и въ послѣдствіи времени, когда въ составѣ ея, постоянно пополнявшемся новыми уже отечественными членами, сталъ преобладать элементъ славянскій. Каждый дружинникъ, при существовавшемъ въ описываемый періодъ множествѣ владѣтельныхъ русскихъ князей, пользовался полною старинною свободою отъѣзда изъ службы одного князя въ службу къ другому. — Такіе отъѣзды или переходы жившихъ около князя дружинниковъ считались необходимыми или, въ слѣдствіе княжескихъ перемѣщеній, совершавшихся, единственно по родовымъ счетамъ, изъ волости въ волость, на тѣ столы, которые соотвѣтствовали ихъ степени старшинства, или, въ слѣдствіе возникшихъ какихъ либо между княземъ и дружинниками его неудовольствій. Извѣстно, что родъ княжескій сохранялъ тогда свое единство, а земля русская была общею отчиною, или общимъ владѣніемъ для каждаго члена княжескаго рода; однако дружинникъ не потому шелъ въ землю, которая составляла одно цѣлое съ тою, которую онъ покинулъ, а потому что онъ былъ человѣкъ вольный, никѣмъ не стѣсняемый и не принадлежащій постоянно ни къ какому обществу, — что и выражалось словами: «боярамъ и слугамъ вольнымъ воля»[6].

ГЛАВА II.

Чины, составлявшіе княжескую дружину: Бояре. — Мужи княжи или Гриди. — Отроки или Дворяне.

Чины, составлявшіе княжескую дружину.

Личный составъ княжеской дружины, установленный на зарѣ нашей исторіи, при первыхъ князьяхъ, рюриковичахъ, былъ очень простъ и несложенъ, какъ были несложны и во-

обще тогдашнія требованія общественнаго русскаго быта. При всемъ томъ, въ этомъ близкомъ къ князю учрежденіи встрѣчаются уже высшія и низшія служебныя степени и, соотвѣтствующіе симъ степенямъ, чины старшіе и младшіе; при дальнѣйшемъ же внимательномъ разсмотрѣніи круга общественной дѣятельности самыхъ чиновъ, оказывается, что они дѣлились на три главные разряда: на *боярѣ, мужей княжихъ* или *гридей* и *отроковъ* или *дворянъ*[7].

И такъ, первый разрядъ княжеской дружины составляли чины подъ названіемъ *боярѣ*[8]. Это были старшіе члены дружины, совѣтники князя, его думцы по преимуществу, — были именно тѣ значительные сановники, которымъ Рюрикъ роздалъ въ управленіе города, и отъ имени которыхъ, равно какъ отъ имени малолѣтняго князя Игоря Рюриковича, Олегъ, получивъ полный успѣхъ въ походѣ на грековъ, заключилъ съ послѣдними въ Царѣградѣ мирный и союзный договоръ въ 911 году, — были тѣ избранныя лица, съ которыми Владиміръ Св. думалъ о строѣ земскомъ, о ратяхъ и объ уставѣ земскомъ, и которыя у Юрія Владиміровича Долгорукаго, князя кіевскаго, скончавшагося въ 1157 году, назывались „передними мужами“, т. е. передовыми личностями аристократіи, — словомъ, это тѣ самые люди, безъ совѣта съ которыми русскіе князья, какъ показываютъ многочисленные случаи въ древней нашей исторіи, не начинали ни какихъ дѣлъ, имѣвшихъ предметомъ или внѣшнюю безопасность, или внутреннее благоустройство страны[9]. — Вотъ почему бояре княжескіе, пользовавшіеся такимъ высокимъ почетомъ въ русской землѣ, издревле казались народу, какъ выражается исторіографъ Карамзинъ, верховными мужами[10]. Занимая всегда первыя мѣста близъ князя и служа примѣромъ для дружинниковъ остальныхъ двухъ разрядовъ, они составляли собою нѣкоторую современную аристократію. Бояре.

Званіе боярское, принявшее смыслъ совѣтника, распорядителя, было только личное и не распространялось безусловно на потомство. При частой смѣнѣ князей, при переворотахъ и потрясеніяхъ, бывшихъ, въ продолженіе удѣльно-вѣчеваго времени, въ общественномъ порядкѣ, званіе это и не могло

быть наслѣдственнымъ: бояре, державшіеся стороны одного князя, теряли свое значеніе, когда этого князя вытѣснялъ другой; послѣдній окружалъ себя новыми людьми, оказавшими ему помощь въ достиженіи княженія; новые люди дѣлались боярами, а прежніе упадали въ своемъ значеніи[11]. Боярство пріобрѣталось, такимъ образомъ, чрезъ пожалованіе отъ владѣтельнаго князя и давалось не только пожилымъ, но и молодымъ людямъ. Изъ исторіи княженія Владиміра Св. видно, что государь сей пожаловалъ, въ 993 году, одному храброму юношѣ и отцу его, санъ великихъ мужей или бояръ[12].

Къ изложеннымъ свѣдѣніямъ о боярахъ княжескихъ надлежитъ еще прибавить, что тѣ изъ сихъ старшихъ членовъ княжеской дружины, которые жили въ стольномъ городѣ, носили неизмѣнно названіе бояръ; а прочіе, жившіе по областнымъ городамъ при занимаемыхъ ими тамъ разныхъ должностяхъ, въ отличіе отъ стольныхъ, назывались уменьшительнымъ именемъ — „боярцами“, безъ всякаго, впрочемъ, уменьшенія ихъ достоинства[13].

Мужи княжи или гриди.

Переходя къ изложенію свѣдѣній о второмъ разрядѣ княжеской дружины, надобно прежде всего замѣтить, что члены этого разряда имѣли свои особенности и различались отъ членовъ перваго не только названіемъ, но и характеромъ своихъ, по отношенію къ князю, обязанностей. Въ одной лѣтописи упоминается, что князь Игорь Святославичъ Сѣверскій въ несчастной битвѣ съ половцами въ 1185 году, истребившей близкихъ ему подвижниковъ и предавшей самого его, раненнаго, въ плѣнъ, въ руки этихъ степныхъ варваровъ, съ глубокою горестію произнесъ слѣдующія слова: „гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружіе многоцѣнное? Всего я лишился“. Основываясь на этихъ выраженіяхъ князя Сѣверскаго, авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ пришелъ къ тому заключенію, что слово „мужъ“ въ отношеніи служебномъ означало общее названіе дружинниковъ втораго разряда — низшихъ, младшихъ членовъ княжеской дружины, въ противоположность членамъ ея высшаго разряда — боярамъ, и что, поэтому, бояре были по преимуществу совѣтники — думцы князя, а *мужи* были по

преимуществу воины, т. е. такіе слуги князя, въ которыхъ преобладалъ военный характеръ [14].

Кромѣ того, болѣе точное и опредѣленное названіе для дружины втораго разряда было — *гридь*. — Названіе „гридь“ подало поводъ изслѣдователямъ отечественной старины къ различнымъ его объясненіямъ [15]; но, какое толкованіе ни придавалось бы этому слову, достовѣрно то, что учрежденіе „гридей“ проявилось съ того времени, когда приглашенные союзными сѣверными племенами варяго-русскіе князья, въ сопровожденіи собственной, составленной изъ скандинавскихъ уроженцевъ, дружины, прибыли и поселились въ новгородскихъ мѣстностяхъ, и что, потомъ, долго еще существовали чины подъ названіемъ „гриди“ [16]. Въ Кіевѣ, во дворцѣ Владиміра Св., былъ даже одинъ покой, именовавшійся гридницей (отъ слова гридь), гдѣ онъ часто угощалъ своихъ бояръ, гридей и всѣхъ именитыхъ людей [17]. При преемникахъ Владиміровыхъ члены втораго разряда княжеской дружины продолжали носить названіе „гридь“ [18]; но, въ послѣдствіи, названіе „гридь“ мало-по-малу начинаетъ выходить изъ употребленія, а на мѣсто его встрѣчается соотвѣтствующее ему наименованіе „младшая дружина“, о которой говорится въ разныхъ княжескихъ походахъ [19]. Затѣмъ, такъ какъ съ теченіемъ времени, иноземцы-варяги успѣли уже ославяниться, образовали одну съ кореннымъ славянскимъ племенемъ массу и слились съ нимъ, не оставляя по себѣ ни какихъ признаковъ особнаго существованія ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ преданіяхъ; то, не далѣе какъ во второй половинѣ XII вѣка, исчезло съ русской почвы и самое названіе „гридь“ [20].

Отроки или дворяне.

Третій разрядъ княжеской дружины образовали изъ себя *отроки*, или, что одно и тоже, дѣтскіе, пасынки. Это были лица, составлявшія домашнюю прислугу князя, жившія постоянно при немъ въ его дворцѣ [21]. Главнѣйшія придворныя обязанности отроковъ состояли въ томъ, что они служили за столомъ князю и гостямъ, смотрѣли за вещами его и, по приказу, убирали ихъ, посылались княземъ съ разными порученіями, какъ-то, для изслѣдованія какого нибудь спорнаго дѣла, для суда и расправы и т. п., и, наконецъ, назначались въ

помощники къ высшимъ княжескимъ чиновникамъ [22]. Служня княжеская была тогда очень многочисленна. Такъ, изъ историческаго извѣстія о великомъ князѣ кіевскомъ Святополкѣ Изяславичѣ видно, что, въ 1093 году, у него было 800 своихъ отроковъ, которые, какъ объявилъ онъ кіевскимъ боярамъ, могли стать противъ степныхъ варваровъ, половцевъ. При всемъ томъ, лица, носившія наименованіе „отроковъ“, всегда отдѣлялись отъ другихъ составныхъ частей дружины — „бояръ и мужей княжихъ или гридей“ [23].

Въ позднѣйшее время, когда древняя Россія раздѣлилась на двѣ половины, южную и сѣверную [24], въ послѣдней, именно въ великомъ княжествѣ Владимірскомъ, личные слуги князя, носившіе дотолѣ наименованіе „отроковъ“, или дѣтскихъ, начали называться *дворянами*. Названіе это встрѣчается въ первый разъ, въ княженіе Андрея Юрьевича Боголюбскаго (1169 — 1174), въ смыслѣ людей, принадлежащихъ ко двору княжескому, и притомъ въ качествѣ низшаго класса придворныхъ чиновъ, употреблявшихся, подобно отрокамъ, для выполненія служебныхъ обязанностей, по приказу князя, какъ при его дворѣ, такъ и при намѣстникахъ, тіунахъ и судьяхъ. Затѣмъ, въ первой четверти XIII столѣтія, опять встрѣчается историческое извѣстіе, что при князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, княжившемъ сперва въ Переяславлѣ, а потомъ въ Новгородѣ, были личные слуги, которые, по пребыванію ихъ во дворѣ князя, именовались, какъ и у Боголюбскаго, „дворянами“ [25].

Таковъ былъ, подъ конецъ разсматриваемаго періода, служебный штатъ княжеской дружины.

ГЛАВА III.

Верховная власть князя по внутреннему управленію страною. — Лица, отправлявшія, по назначенію князя, разныя гражданскія должности: По части правительственной: Посадникъ. — Тысяцкій. — Сотскіе. — Мытники. — Городники. — Мостники. По части судебной: Тіуны. — Вирники. — Мѣтельники. — Дьяки. — Ябедники. По части придворной: Казначей. — Ключникъ. — Покладникъ. — Конюшій. — Стольникъ. — Меченоша.

Верховная власть князя по внутренне-

Мы уже видѣли, что призваніе варяго-русскихъ князей совершилось добровольно; ихъ призвали свободныя сѣверныя пле

мена, для управленія всею страною. Слѣдовательно, князья призваны и пришли съ дружиною въ область новгородскую съ характеромъ правительственнымъ, съ атрибутами верховной власти. Эта власть, составлявшая принадлежность новорожденной Россіи, главнымъ образомъ выразилась: въ предводительствѣ князя всею своею дружиной, для выполненія нравственной обязанности защищать русскую землю отъ внѣшнихъ враговъ; въ установленіи въ странѣ внутренняго порядка; въ производствѣ праваго суда. Итакъ, князь, при самомъ началѣ, соединялъ въ особѣ своей три верховныя значенія: вождя дружины, правителя гражданскаго и судьи [26]. Но, такъ какъ князь не всегда могъ исполнять единолично верховную свою обязанность относительно народонаселенія, то, пользуясь самостоятельностію въ дѣлѣ внутренняго управленія страною, онъ поручалъ какъ областное управленіе, такъ и судебную власть, приближеннымъ слугамъ, составлявшимъ его собственную дружину. Тогдашній образъ внутренняго управленія соотвѣтствовалъ простотѣ современныхъ нравовъ: одни и тѣ же люди были и воинами, и гражданскими чиновниками [27]. И вотъ изъ княжеской дружины стали назначаться чиновники, подъ разными наименованіями, для отправленія должностей: А, по части правительственной, Б, по части судебной, и В, по части придворной.

му управленію страною.

А, по части правительственной:

Посадникъ.

Въ главѣ областнаго управленія былъ *посадникъ* князя. Существенная обязанность его состояла въ томъ, чтобы замѣнить князя, во время отсутствія его изъ стольнаго города, или заступить мѣсто его въ городѣ нестольномъ, гдѣ самъ онъ не жилъ. Въ дѣлѣ тогдашняго внутреннаго управленія областію надлежитъ строго отличать характеръ правительственный отъ характера владѣльческаго. Принявъ въ соображеніе кругъ той власти, которая поручалась посаднику, нельзя не замѣтить, что сановникъ этотъ постоянно и вездѣ былъ только съ однимъ правительственнымъ характеромъ, и потому онъ не имѣлъ ни какого права владѣть даннымъ ему для управленія городомъ и его округомъ независимо. Такое именно, а не иное значеніе имѣли мужи Рюрика, которымъ онъ роздалъ города а также

мужи Олега, посаженные въ занятыхъ имъ городахъ, Смоленскѣ и Любечѣ [28]. Ясно, что посадникъ былъ знаменитый слуга князя, имѣлъ значеніе княжескаго чиновника, который судилъ жителей своего посадничества и управлялъ ими, исполнялъ приказанія князя и, вообще, при отправленіи своей должности, вполнѣ зависѣлъ отъ его воли. Назначеніе посадника, или смѣна его, совершались по приказу князя; равнымъ образомъ смѣна самаго князя, при перемѣщеніи изъ волости въ волость по родовымъ отношеніямъ, необходимо влекла за собою и смѣну посадника [29]. Ставились же въ землѣ русской посадники не только изъ извѣстнаго круга фамилій боярскихъ, но даже изъ княжескихъ отроковъ [30].

Тысяцкій.

Другимъ правительственнымъ лицомъ въ нестольномъ городѣ, кромѣ посадника, считался *тысяцкій*, или воевода. Это былъ постоянный начальникъ земскихъ полковъ, которые, какъ сказано выше, набирались изъ городскаго и сельскаго населенія, отъ чего онъ и имѣлъ самое близкое къ этому населенію отношеніе и въ мирное, и въ военное время, и притомъ творить судъ надъ чернымъ, или простымъ народомъ. Въ званіе тысяцкаго назначался княземъ одинъ изъ членовъ собственной его дружины, преимущественно изъ бояръ, какъ первыхъ въ составѣ ея людей, и вообще изъ знатныхъ вотчинныхъ владѣльцевъ и необходимо богатыхъ [31].

Сотскіе.

Тысяцкому подчинены были *сотскіе*, должность которыхъ соединялась съ обычнымъ тогда въ Россіи численнымъ дѣленіемъ жителей на сотни. Завѣдывая сотнею дворовъ, сотскій исполнялъ полицейскія обязанности, производилъ обыскъ по спорнымъ дѣламъ и наблюдалъ вообще за народнымъ благочиніемъ [32].

Сверхъ того, къ составу областнаго административнаго управленія относились еще слѣдующія, назначаемыя изъ младшей дружины, второстепенныя должностныя лица: *мытники*, *городники* и *мостники*.

Мытники.

Мытниками назывались сборщики податей и въ особенности торговыхъ пошлинъ, а самое мѣсто, гдѣ производился сборъ этихъ пошлинъ, извѣстно было подъ именемъ мытнаго двора [33].

Городники.

Городники были княжескіе чиновники, знавшіе строитель-

ное дѣло и имѣвшіе обязанность распоряжаться и руководить рабочихъ при закладкѣ, срубкѣ и укрѣпленіи городовъ, какъ важнѣйшихъ въ странѣ сооруженій въ стратегическомъ и административномъ отношеніяхъ. Поэтому, мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей, начиная съ Рюрика, было построеніе городовъ. Въ Ярославовомъ Уставѣ опредѣлено было и жалованье городнику или строителю городскихъ стѣнъ.

Мостники. *Мостники* же обязаны были строить мосты, плотины и переправы, наблюдая за исправнымъ содержаніемъ ихъ, въ особенности въ военное время. Имѣя помощниковъ, или отроковъ, они получали для себя съ помощниками содержаніе и, сверхъ того, кормъ для двухъ лошадей, на которыхъ производили разъѣзды для осмотра [34].

Б, по части судебной:

Тіуны. Въ стольныхъ и нестольныхъ городахъ учреждены были особые, назначаемые также изъ членовъ младшей княжеской дружины, чиновники подъ именемъ *тіуновъ*, которымъ предоставлялась судебная власть надъ народонаселеніемъ въ опредѣленныхъ округахъ, гдѣ не было городовъ; а центромъ служили станы или дворы, въ которыхъ жили кормленщики и ихъ тіуны [35].

Вирники. Въ древней Россіи, отъ временъ Ярослава 1 (1019—1054) до XIV вѣка, всякіе проступки и уголовныя преступленія, по частнымъ гражданскимъ дѣламъ, обыкновенно наказывались денежными пенями, или, какъ выражались тогда, «вирою», отъ чего произошло и самое названіе *вирникъ*. Поэтому, обязанность вирника, о которой упоминается уже и въ первомъ писанномъ законѣ—въ Русской Правдѣ, состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы, по приговору суда, собирать въ извѣстномъ округѣ съ виновныхъ «виры», для обращенія ихъ въ доходъ казны княжеской. На этого чиновника возлагались также и производство слѣдствій [36].

Мѣтельники. Относительно должности *мытельника*, профессоръ Н. А. Ивановъ говоритъ, что въ древней Россіи была въ употребленіи символическая система письменъ, какъ это можно заключить изъ того, что, въ числѣ разныхъ гражданскихъ дѣльцовъ,

встрѣчаются должностныя лица, спеціальное занятіе которыхъ состояло въ намѣтываніи (въ нарѣзываніи) на жезлахъ, или доскахъ, знаковъ, выражавшихъ такое или другое понятіе, отъ чего и назывались они мѣтельниками или мѣтниками. Такой способъ сообщенія мыслей, посредствомъ символическихъ знаковъ, существовалъ въ древней Россіи до изобрѣтенія, въ 863 году, великими первоучителями и просвѣтителями славянъ, уроженцами и жителями города Солуни, братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, славянской азбуки, и до созданія ими, такимъ образомъ, книжнаго и письменнаго языка [37]. По введеніи въ древней Россіи этихъ азбучныхъ знаковъ со временъ Владиміра Св. (988 — 914) и, по распространеніи въ слѣдствіе того, до нѣкоторой степени, грамотности въ ней, возникъ въ XIII вѣкѣ новый, небывалый дотолѣ, разрядъ грамотныхъ людей, названныхъ съ греческаго *дьяками*, т. е. слугами по части письменной работы, которые окончательно замѣнили собою прежнихъ мѣтельниковъ, и вмѣсто ихъ, находились уже при судахъ и при важныхъ сановникахъ. Но такъ какъ грамотность сначала обязательна была преимущественно для духовенства, то можно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были и первыми дьяками, или, говоря нынѣшнимъ выраженіемъ, правителями канцелярій и секретарями нашихъ древнихъ князей [38].

Дьяки.

Названіе должностнаго лица — *ябедникъ* — окончательно не объяснено въ историческихъ памятникахъ. Дошли до насъ извѣстія, что, со времени появленія княжескихъ родовыхъ счетовъ вскорѣ по смерти Ярослава I, дружинники привыкли смотрѣть на отправленіе своихъ правительственныхъ и судебныхъ должностей, какъ на „кормленіе“, слѣдовательно, привыкли извлекать изъ этихъ должностей всевозможную для себя пользу, и, что, такъ какъ направленіе это произвело, въ концѣ XI и въ теченіе XII вѣка, дурное состояніе правосудія и доставило ему незавидную славу, то и самому должностному по судебной части лицу — ябеднику — даваемо было въ то время значеніе недобраго человѣка. При всемъ томъ, взявши въ соображеніе позднѣйшій законодательный памятникъ — Судебникъ Іоанна IV, вышедшій въ 1550 году, гдѣ имя „ябед-

Ябедники.

никъ“ означаетъ повѣреннаго, который „затѣйливо чинитъ неправый искъ“, — можно, основываясь на этомъ, и слову „ябедникъ“ дать смыслъ стряпчаго, или ходатая по дѣламъ[39].

В, По части придворной:

Казначей. Ключникъ. Покладникъ. Конюшій. Стольникъ. Меченоша.

Во дворцѣ князя составляли домашнюю его прислугу и назначались, для исправленія должностей непосредственно при немъ и при его хозяйствахъ, слѣдующія, также подъ разными наименованіями, лица: *казначей*, *ключникъ*, *покладникъ*, *конюшій*, *стольникъ*, *меченоша*. На существованіе, въ продолженіе описываемаго періода, во дворцѣ княжескомъ служебныхъ должностей, подъ именемъ казначея и ключника, указываютъ два извѣстія. Въ одномъ говорится, что кіевскій князь Ростиславъ Мстиславичъ, похоронивъ дядю своего, старца Вячеслава, скончавшагося въ 1155 году, созвалъ во дворцѣ вельможъ, въ томъ числѣ казначеевъ и ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести все имущество — одежды, золото, серебро, — и все роздалъ по монастырямъ, церквамъ и богадѣльнямъ[40]. Въ другомъ извѣстіи упоминается, что въ службѣ великаго князя Владимірскаго, Андрея Боголюбскаго, изъ новокрещенныхъ иноземцевъ, находился Ясъ, именемъ Анбалъ; онъ получилъ мѣсто ключника и большую силу во всемъ дворцѣ[41]. Слѣдовательно придворныя должности казначея и ключника были чисто хозяйственныя: первому поручалась княжеская казна, золото, серебро и другія драгоцѣнности, — второй завѣдывалъ кладовыми и хранившимися въ нихъ княжескими платьями, вещами и вообще пожитками[42].

Что же касается прочихъ, занимавшихъ придворныя должности, лицъ, — покладника (позднѣйшаго спальника или постельника), конюшаго, стольника и меченоши, — то всѣ эти четыре званія объясняются изъ самыхъ словъ, указывающихъ прямо на должности[34].

ГЛАВА IV.

Вознагражденіе княжеской дружины за военную службу. — Вознагражденіе княжеской дружины за гражданскую службу. — Значеніе членовъ княжеской дружины въ современномъ обществѣ.

Вознагражденіе княжеской дружины за военную службу.

Дружинники княжескіе, по случаю частыхъ перемѣщеній князей, рюриковичей, изъ волости въ волость, а также по причинѣ предстоявшей для дружинниковъ нужды въ защитѣ границъ русской земли, угрожаемыхъ внѣшними врагами [44], не могли получить осѣдлости въ русскихъ областяхъ; а при неосѣдлости, трудно было имъ вступить въ непосредственныя, прочныя отношенія къ княжескимъ волостямъ, и получить въ нихъ первенствующее земское значеніе, въ качествѣ постоянныхъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, въ виду нѣтъ положительныхъ историческихъ извѣстій, получали ли дружинники, въ описываемое время, какъ высшій классъ людей, какія либо помѣстья отъ князя? Да едва ли притомъ было удобно и выгодно тогда дружинникамъ брать въ помѣстье землю, которой было много у русскаго князя, и которую онъ могъ роздавать своимъ слугамъ, и главное—землю безъ народонаселенія, безъ обработывающихъ ее рукъ? [45]

Нѣтъ сомнѣнія, что у нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ дружинниковъ могли быть въ стольномъ городѣ собственные дома (хоромы) [46], и внѣ города — сёла, жилыя мѣста—земли съ населеніемъ [47], тѣмъ болѣе, что сёла, какъ видно изъ современныхъ лѣтописныхъ источниковъ, могли быть въ частномъ владѣніи и пріобрѣтаться покупкою [48]. Но, имѣть это населеніе, не всякій былъ въ состояніи: оно сопряжено было съ большими затрудненіями, потому что составлялось изъ военноплѣнныхъ людей, взятыхъ въ битвѣ съ непріятелемъ [49], изъ купленныхъ невольниковъ или рабовъ, лишенныхъ всякихъ гражданскихъ правъ [50], наконецъ, изъ наймитовъ или послужильцевъ, жившихъ по записямъ на господской землѣ и въ господскихъ домахъ [51].

Очевидно, что дружинникамъ было гораздо выгоднѣе, оставаясь при князѣ, или ходить съ нимъ на войну къ народамъ, еще не покореннымъ, за *добычей*, получаемой при нападеніи на города и селенія и составлявшей, по современнымъ поня-

тіямъ, всякое имущество, какъ то: деньги, оружіе, разные пожитки, хлѣбъ, стада лошадей, рогатый скотъ, овцы и проч., а также плѣнные мущины, женщины и дѣти [52], — или же отправляться съ княземъ къ племенамъ, ему подчиненнымъ, за полученіемъ главнаго его дохода — *дани*, состоящей въ пушныхъ мѣхахъ, воскѣ, мёдѣ и въ другихъ естественныхъ произведеніяхъ страны, и продавать эту дань чужимъ народамъ; — словомъ, выгоднѣе было дружинникамъ, вмѣсто земельныхъ за свою службу участковъ, получать содержаніе непосредственно отъ князя [53]. Этотъ способъ вещественнаго или денежнаго вознагражденія дружинниковъ, отбывавшихъ военную службу, дѣйствительно и былъ употребляемъ во все продолженіе описываемаго періода, и, такъ какъ личныя договорныя отношенія дружинниковъ къ князю утверждались преимущественно на денежныхъ выгодахъ, то они и оставались на службѣ у того изъ князей русскихъ, который доставлялъ имъ сравнительно лучшее и вполнѣ обезпеченное содержаніе [54].

Вознагражденіе княжеской дружины за гражданскую службу.

Иной способъ вознагражденія введенъ былъ за службу тѣхъ княжескихъ дружинниковъ, которые назначались княземъ къ отправленію должностей внутренняго гражданскаго устройства, по части правительственной и судебной. Эти послѣдніе члены дружины, въ званіи посадника, тіуна и др. [55], получали въ *кормленіе* [56] областные города съ приписанными къ нимъ округами, въ составъ которыхъ входили поземельныя владѣнія, подъ разными наименованіями, какъ то: зе́мли княжескія, зе́мли, принадлежавшія частнымъ владѣльцамъ и православному духовенству [57]. Обыкновеннымъ предметомъ кормленія былъ судъ, со всѣми принадлежащими къ нему доходами. Въ каждомъ административномъ округѣ дружинникъ, въ качествѣ гражданскаго правителя и судьи, получалъ болѣе или менѣе опредѣленный доходъ отъ мѣстнаго населенія, которое, за труды по управленію округомъ и рѣшенію тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, должно было давать правителю или судьѣ, и подчиненнымъ имъ чиновникамъ (назначавшимся также изъ княжескихъ дружинниковъ), «личное кормленіе», платить судебныя пошлины, братыя ими на себя, а не на князя, да уплачивать «виру» (денежную пеню) за убійство, въ томъ случаѣ,

если убійцы не было на лицо, съ котораго бы надлежало взыскать эту постановленную закономъ, въ пользу правителя или судьи, пеню, не говоря уже о дѣлаемыхъ ему мѣстнымъ населеніемъ добровольныхъ пожертвованіяхъ, или, по современному выраженію, поминкахъ, которыя давались не за дѣло, а изъ чести [58]. — Очевидно, что судъ — одинъ изъ основныхъ элементовъ государственной власти — разсматривался тогда, какъ источникъ дохода въ видѣ временной или даже постоянной аренды [59], и что «кормленіемъ» назывались въ древней Россіи доходныя статьи, даваемыя дружинникамъ, вмѣсто денежнаго жалованья, за службу, въ условное пользованіе тогда, когда они посылались въ области для управленія вообще и для судопроизводства въ особенности — посылались для того, чтобы отъ имени князя творить рядъ и судъ [60].

Значеніе членовъ княжеской дружины въ современномъ обществѣ.

Въ заключеніе ко всему изложенному о княжеской дружинѣ, существовавшей въ первый періодъ древней Россіи (862—1240), надлежитъ присовокупить, что всякій князь особаго, даже самаго малаго своего княженія, каковыми были, напримѣръ, около 1161 года, изъ полоцкихъ волостей, княжества минское, изяславское, друцкое, городецкое, сохранялъ значеніе полноправнаго князя, и потому управлялъ независимо своею областію [61], имѣлъ отдѣльную свою дружину — бояръ, гридей, отроковъ, — своихъ должностныхъ лицъ по части правительственной и судебной, каковыми были посадники, тысяцкіе, тіуны и многіе другіе, и, наконецъ, свой дворъ и домашнюю при немъ прислугу, носившую названіе казначея, ключника, конюшаго [62], и т. д.

Всѣ показанныя выше лица, княжескіе чиновники, находились ли они въ составѣ исключительнаго военнаго отряда, или исправляли, по назначенію князя, гражданскія должности — всѣ они вообще составляли собою въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ высшій, первенствующій классъ людей [63].

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ ПОКОРЕНІЯ ТАТАРАМИ РОССІИ ДО ОБРАЗОВАНІЯ ИЗЪ УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЖЕСТВЪ ЕЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА (1240 — 1462).

О КНЯЖЕСКОМЪ ДВОРѢ.

ГЛАВА I.

Порабощеніе татарами южной и сѣверной Россіи.—Господство въ южной Россіи общаго родоваго владѣнія ею для всѣхъ членовъ княжескаго рода.—Установленіе въ сѣверной Россіи для членовъ княжескаго рода отчинъ или удѣловъ.—Послѣдствія установленія въ сѣверной Россіи отчинности княжескихъ владѣній.—Усиленіе московскаго княжества и рядъ событій, способствовавшихъ къ этому усиленію.—

Порабощеніе татарами южной и сѣверной Россіи.

Начало разсматриваемаго втораго періода ознаменовалось, прежде всего, грознымъ нашествіемъ дикихъ татаръ, причинившихъ страшное разореніе въ обѣихъ половинахъ Россіи, южной и сѣверной. Внезапное появленіе въ первый разъ этихъ многочисленныхъ враговъ на границахъ южной Россіи вызвало въ князьяхъ ея необходимость вступить въ битву, въ которой, къ несчастію, потерпѣли они отъ татаръ, 16 іюня 1224 года, при р. Калкѣ совершенное пораженіе[64]. — Подъ предводительствомъ Батыя татары, въ концѣ 1237 года, вторглись и въ предѣлы сѣверной Россіи и разомъ низвергли тамъ почти всѣ княжескіе столы.—Вскорѣ тотъ же Батый очутился вновь въ южной Россіи, передъ Кіевомъ, и, не смотря на геройскую защиту гражданами своихъ городскихъ укрѣпленій, взялъ, ограбилъ, сжегъ этотъ прославленный пребываніемъ великихъ князей стольный городъ въ роковой день, 6 декабря 1240 года. Съ тѣхъ поръ началось въ Русской землѣ господство татаръ, угнѣтавшее всею тяжестію своею почти два съ половиной вѣка

Государственная публичная библіотека 470473 историческая

сѣверо-восточную Россію, центромъ которой, въ отношеніи политической и умственной жизни, сперва былъ Владиміръ Клязменскій, а потомъ заступила его мѣсто великая Москва[65].

Господство въ южной Россіи общаго родоваго владѣнія для всѣхъ членовъ княжескаго рода.

Со временъ Ярослава I (1019—1054), *южную* Россію составляли княжества: Кіевское, Черниговское, Переяславское, Смоленское, Волынское, Туровское и др., а стольнымъ городомъ былъ въ ней Кіевъ[66]. Между членами княжескаго рода, между всѣми удѣльными князьями, существовала связь чистородовая; всѣ договоры, опредѣлявшіе взаимныя ихъ отношенія, заключались ими на правахъ совершенно равныхъ; въ договорныхъ грамотахъ того времени нѣтъ выраженій, которыя указывали бы на отношенія государственныя; не было тогда единодержавнаго государя, а владѣлъ Россіею весь княжскій Ярославовъ родъ нераздѣльно, сообща, считавшій себя въ правѣ дѣлить ее между своими единокровными, на основаніи родоваго старшинства (сеньората)[67]. Отсюда явилось понятіе, что старшій по возрасту въ цѣломъ княжескомъ родѣ, по мужской линіи, имѣлъ право быть великимъ княземъ и сидѣть на главномъ столѣ въ лучшемъ русскомъ городѣ, въ Кіевѣ[68]. Но какъ степени старшинства князей, при единствѣ рода, были переходныя, то смерть князя, занимавшаго главный столъ, производила повсемѣстное перемѣщеніе многочисленныхъ князей изъ одной волости (княжества) въ другую[69], съ младшаго стола на старшій, смотря потому, какая волость соотвѣтствовала степени ихъ старшинства, или приближенія ихъ къ родоначальнику[70]. Такимъ образомъ, когда умиралъ кіевскій князь, старшій по немъ въ родѣ занималъ столъ кіевскій, слѣдующій за нимъ перемѣщался въ Туровъ или Переяславль, которые были чѣмъ-то въ родѣ кандидатуръ на занятіе кіевскаго стола. Точно такая же передвижка происходила и въ остальныхъ княжествахъ. — При этомъ каждый изъ князей, въ предѣлахъ полученной имъ въ особливое владѣніе и пользованіе волости, хотя бы владѣніе это состояло изъ небольшаго городка или клочка земли, — былъ самостоятельнымъ и независимымъ владѣльцемъ относительно внутренняго управленія своимъ удѣломъ[71]. — Что жъ касается титла великаго князя, то оно не давало ему надъ прочими князьями какой либо

власти, и его вліяніе на другихъ измѣрялось не столько саномъ, сколько умомъ княжеской личности и умѣньемъ показать свою силу [72]. Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей, не существовало тогда въ южной Россіи вотчиннаго права, по которому сынъ могъ владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ отецъ, и слѣдовательно не существовало и вотчинъ въ смыслѣ отдѣльныхъ для каждаго князя волостей, не выходившихъ изъ извѣстной линіи княжескаго рода,—а каждый князь былъ только временнымъ властителемъ доставшейся ему по родовымъ отношеніямъ волости [73].

Установленіе въ сѣверной Россіи для членовъ княжескаго рода отчинъ или удѣловъ.

Въ составъ *сѣверной* Россіи — этаго ядра русскаго государства — входили области: Новгородская, Ростовско-Суздальская съ Бѣлоозеромъ, Муромская, Рязанская и др. [74]. У князей ростовско-суздальской области, съ половины XII вѣка, проявилось стремленіе къ замѣнѣ общаго родоваго владѣнія князей правомъ наслѣдственности въ одной нисходящей линіи, къ замѣнѣ частныхъ отношеній государственными — временнаго многовластія постояннымъ единовластіемъ. Починъ такого нововведенія въ сѣверной Россіи принадлежитъ князю Юрію Владиміровичу Долгорукому (1155 — 1157), жившему постоянно на сѣверѣ въ ростовско-суздальской области [75], полученной имъ отъ отца своего Владиміра Мономаха, перешедшаго на кіевскій столъ въ 1113 году [76]. Встрѣтивъ въ мѣстныхъ земскихъ боярахъ самоуправство и явныхъ противниковъ своей власти, и сообразивъ, что одно изъ первыхъ представлявшихся тогда условій силы и безопасности есть заселеніе областей и строеніе городовъ, Юрій, для борьбы съ ними, принялся строить новые города, изъ которыхъ извѣстнѣйшіе — Владиміръ на р. Клязьмѣ, Переяславль-Залѣскій и упоминаемая въ первый разъ, въ 1147 году, Москва. Населивъ эти города приглашенными изъ разныхъ мѣстъ Русской земли людьми и привлекши ихъ къ себѣ разными льготами, онъ заставилъ самоуправныхъ дотолѣ земскихъ бояръ безпрекословно повиноваться своей волѣ [77].

Сынъ Долгорукаго, Андрей Боголюбскій (1169 — 1174), утвердивъ пребываніе свое въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ, продолжалъ начатое отцемъ дѣло привлеченія переселенцевъ

въ свою волость, подавленія вѣчевыхъ порядковъ въ старыхъ городахъ ростовско-суздальской области, и созданія въ ней единовластія [78]). Онъ выдѣлилъ изъ общаго владѣнія рода Ярославова ростовско-суздальскую область, обособилъ оную, а между тѣмъ усиливъ свою власть при содѣйствіи новыхъ преданныхъ ему городовъ, гдѣ воля его ничѣмъ не стѣснялась, явился на сѣверѣ, среди другихъ русскихъ князей, великимъ княземъ уже не по родовымъ отношеніямъ, а по праву матеріальной своей силы [79].

Двигателями новаго порядка въ сѣверной Россіи явились потомъ два сына Всеволода Юрьевича, племянники Боголюбскаго, Ярославъ (1238—1246) и Святославъ (1246—1252), княжившіе одинъ послѣ другаго.

Въ порабощенной татарами сѣверной Россіи Ярославъ Всеволодовичъ былъ первымъ, утвержденнымъ въ Золотой Ордѣ, великимъ княземъ. По занятіи великокняжескаго стола, онъ, въ качествѣ старшаго, назначилъ волости младшимъ князьямъ не во временное владѣніе, а въ отдѣльныя каждому изъ нихъ *отчины* или *удѣлы*. Оставивъ, такимъ образомъ, за собою прежнюю свою волость, Переяславль, которою владѣлъ до повышенія своего въ великокняжеское достоинство, Ярославъ утвердилъ за братомъ своимъ, Святославомъ, городъ Юрьевъ, перешедшій къ нему по смерти отца, придавъ еще къ этой отчинѣ и Суздаль; другому брату, Ивану, отдалъ Стародубъ Сѣверскій; наконецъ, ростовскую волость князя Василія Константиновича, скончавшагося въ 1238 году, отдалъ не брату его Владиміру Углицкому, какъ бы то слѣдовало по старинному порядку, а сыновьямъ Василія, изъ которыхъ старшій, Борисъ, сѣлъ въ Ростовѣ, а младшій, Глѣбъ, на Бѣлоозерѣ [80].

Подобнымъ образомъ распорядился и Святославъ Всеволодовичъ, наслѣдовавшій послѣ брата старшинство и владимірскій столъ. Онъ утвердилъ сыновей Ярославовыхъ на удѣлахъ, данныхъ имъ покойнымъ ихъ отцемъ [81], и въ слѣдствіе сего, остались въ вотчинномъ владѣніи: за Александромъ [82] Переяславль [83], за Ярославомъ — Тверь [84], за Михаиломъ — Москва [85], за Василіемъ — Кострома [86].

Послѣдствія

Такое распоряженіе волостями, сдѣланное Ярославомъ и

установленія въ сѣверной Россіи отчинности княжескихъ владѣній.

Святославомъ Всеволодовичами, въ исходѣ первой половины XIII вѣка, и обнаружившее господство отчинности, тотчасъ обозначилось въ исторіи сѣверной Россіи слѣдующими явленіями: 1) Княжескія волости стали переходить, по новому порядку, отъ отцевъ прямо къ старшимъ сыновьямъ по нисходящей линіи, исключая одну волость владимірскую, на полученіе которой и соединеннаго съ нею великокняжескаго титула имѣлъ право только старшій членъ въ княжескомъ родѣ [87]. 2) Употребленное тогда впервые слово «удѣлы» въ смыслѣ отдѣльныхъ княжескихъ отчинъ или наслѣдственныхъ владѣній, остающихся постоянно при одной извѣстной княжеской линіи, удержало такое свое значеніе на сѣверѣ и въ послѣдующее время [88], а съ появленіемъ «удѣловъ», князья прекратили передвижку изъ волости въ волость и усѣлись каждый въ своей наслѣдственной волости, какъ неотъемлемомъ уже владѣніи [89]. 3) При такомъ значеніи волостей на сѣверѣ, каждый князь смотрѣлъ на свой наслѣдственный удѣлъ, какъ на частную свою собственность, и, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, считалъ себя въ правѣ завѣщать свою собственность кому хотѣлъ, даже продать свой удѣлъ другимъ князьямъ, и вообще во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ руководствовался только собственнымъ усмотрѣніемъ [90]. 4) При ослабленіи общности владѣнія и по возникновеніи удѣловъ, на первый планъ выступили у князей имущественные интересы; каждый изъ нихъ сталъ стремиться къ тому, чтобъ усилить себя на счетъ другихъ, ибо для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что почетъ пріобрѣтался уже не столько положеніемъ на родственной лѣстницѣ, сколько силою, а сила зависѣла отъ количества владѣній; и, такъ какъ преимущественно каждый великій князь старался увеличить свой удѣлъ новыми примыслами и добиться могущества чрезъ сосредоточеніе въ однѣхъ своихъ рукахъ верховной власти, присвоенной удѣльнымъ князьямъ, и этимъ положить зародышъ будущаго государственнаго подданства въ странѣ, то естественно встрѣчалъ на этомъ пути противодѣйствіе со стороны остальныхъ удѣльныхъ князей. Отсюда начало внутреннихъ потрясеній въ странѣ, начало вѣковой борьбы и постоян-

ныхъ между князьями усобицъ, главною цѣлью которыхъ было усиленіе одного княжества на счетъ другихъ[91].

Усиленіе Московскаго княжества и рядъ событій, способствовавшихъ къ этому усиленію.

Изъ всѣхъ удѣльныхъ княжествъ, Московское, способствуемое особенно благопріятными обстоятельствами и управляемое даровитыми князьями и искусными боярами, успѣло возрасти въ могуществѣ своемъ преимущественно предъ другими на сѣверѣ, возвыситься на степень великаго княжества и, изъ объединенныхъ русскихъ земель, образовать единодержавное московское государство, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго сжатаго перечня историческихъ фактовъ[92].

Усиленіе Москвы начинается съ того, что князь переяславскій Иванъ Дмитріевичъ, внукъ Александра Невскаго, умершій въ 1302 году, по праву владѣльческой собственности, завѣщалъ Переяславль младшему дядѣ своему, Даніилу Александровичу московскому; отъ чего область княжества московскаго увеличилась цѣлою областію княжества переяславскаго[93].

Наслѣдовавшій, по смерти Даніила въ 1303 году, московскій столъ, сынъ его Юрій, присоединилъ къ своему удѣлу княжества можайское и коломенское[94].

Въ 1325 году Юрію наслѣдовалъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичъ, по прозванію Калита (мѣшокъ съ деньгами), и княжилъ уже одинъ въ московской волости[95]. Калита не упускалъ удобнаго случая къ политическому своему возвышенію. Онъ поѣхалъ лично въ Орду къ хану Узбеку, возвратился оттуда въ 1328 году съ титуломъ великаго князя владимірскаго и, сдѣлавшись, въ слѣдствіе сего, впервые изъ удѣльнаго великимъ княземъ не по старшинству, а въ силу ханскаго повелѣнія, еще болѣе усилился, потому что не имѣлъ уже себѣ соперниковъ на этомъ пути[96]. — Вообще надобно замѣтить, что вся система Калиты направлена была къ тому, чтобы въ Русской землѣ, раздробленной и сдѣлавшейся добычей татаръ, создать политическое единство и утвердить въ ней самодержавіе. Къ счастію, его преемники, въ теченіе вѣка, постоянно слѣдовали этой системѣ, — и мысль, родившаяся въ умѣ Калиты, объ утвержденіи въ сѣверной Россіи единовластія и самодержавія, перешла въ дѣло при Іоаннѣ III (1462—1505).

Старшій сынъ Калиты, Симеонъ, наслѣдовавшій ему въ

1341 году, уже достаточно обнаружилъ, что его великокняжеское достоинство не было однимъ простымъ титуломъ: всѣ князья на сѣверѣ перестали быть равноправными ему родичами, а сдѣлались его подручниками [97].

Преемникомъ Симеона, умершаго въ 1353 году бездѣтнымъ, былъ братъ его Іоаннъ, котораго сила вдвое увеличилась чрезъ соединеніе въ лицѣ своемъ двухъ удѣловъ, собственнаго и Симеонова, въ одно московское княжество, независимо отъ владимірской области, составлявшей также принадлежность князя, сидѣвшаго на великокняжескомъ столѣ [98].

Въ такомъ видѣ и объемѣ московское княжество перешло послѣ Іоанна, скончавшаго въ 1359 году, къ сыну его Димитрію. По примѣру предковъ своихъ, Димитрій не преминулъ увеличить родовую свою собственность, Москву, присоединеніемъ къ ней городовъ Углича, Бѣлоозера и Галича, которые куплены были еще дѣдомъ его Калитою, и, приведши въ волю свою независимаго тверскаго князя Михаила Александровича [99], съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ, рѣшился первый изъ русскихъ князей поднять оружіе противъ татаръ, предводимыхъ ханомъ Мамаемъ. У береговъ Дона, при устьѣ р. Непрядвы, на широкомъ Куликовомъ полѣ, возгорѣлась 8 Сентября 1380 года битва, какой еще никогда не бывало на Русской землѣ; исходъ ея былъ тотъ, что побѣжденный Мамай обратился въ бѣгство [100]. — Знаменитый историческій дѣятель и побѣдитель татаръ получилъ славное прозваніе «Донскаго» [101].

Сынъ Донскаго, умершаго въ 1389 году, Василій Димитріевичъ, стремясь, какъ и предки его, къ собранію Русской земли на сѣверѣ, къ наслѣдованыммъ имъ послѣ отца владѣніямъ, добылъ, по купленному имъ въ Ордѣ ярлыку, княжество нижегородское, а также города: Муромъ, Мещеру и Тарусу и, кромѣ того, не замедлилъ упрочить свое вліяніе въ Псковѣ, Новгородѣ, Твери и въ Рязани [102].

Держась началъ новаго порядка престолонаслѣдія, Василій Димитріевичъ, скончавшійся въ 1425 году, завѣщалъ старшіе столы владимірскій и московскій сыну своему Василію, который, не смотря на такое распоряженіе отца, встрѣтилъ соперника въ родномъ дядѣ, Юріѣ Димитріевичѣ, и долженъ былъ

уже добыть себѣ Москву силою оружія въ 1447 году[103]. Для устраненія же на будущее время подобныхъ смутъ и установленія владѣнія, скрѣпленнаго единствомъ верховной власти, Василій Васильевичь, обладая умѣньемъ извлекать пользу изъ уроковъ опыта, порѣшилъ избавиться отъ остававшихся еще тогда удѣльныхъ князей. Съ этою цѣлью онъ присоединилъ къ Москвѣ въ 1450 году Галичъ, а въ 1454 году Можайскъ, заставивъ владѣльцевъ этихъ удѣловъ бѣжать — перваго въ Новгородъ, а послѣдняго въ Литву. Подобная участь постигла въ 1456 году и удѣлы серпуховскій, суздальскій и рязанскій. Въ Новгородѣ же московскій князь утвердилъ власть свою вооруженною рукою, а въ Псковѣ — мирнымъ путемъ[104].

Событіями этими, совершившимися въ правленіе Василія Васильевича, великого князя московскаго (1425—1462), до очевидности объяснилось, что новыя государственныя начала достаточно уже проникли и въ современное русское общество, какъ показываютъ это дѣйствія тогдашняго православнаго духовенства. Въ лицѣ своего митрополита и епископовъ, оно прямо объявило себя на сторонѣ новаго порядка престолонаслѣдія — отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату — и, высказавъ свою основную мысль о единодержавіи, пришло къ тому заключенію, что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, и что удѣльные князья суть не братья великому князю московскому, т. е. не равные ему, но его подданные[105]. — При такомъ направленіи общественнаго мнѣнія, естественно, что и остававшіеся еще тогда немногіе безсильные удѣльные князья должны были окончательно отказаться отъ своихъ владѣній въ пользу московскаго князя, и поступить подъ его верховную власть, въ число *служилыхъ князей*[106]. — Вотъ почему въ княженіе Василія Васильевича чаще, чѣмъ прежде, встрѣчаются имена служилыхъ князей — такихъ лицъ, отъ которыхъ требовалось уже повиновеніе и исполненіе долга[107].

По примѣру предковъ своихъ, Василій Васильевичъ, умершій 27 Марта 1462 года, оставилъ духовное завѣщаніе, заключавшее въ себѣ распредѣленіе всего великокняжескаго владѣнія между его сыновьями. Въ видахъ утвержденія въ сѣвер-

ной Россіи единодержавія, онъ отказалъ, по этому завѣщанію, старшему сыну Іоанну огромныя владѣнія[108].—

ГЛАВА II.

Начало осѣдлости дружины княжеской и появленіе между членами ея земельной собственности.—Вліяніе осѣдлости княжеской дружины на прекращеніе перехода членовъ ея на службу отъ одного князя къ другому.—Чины, составлявшіе княжескую дружину или дворъ: Бояре—думцы.—Служилые князья—Бояре большіе и путные. Дѣти боярскіе.—Дворяне.

Начало осѣдлости дружины княжеской и появленіе между членами ея земельной собственности.

Коренныя измѣненія, происшедшія въ существовавшихъ предже междукняжескихъ отношеніяхъ, должны были непремѣнно отразиться и на княжеской дружинѣ, которая въ описываемый періодъ называлась уже *княжескимъ дворомъ*. Одно изъ этихъ измѣненій обнаружилось, какъ выше упомянуто, въ осѣдлости удѣльныхъ князей, неподвижно утвердившихся въ однихъ извѣстныхъ княжествахъ, въ слѣдствіе установленной, въ исходѣ первой половины XIII вѣка, отчинности владѣній[109].

Естественно, что осѣдлость князей въ ихъ волостяхъ, благодаря неотразимому вліянію развившагося въ сѣверной Россіи новаго порядка вещей, должна была повести и дружину княжескую къ земельной осѣдлости и повліять на общественный и экономическій ея бытъ[110], — къ чему значительно содѣйствовали, сверхъ того, и слѣдующія обстоятельства: 1) Установилось уже тогда опредѣлительно выработанное временемъ и событіями понятіе, что одинъ только членъ княжеской дружины, какъ принадлежащій къ правительственнымъ личностямъ и къ аристократіи вообще, долженъ совмѣщать въ себѣ, по отношенію къ государственнымъ требованіямъ, два характера: человѣка служилаго и землевладѣльца, и, въ слѣдствіе сего, одинъ онъ могъ и долженъ былъ владѣть земельною собственностію на правѣ вотчинномъ[111]. 2) Не дозволялось чужимъ дружинникамъ покупать въ московскомъ княжествѣ сёлъ, и только однимъ московскимъ дружинникамъ предоставлено было право пріобрѣтать въ уѣздахъ Москвы и въ области владимірской сёла, — чѣмъ они въ дѣйствительности и пользовались[112]. и 3) Такъ какъ московскіе князья могли распоряжаться въ своей

области обширнымъ незаселеннымъ пространствомъ земли, никѣмъ изъ частныхъ лицъ не владѣемой и именовавшейся государевою, то они и отдавали удобные участки ея въ вотчинное владѣніе членамъ своей дружины, въ видѣ пожалованія за ихъ службу, съ правомъ населять данную землю всякаго рода людьми вольными и невольными, отовсюду приглашенными [113].

Очевидно изъ сказаннаго, что пріобрѣтенные членами дружины какъ покупкою, такъ и пожалованіемъ, земельные участки становились ихъ собственностію, имѣвшею важное значеніе основы государственнаго порядка и переходившею, по наслѣдству, изъ рода въ родъ уже съ солиднымъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ, котораго нельзя было имѣть дружинникамъ прежде, пока они не усѣлись на своихъ земельныхъ участкахъ съ самостоятельнымъ характеромъ землевладѣльцевъ, обезпеченныхъ доходомъ съ этихъ участковъ [114].

Вліяніе осѣдлости княжеской дружины на прекращеніе перехода членовъ ея на службу отъ одного князя къ другому.

Тогда существовало еще во всей силѣ для дружины княжеской право свободнаго перехода отъ одного владѣтельнаго князя къ другому, отъ великаго къ удѣльнымъ, и наоборотъ,— и это право подтверждалось во всѣхъ договорахъ княжескихъ XIV вѣка и одинаково простиралось на всѣхъ членовъ старшей и младшей дружины [115]. Но такъ какъ эти лица получили уже въ московскомъ княжествѣ прочную осѣдлость — домъ, хозяйство и обезпеченное положеніе, — то считали для себя невозможнымъ отъѣзжать оттуда къ другому удѣльному князю [116]. Объяснилось самымъ наглядным образомъ, что сколько прежде, при множествѣ удѣльныхъ князей, при существованіи родоваго быта и передвижки князей изъ волости въ волость, представлялся выгоднымъ для дружинниковъ, получавшихъ денежное вознагражденіе за свою службу, переходъ отъ одного князя, менѣе богатаго, къ другому дававшему лучшее за службу содержаніе, — столько теперь, когда Москва, при новомъ порядкѣ вещей на сѣверѣ, значительно усилилась, а дружинники вообще и боярскіе роды въ особенности получили осѣдлость на собственныхъ земельныхъ участкахъ, стало вовсе для нихъ невыгодно отъѣзжать изъ Москвы [117].

Таковы были, въ общихъ чертахъ, существенныя видоизмѣ-

ненія въ положеніи княжеской дружины или княжескаго двора, въ теченіе втораго періода.

Что же касается раздѣленія на классы членовъ княжеской дружины, принявшей уже, съ послѣднихъ годовъ XII столѣтія, названіе *княжескаго двора*, то они раздѣлялись, въ описываемый періодъ, такъ же, какъ и въ предъидущій, соотвѣтственно степенямъ должностей своихъ, на три служебные разряда, только съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ названій[118]. Чины, составлявшіе княжескую дружину или дворъ князя.

Первый, по этому, разрядъ княжеской дружины составляли члены ея старшіе, *бояре — думцы* князя. Они не только не потеряли ничего изъ прежняго значенія, которымъ отличались въ минувшее время, но еще болѣе возвысились отъ практической своей дѣятельности, проявлявшейся въ томъ, что они бывали свидѣтелями въ княжескихъ духовныхъ завѣщаніяхъ и стали вступать въ родственныя связи съ удѣльными князьями, часто женясь на ихъ дочеряхъ, или выдавая своихъ дочерей за сыновей княжескихъ. Самъ великій князь Симеонъ отзывается съ похвалою о боярахъ вообще, поясняя, что «они были добрыми совѣтниками, хранителями правительственныхъ преданій, были такими сановниками, которые содѣйствовали къ утвержденію за московскими князьями первенства и, вообще, сильно желали ему Симеону и отцу его (Калитѣ) добра»[119] Бояре-думцы.

Но, кромѣ бояръ—думцевъ, въ составѣ перваго же разряда княжеской дружины появились еще чины подъ новыми названіями, — это были *служилые князья* и *бояре большіе* и *путные*[120].

Служилыми или служебными *князьями* названы прежніе владѣтельные князья племени Рюрикова и Гедиминова, которые, при стремленіи московскихъ князей усилиться въ ущербъ другихъ удѣльныхъ княжествъ, доведены были до необходимости отказаться отъ своихъ удѣловъ и сдѣлаться или подручниками московскихъ князей, или же вовсе и безусловно поступить подъ неограниченную верховную ихъ власть и войти въ общій служебный распорядокъ. Поэтому, тѣ изъ сихъ личностей, которыя вынуждены были вступить на послѣдній путь, по отношенію къ великому князю московскому, сдѣлались такими же подданными, какъ и другіе дружиннаго его состава слуги, и, Служилые князья.

наравнѣ съ ними, награждались титуломъ боярскимъ и другими отличіями [121], но, въ то же время, явились въ Москву съ притязаніями на болѣе важное, по отношенію къ тамошнимъ боярамъ, значеніе. Удержавъ за собою прозванія, заимствованныя отъ княжествъ, гдѣ прежде правительствовали, они заняли между боярами первое мѣсто, становясь, въ офиціальныхъ случаяхъ, выше ихъ, и, образовавъ изъ себя особый отдѣлъ старшей княжеской дружины, оттѣсняли, такимъ образомъ, на второй планъ, или, какъ выражались тогда, «заѣзжали» старыхъ бояръ, которые, конечно, не могли не оскорбляться такими дѣйствіями своихъ мѣстниковъ, такъ какъ послѣдніе, люди вновь пріѣзжіе, получали высшее значеніе не по заслугамъ, которыхъ и не могли еще оказать, а по знатности и по силѣ [122]. При всемъ томъ, такое уклоненіе отъ правильнаго хода дѣлъ было допущено по особымъ соображеніямъ. Оставленіе за бывшими удѣльными князьями принадлежавшихъ имъ титуловъ, включеніе ихъ въ составъ дружины московскаго князя съ предоставленіемъ права считаться выше бояръ и, сверхъ того, дозволеніе имъ распоряжаться частною недвижимою собственностію, — были три единственныя вещи, которыя могли хотя нѣсколько смягчить переходъ отъ ихъ стараго къ новому порядку. Но, дабы положить заразъ преграду могущимъ возникнуть притязаніямъ означенныхъ новыхъ служебныхъ лицъ на прежнія ихъ родовыя и владѣльческія права, постановлено было: служилыхъ князей, въ случаѣ отъѣзда ихъ изъ московскаго въ другія, существовавшія еще тогда, удѣльныя княжества, лишать и тѣхъ немногихъ вотчинъ, которыя оставались еще за ними, послѣ утраты ими своей независимости [123]. — Имена служилыхъ князей встрѣчаются уже со временъ Димитрія Іоанновича Донскаго (1362—1389) и въ особенности часто упоминается объ нихъ въ княженіе внука его Василія Васильевича (1425—1462) [124]. На службѣ этого князя виднѣе другихъ являются: изъ Рюриковичей — князья Ряполовскіе и Палецкій, потомки Іоанна Всеволодовича Стародубскаго, и Оболенскіе, потомки св. Михаила Черниговскаго; а изъ Гедиминовичей, пришельцевъ литовскихъ — князь Юрій Патрикѣе-

вичъ, внукъ Наримантовъ, поступившій на службу къ московскому князю Василію Димитріевичу, сыну Донскаго[125].

Бояре большіе и путные.

Далѣе, къ первому жъ разряду относились, какъ выше сказано, *большіе бояре и бояре путные*. Лица, носившія эти два названія, имѣли равное значеніе въ томъ смыслѣ, что входили въ составъ лучшей, благороднѣйшей части княжескаго военнаго отряда и именовались «великокняжескимъ дворомъ», но различались другъ отъ друга своимъ административнымъ характеромъ. Такъ, «большой или введенный бояринъ» (оба эти названія однозначущія) былъ правитель города, получавшій для себя въ «кормленіе» городъ съ принадлежащими къ нему волостями. Въ послѣдствіи же времени, въ началѣ XVII вѣка, на боярина съ этимъ названіемъ возлагались, по распоряженію монастырскаго приказа, судебно-гражданскія дѣла въ привилегированныхъ церковныхъ владѣніяхъ, изъятыхъ отъ суда намѣстника или волостеля, и другія занятія, какъ то: опись монастырскихъ имѣній, производство слѣдствій и проч., и потому никто, кромѣ его, не имѣлъ права ни въѣзжать въ монастырскія владѣнія, ни производить въ нихъ судъ. — Иное назначеніе было «путнаго боярина». Ему давались земли или извѣстныя доходныя княжескія статьи, съ правомъ собирать на путяхъ или дорогахъ пошлину для своего содержанія, отъ чего и получилъ носимое имъ названіе. Но, для назначенія путному боярину этого содержанія, необходимо долженъ былъ онъ имѣть еще какую нибудь придворную должность, которой присвоивались бы опредѣленные доходы; такъ, напримѣръ, если онъ былъ конюшимъ, то пользовался доходами съ волостей, назначенныхъ на конюшенный «путь» (старинное слово «путь» означало то же что «доходъ»)[126].

Замѣтить приэтомъ надобно, что званіе боярское въ описываемое время, какъ и при первыхъ варяго-русскихъ князьяхъ, никогда не было наслѣдственнымъ; въ это званіе возводилъ владѣтельный князь, давая его сыновьямъ своихъ старыхъ бояръ соотвѣтственно ихъ заслугамъ и достоинству, а иногда и новымъ дружины своей лицамъ по разнымъ другимъ условіямъ, къ числу которыхъ относилось, напримѣръ, происхожденіе даннаго лица отъ любимаго княземъ придворнаго слуги и т. п. —

На этомъ основаніи, даже члены втораго и третьяго разряда, составлявшіе младшую дружину, могли сдѣлаться боярами съ значеніемъ старшихъ членовъ княжеской дружины [127].

Дѣти боярскіе.

Ко второму разряду княжеской дружины принадлежали младшіе члены ея, называвшіеся *дѣтьми боярскими* [128]. Въ первый разъ упоминается объ нихъ въ договорной грамотѣ московскаго князя Василія Васильевича съ боровскимъ — Василіемъ Ярославичемъ, въ 1433 году [129]. Самое названіе уже показываетъ, изъ кого составлялся этотъ воинскій отрядъ [130]. — Боярство, какъ уже объяснено, было личное званіе; но въ потомствѣ сохранилось воспоминаніе о боярствѣ отцевъ или дѣдовъ. Отсюда и явился особый классъ „дѣтей боярскихъ". Въ началѣ они были на самомъ дѣлѣ дѣти тѣхъ, которые носили званіе бояръ; но какъ сами они не могли уже сдѣлаться боярами и получить при дворѣ соотвѣтственное этому чину мѣсто, то и оставались съ тѣмъ наименованіемъ, которое означало ихъ дѣйствительное происхожденіе. Послѣдніе сообщали и своимъ дѣтямъ то же званіе, какое сами носили, и, такимъ образомъ, дѣти и внуки и дальнѣйшіе потомки стали называться «дѣтьми боярскими». Удержавъ это названіе, они обыкновенно служили князьямъ въ дружинѣ, и, въ вслѣдствіе сего, званіе «дѣтей боярскихъ» соединилось съ званіемъ людей служилыхъ. Въ позднѣйшее время на дѣтяхъ боярскихъ, составлявшихъ уже самый многочисленный классъ военныхъ людей, лежала непремѣнная обязанность службы: они, по первому требованію, являлись вооруженные съ своими людьми подъ знамена князей, какъ это ясно обозначилось при новомъ строѣ русской державы въ московскомъ государствѣ [131]. — Въ настоящемъ періодѣ встрѣчается еще иногда названіе «мужи», имѣвшіе, какъ уже извѣстно, характеръ преимущественно военный и потому считавшіеся въ числѣ членовъ втораго разряда княжеской дружины [132].

Дворяне.

Третій разрядъ княжеской дружины хотя удержалъ старое наименованіе «отроковъ», составлявшихъ собственно домашнюю княжескую прислугу, «слугъ вольныхъ людей дворныхъ»; но въ послѣдствіи принялъ другое названіе, названіе *«дворянъ»*, появившееся, какъ упомянуто въ первомъ періодѣ, при

Андреѣ Боголюбскомъ, въ смыслѣ придворныхъ слугъ, или лицъ, составлявшихъ княжескую свиту — княжескій дворъ[133].

О первоначальномъ появленіи въ сѣверной части древней Россіи названія «дворянинъ», сохранился въ историческихъ памятникахъ разсказъ, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, сынъ великаго князя кіевскаго Владиміра Всеволодовича Мономаха (1113—1125), ѣхалъ съ дружиною, въ 1147 году, изъ Кіева въ волость старшаго сына своего Андрея Боголюбскаго, въ Владиміръ на Клязьмѣ, по той мѣстности, гдѣ теперь красуется русская столица Москва. Тутъ были богатыя сёла и слободы, которыми владѣлъ земскій бояринъ Степанъ Ивановичъ Кучко. Онъ встрѣтилъ князя недружелюбно и гордо, за что и казненъ былъ смертію, а дѣти его — два сына Петръ и Якимъ и дочь Улита, — по приказанію Юрія, отосланы къ сыну его Андрею во Владиміръ. Женившись на Улитѣ, князь Андрей сдѣлалъ ея братьевъ, тогда еще молодыхъ и благообразныхъ юношей, самыми близкими къ себѣ при дворѣ слугами, которые, поэтому, не были обыкновенными дружинниками, имѣвшими по тогдашнему обычаю право, при первомъ неудовольствіи, перейти въ службу другаго удѣльнаго князя, а находились при Андреевомъ дворѣ въ исключительномъ положеніи и, отъ такой близости къ князю, получили названіе «дворянъ». Но Кучковичи, не успѣвъ, по молодости лѣтъ, отомстить князю Юрію, скончавшемуся 10 мая 1157 года, мстили сыну его Андрею, — и сдѣлали страшный заговоръ объ умерщвленіи его. Въ заговорѣ участвовали: Якимъ Кучко, зять его вельможа Петръ, ключникъ княжескій Анбалъ и другіе. Въ глубокую ночь, 29 іюня 1174 года, заговорщики ворвались во дворецъ, устроенный въ селѣ Боголюбовѣ, гдѣ жилъ князь Андрей, и злодѣйски умертвили его; потомъ, разграбивъ казну и всѣ сокровища его, вооружили многихъ «дворянъ», пріятелей своихъ и слугъ, и послали ихъ объявить владимірскимъ боярамъ о смерти великаго князя Андрея[134]. — Такимъ образомъ, когда, со временъ князя Андрея Боголюбскаго, выступилъ изъза дружины дворъ или домъ князя, возникло и производное отъ этого слова названіе «дворянинъ»; всѣ лица, составлявшія

младшую княжескую дружину, стали именоваться *дворомъ*, и, вслѣдствіе сего, получили общее, новое названіе «дворянъ», удержавъ за собою прежнія дружинныя обязанности и значеніе второстепенныхъ на служебной лѣстницѣ княжескихъ слугъ. Ясно, что наименованіе измѣнилось, но основный характеръ окружающихъ князя — характеръ военный — остался неизмѣннымъ [135].

ГЛАВА III.

Чиновники, назначаемые изъ княжескихъ дружинниковъ на гражданскія должности. — По части правительственной: Намѣстникъ. — Волостели. — Становщики. — Околичники. — По части судебной: Тіуны. — Пристава. — Доводчики. — Дьяки. — Подъячіе. — Писцы. — По части придворной: Ловчій. — Дворецкій. — Окольничій. — Чашникъ. — Печатникъ. — Рында. — Истопникъ.

Чиновники, назначаемые изъ княжескихъ дружинниковъ на гражданскія должности.

Обзоръ дальнѣйшей исторіи княжеской дружины показываетъ, что члены ея были по-прежнему высшими и низшими органами верховной власти князя въ учрежденіяхъ правительственномъ, судебномъ и придворномъ; но въ самомъ составѣ членовъ, по завѣдыванію этими главными отраслями внутренняго управленія, въ теченіе описываемаго періода, встрѣчаются слѣдующія измѣненія.

А. По части правительственной:

Намѣстникъ. Волостели. Становщики. Околичники.

Высшій сановникъ, именовавшійся посадникомъ, замѣненъ новымъ, получившимъ названіе *намѣстника*. Другой, не менѣе значительный, древній чинъ тысяцкаго вовсе упраздненъ при Димитріи Донскомъ, въ 1374 году, со смертію носившаго это званіе Василія Васильевича Вельяминова. Равнымъ образомъ не упоминаются уже болѣе и чиновники низшей степени — мытники, городники, мостники; за то появляются новыя должностныя лица подъ именемъ *волостелей*, *становщиковъ* и *околичниковъ* [136].

Б. По части судебной:

Тіуны. Пристава. Доводчики. Дьяки. Подъячіе. Писцы.

Званіе *тіуна* осталось и теперь въ прежнемъ своемъ значеніи, но состоявшіе при немъ, въ качествѣ дѣлопроизводителей и исполнителей судебныхъ приговоровъ, вирники, мѣтельники и ябедники отмѣнены и учреждены, для выполненія тѣхъ же

обязанностей, иные слуги, именно: для разбирательства дѣлъ— *приставы* и *доводчики*, а для письменнаго дѣлопроизводства— *дьяки*, *подячіе*, *писцы*, послѣдніе двухъ категорій: одни въ качествѣ дьяковъ, другіе въ качествѣ чиновниковъ, употреблявшихся для составленія описей землямъ [137].

В. По части придворной:

Сверхъ извѣстныхъ уже изъ предъидущаго періода княжескихъ слугъ — казначея, ключника, покладника, конюшаго, стольника и меченоши, — установлены еще новые чины двора великокняжескаго: *ловчій*, *дворецкій*, *окольничій*, *чашникъ*, *печатникъ*, *рында*, *истопникъ* [138].

Ловчій. Дворецкій. Окольничій. Чашникъ. Печатникъ. Рында. Истопникъ.

Примѣчаніе. Подробныя объясненія занятій указанныхъ здѣсь чиновниковъ по вѣдомствамъ правительственному, судебному и придворному, изложены будутъ въ подлежащихъ мѣстахъ слѣдующаго третьяго періода, такъ какъ кругъ дѣятельности каждаго изъ тѣхъ чиновниковъ представляется исторіею въ томъ періодѣ въ болѣе обработанномъ видѣ.

ГЛАВА IV.

Назначеніе дружинникамъ участковъ земли за военную службу, и посылка ихъ на кормленіе за отправленіе гражданскихъ должностей.

Способъ вознагражденія дружинниковъ за службу остался почти прежній. Правда, установленіемъ новымъ можно считать то, что для ихъ содержанія жалуемы были имъ, изъ княжескихъ селъ и волостей, земельные участки въ полное владѣніе; но сохранилась также и старина: дружинники пользовались еще, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, «кормленіемъ», т. е. правомъ получать, за выполненіе служебныхъ своихъ обязанностей, опредѣленные, по наказному списку или приблизительной смѣтѣ правительства, доходы отъ данныхъ имъ на извѣстный срокъ, при посылкѣ на кормленіе, волостей съ мытами, угодьями, перевозами, пошлинами и прочими сборами [139]. Такъ, изъ духовнаго завѣщанія Іоанна Даніиловича Калиты (1325—1341) видно, что онъ «отдалъ купленное имъ

Назначеніе дружинникамъ участковъ земли за военную службу, и посылка ихъ на кормленіе за отправленіе гражданскихъ должностей.

село Богородицкое Борису Воркову, за службу и подъ условіемъ службы, съ такимъ ограниченіемъ, что село это останется за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ служить которому нибудь изъ сыновей завѣщателя, въ противномъ случаѣ отъ него отнимается село». — Старшій сынъ Калиты, Симеонъ Іоанновичъ (1341 — 1353), также упоминаетъ въ завѣщательномъ своемъ актѣ о пользованіи доходами съ «кормленія» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «если кто нибудь изъ бояръ моихъ станетъ служить моей княгинѣ и будетъ вѣдать волости, то обязанъ отдавать княгинѣ моей половину изъ получаемаго имъ отъ нихъ дохода или прибытка». — Еще опредѣлительнѣе сказано о боярскомъ кормленіи съ договорной грамотѣ внука Калиты, Димитрія Іоанновича Донскаго (1359 — 1389) съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ, въ виду существовавшей тогда полной свободы дружинниковъ искать службы, по своему желанію, у великаго или удѣльнаго князя: «который бояринъ поѣдетъ изъ кормленія отъ тебя ли ко мнѣ, отъ меня ли къ тебѣ, а службы не отслуживъ (срока назначеннаго для его службы), тому дати кормленье по исправѣ (за то только время, которое онъ находился на службѣ), а любо служба отслужити ему (или онъ обязанъ отслужить службу)»[140].

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ ОБРАЗОВАНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ДО НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНІЯ ВЪ НЕМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО (1462 — 1689).

О СЛУЖИЛЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

ГЛАВА I.

Установленіе въ Москвѣ единодержавія и самодержавія. — Обращеніе всѣхъ членовъ бывшей вольной княжеской дружины въ служилыхъ людей. — Удержаніе служилыми людьми за собою права на занятіе разныхъ государственныхъ должностей.

Установленіе въ Москвѣ единодержавія и самодержавія.

Мы уже видѣли, что все было приготовлено къ тому, чтобы, изъ собранныхъ, отъ временъ Іоанна Калиты, сѣверныхъ областей Русской земли, создать въ главномъ центрѣ ея — въ исторической Москвѣ единое тѣло, съ единымъ главою, и дать этому главѣ или государю то, что̀ называется единодержавіемъ и самодержавіемъ въ его владѣніяхъ, т. е. установить новый, несуществовавшій дотолѣ государственный порядокъ въ странѣ. Большинство княжеской дружины, въ совокупности съ духовенствомъ и значительною частію населенія, преданное монархическимъ правиламъ, клонилось къ утвержденію ихъ въ Москвѣ; но существовало также и меньшинство людей, думавшихъ, прежде всего, о своихъ личныхъ интересахъ, а не о созданіи крѣпкаго, одноличнаго управленія [141].

Отъ стараго порядка вещей, начало котораго скрывается въ удѣльно-вѣчевой Россіи, оставались еще нѣкоторыя укоренившіяся преданія, устарѣвшіе обычаи, оставались, жившіе стариною и не хотѣвшіе идти впередъ съ духомъ времени, люди, отъ которыхъ надобно было освободиться. То были — недавно лишенные своихъ удѣловъ и самоуправленія князья Рюрикова дома[142], — родичи великаго князя московскаго, не перестававшіе требовать отъ него равнаго, родственнаго обращенія[143]. То были — и бояре, дружинники, которые по прежнему хотѣли знать всѣ думы государя, быть, подобно предкамъ своимъ, совѣтниками его; хотѣли, чтобъ безъ ихъ совѣта и воли ничего не было предпринимаемо и, наконецъ, имѣть право, въ случаѣ неудовольствій, отъѣзжать на службу въ другія земли, на основаніи древняго кореннаго правила: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля»[144]. — Домогались же всѣ они этихъ устарѣлыхъ правъ, потому что, со времени Іоанна III, служба бояръ и прочихъ чиновъ сдѣлалась для каждаго, какъ увидимъ въ изложеніи свѣдѣній о помѣстной системѣ, потомственно-обязательною, на всю жизнь[145].

Такія притязанія дружинниковъ были уже во всей силѣ, когда явился на московскомъ столѣ Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505). — По ходу предшествовавшихъ началу княженія его событій, на немъ лежала печать историческаго призванія къ подвигу — преодолѣть всѣ препятствія къ достиженію цѣли, т. е. утвердить новый государственный строй въ московской державѣ, упрочить централизацію и уваженіе къ государственной власти[146]. Въ слѣдствіе сего, однимъ изъ первыхъ дѣлъ Іоанна III, облеченнаго неограниченною верховною властію, было ослабленіе или даже уничтоженіе старыхъ обычаевъ и преданій. Онъ противопоставилъ имъ обычаи и преданія греческой имперіи, принесенныя въ Москву вскорѣ послѣ брака его (12 ноября 1472 г.) на племянницѣ греческаго императора, Константина Палеолога, Софіи[147], а существовавшему дотолѣ элементу свободной, ни отъ кого независимой личности какъ княжескихъ дружинниковъ, такъ и крестьянъ, противопоставилъ государственное устройство, въ основаніи котораго лежало уже новое начало, состоящее въ

томъ, что не только бояре и слуги княжескіе, но и весь народъ обязанъ къ безпрекословному послушанію власти своего государя. Вскорѣ затѣмъ (въ 1474 г.) употреблена была и правительственная мѣра, заставившая бояръ и слугъ вовсе отказаться отъ своего стариннаго права отъѣзда: они должны были давать на себя такъ названныя тогда клятвенныя записи, прекращавшія для нихъ всякую возможность отъѣзда. Въ силу всего этого, Іоаннъ III явился для всѣхъ подданныхъ монархомъ, непоколебимо идущимъ къ ясно сознанной имъ цѣли, требующимъ полнаго повиновенія себѣ и строго карающимъ за ослушаніе; и потому, князья, лишенные своихъ удѣловъ, бояре и дружинники вообще должны были принести въ жертву устарѣвшія преданія болѣе разумнымъ воззрѣніямъ — должны были благоговѣйно преклониться предъ великимъ княземъ московскимъ, и повиноваться тому, что онъ прикажетъ [148]. Такимъ образомъ, всѣ притязанія какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ, замолкли предъ твердою державною волей Іоанна III, и всѣ элементы, противоборствовавшіе государственному порядку, устранены одинъ за другимъ [149].

Этому благопріятному исходу, для утвержденія въ новосозданномъ московскомъ государствѣ «единовластія и самодержавія», кромѣ сказанныхъ выше причинъ, содѣйствовало еще и то, что Іоаннъ III, по своему значенію для остальнаго народонаселенія страны, высоко поднялся надъ бывшими удѣльными князьями и старыми дружинниками, и что, среди всеобщей скудости, одинъ онъ былъ тогда очень богатъ—событіе высокой важности; доходы его увеличились отъ пріобрѣтенія предшественниками его обширныхъ и выгодныхъ областей; и онъ одинъ располагалъ огромнымъ количествомъ земли, составлявшей единственное средство содержанія въ современномъ состояніи Русской страны. Средствомъ этимъ Іоаннъ III вполнѣ воспользовался, для утвержденія своего могущества и достоинства самодержавнаго государя [150]. Въ качествѣ верховнаго повелителя объединенной Россіи, онъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, роздалъ дружинникамъ, за ихъ службу и для службы, земли въ помѣстья, создалъ многочисленное, соотвѣтственно территоріальному увеличенію государства, войско, вполнѣ отъ

него зависящее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окружилъ себя царственнымъ величіемъ и пышностію двора, введенными въ Москву послѣ брака его на греческой царевнѣ, Софіи Ѳоминичной, въ 1472 году [151].

Обращеніе всѣхъ членовъ бывшей вольной княжеской дружины въ служилыхъ людей.

Такое направленіе внутренней политики, разомъ измѣнившее отношенія дружины къ московскому государю, повело, наконецъ, къ тому, что и князья служилые, не долго удерживавшіе за собою первенствующее въ средѣ бояръ положеніе, и дружинники вообще, тѣ и другіе разныхъ чиновъ знатные люди, жившіе, по своему военному характеру, около дворца великаго государя, въ лучшихъ частяхъ Москвы, — стали именоваться общимъ названіемъ «слугами» (холопами), и, такимъ образомъ, изъ членовъ прежде вольной дружины, силою обстоятельствъ обратились въ многочисленный классъ *служилыхъ людей* государя и самодержца, различавшихся между собою по степенямъ родовой знатности и близости къ нему, по чинамъ высшимъ и низшимъ старинной русской службы [152].

Удержаніе служилыми людьми за собою права на занятіе разныхъ государственныхъ должностей.

При этой реформѣ замѣчательнымъ представляется тотъ фактъ, что не смотря на новое названіе «служилые люди», ясно опредѣлявшее отношенія ихъ къ государю на основаніяхъ иныхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ утверждалось названіе «княжеская дружина», тогда уже исчезнувшее изъ исторіи, — не смотря на новый, тяжелый для нихъ порядокъ, упразднившій привилегіи старыхъ дружинниковъ, и на опалы, пережитыя ими при Іоаннѣ III и достигшія до ужасныхъ размѣровъ въ царствованіе Іоанна IV (1533—1584), при которомъ, съ прекращеніемъ раздачи духовными завѣщаніями князьямъ удѣловъ, царство русское составляло уже единое, нераздѣльное цѣлое, — всѣ эти, такъ названные «служилые люди», старшіе и младшіе члены бывшей княжеской дружины, умѣли удержать за собою значеніе высшаго класса людей и право, при сохраненіи своего основнаго военнаго характера, на полученіе, какъ и въ старину, разныхъ должностей по главнымъ частямъ внутренняго управленія страною — правительственной, судебной и придворной [153]. Къ поясненію этого историческаго факта могутъ послужить свѣдѣнія, изложенныя въ IV главѣ настоящаго

періода, о мѣстничествѣ, развившемся между этими служилыми людьми.

ГЛАВА II.

Учрежденія коллегіальныя и единоличныя. По части правительственной: Дума боярская.—Приказы центральные и областные.—Воеводы гражданскіе или намѣстники. — Волостели. — По части судебной: Губные старосты.— Тіуны.—Дьяки.—Подъячіе—Думные дьяки.—Положеніе дьяковъ въ составѣ служилыхъ людей и въ обществѣ.—По части придворной: Исчисленіе вновь установленныхъ государями должностныхъ лицъ.

Учрежденія коллегіальныя и единоличныя.

Въ началѣ описываемаго періода стало обнаруживаться дѣйствіе верховной власти въ московскомъ государствѣ посредствомъ многихъ учрежденій, или органовъ управленія, по главнымъ частямъ его — правительственной, судебной и придворной.

А. По части правительственной:

Дума боярская.

Въ главѣ старинныхъ правительственныхъ органовъ первое мѣсто принадлежитъ *думѣ боярской*. Въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи сосредоточивались законодательство, высшая администрація, дѣла внѣшней политики и верховный судъ. Въ думѣ предсѣдательствовалъ государь, засѣдали бояре, окольничіе, думные дворяне и другіе государственные сановники; но, въ отношеніи къ государю, боярская дума имѣла только совѣщательное значеніе [154].

Приказы центральные и областные.

За думой, подъ ея контролемъ, слѣдовали отдѣльные органы подъ именемъ *приказовъ*. Это были управленія, существовавшія нѣкогда въ княжескихъ удѣлахъ и перенесенныя въ Москву, по присоединеніи къ ней удѣловъ. Начальниками приказовъ были разные сановники, по назначенію государя; письмоводствомъ въ нихъ завѣдывали дьяки и подъячіе. Съ развитіемъ государственной дѣятельности, каждое новое дѣло вело къ учрежденію новаго приказа. Отсюда явились приказы, носившіе разныя названія, соотвѣтственно роду дѣлъ имъ порученныхъ. *Приказы* были *центральные*, вѣдавшіе извѣстную отрасль управленія на пространствѣ всего государства, и *областные*, ограниченные извѣстнымъ его пространствомъ [155]. О приказахъ упоминается въ первый разъ въ княженіе Василія Іоанновича,

въ 1512 году, и появленіе ихъ относится вообще къ XVI столѣтію [156].

Въ зависимости отъ приказовъ существовали должностныя лица областнаго управленія, представлявшія мѣстную исполнительную власть; *воеводы*, или *намѣстники*, и *волостели*.

Воеводы гражданскіе или намѣстники.

Воеводы (гражданскіе правители) замѣнившіе, съ наступленіемъ XVII вѣка, намѣстниковъ, имѣли въ своихъ рукахъ власть административную, судебную и военную, и завѣдывали казенными финансовыми дѣлами въ своихъ округахъ. Поэтому, намѣстникъ или воевода, обязанъ былъ, не только въ томъ городѣ, куда отправленъ былъ на „кормленіе“, и въ приписанномъ къ городу уѣздѣ [157], смотрѣть за общественною безопасностію, нравственностію народною и за исправнымъ доставленіемъ городомъ и уѣздомъ опредѣленныхъ денежныхъ доходовъ въ государеву казну,—но и производить судъ и расправу по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ [158].

Волостели.

Что жъ касается *волостелей*, то это были такъ называвшіеся, въ противоположность городу, начальники волостей, имѣвшіе точно такое же значеніе, въ качествѣ начальниковъ своихъ земскихъ округовъ, какое намѣстники или воеводы, въ ввѣренныхъ имъ городахъ [159].

Б. По части судебной:

Губные старосты.

Для разбора судебныхъ и уголовныхъ дѣлъ находились при областныхъ правителяхъ особые чиновники: *губной староста*, выбиравшійся изъ дворянъ и лучшихъ дѣтей боярскихъ [160], и

Тіунъ.

извѣстный уже издревле *тіунъ*. Эта послѣдняя должность, должность тіуна, кромѣ юридическаго своего значенія, имѣла и историческую замѣчательность. Въ практической жизни древней Россіи, она проявляла свою дѣятельность постоянно и непрерывно, и только лишь, съ установленіемъ при Петрѣ Великомъ новаго порядка судопроизводства, должность тіуна была вовсе упразднена [161].

Дьяки и подъячіе.

Сверхъ того, существовали еще, по части административной и судебной, должностныя лица, извѣстныя уже изъ предъидущаго періода подъ названіемъ *дьяковъ* и *подъячихъ*. —Такъ какъ бояре, завѣдывавшіе приказами, и сановники, отправ-

ляемые посланниками въ чужія государства, и лица назначаемыя для управленія областями—всѣ они, люди преимущественно военные, не имѣвшіе за собою ни научной подготовки, ни практической дѣловой опытности,—не могли обойтись, при занятіи ими по старинѣ гражданскихъ должностей, безъ дѣльцовъ по письменной части; то и образовался особый дѣловой классъ людей, взятыхъ, по большей части, изъ простонародья, классъ дьяковъ и подъячихъ, изъ которыхъ первые считались старшими, а послѣдніе младшими чиновниками[162].—Лица эти, рѣзко выдававшіяся въ массѣ способностями, грамотностію и юридическою практикою, основанною на знаніи законовъ, административныхъ и судебныхъ обычаевъ и формъ дѣлопроизводства, дѣйствительно, говоря вообще, служили съ пользою обществу и государству; въ особенности же грамотность такъ высоко ставила въ глазахъ современнаго общества дьяковъ, что безъ нихъ нельзя было приняться ни за какое дѣло. Поэтому, во всѣхъ существовавшихъ въ московскомъ государствѣ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, главными дѣятелями были дьяки и подчиненные имъ сотрудники, подъячіе; каждый изъ нихъ носилъ наименованіе того мѣста, къ которому былъ приставленъ,—отъ этого и встрѣчаются въ отечественной исторіи названія: дьякъ дворцовый, дьякъ разрядный, дьякъ введенный, дьякъ избный[163].—Дьяки пріобрѣтали все больше и больше значенія, въ особенности въ царствованіе Іоанна IV, который довѣрялъ преимущественно имъ, какъ людямъ, выбраннымъ изъ простонародья, чуждымъ, поэтому, родовыхъ интересовъ, безъ преданій и притязаній, и покорнымъ слугамъ новаго порядка. Въ слѣдствіе всего этого, дьяки стали уже не простыми излагателями приказаній и рѣшеній исходящихъ отъ областныхъ правителей, а неразлучными товарищами ихъ, занимавшими почетное мѣсто. Этого мало: со временъ Іоанна IV дьяки явились уже руководителями не только въ дѣлахъ областнаго управленія, но и въ приказахъ, а также въ дѣлахъ посольскихъ и ратныхъ. Царь и бояре не пренебрегали совѣтами дьяковъ, какъ такихъ людей, которые не только умѣли читать и писать лучше другихъ и вообще были образованнѣе членовъ тогдашняго служилаго класса (прежнихъ

дружниковъ), но знали твердо законы, преданія и дѣлопроизводство [164].

Думные дьяки.

Тѣ же изъ дьяковъ, которые несли служебныя обязанности дѣлопроизводителей въ боярской думѣ, получили, въ правленіе Іоанна IV, около 1566 года, названіе *думныхъ дьяковъ*— высшее званіе, въ которое могъ быть возведенъ не человѣкъ меча, а человѣкъ пера. — Независимо отъ значенія по дѣловымъ своимъ занятіямъ въ думѣ, дьяки, какъ дѣлопроизводители и посольскаго приказа, завѣдывавшаго сношеніями съ иностранными государствами, были не менѣе важными лицами и въ политическомъ отношеніи. Присутствуя въ числѣ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновъ при торжественныхъ пріемахъ иностранныхъ пословъ, думные дьяки обыкновенно произносили отъ имени государя рѣчи посламъ, а часто и сами они назначались чрезвычайными посланниками къ иностраннымъ дворамъ, — на каковое служебное поприще нельзя было вступить безъ знанія этикета двора, дипломатическихъ обрядовъ и международныхъ отношеній [165].

Положеніе дьяковъ въ составѣ служилыхъ людей и въ обществѣ.

Совокупностію указанныхъ причинъ достаточно объясняется, почему дьякамъ, обладавшимъ замѣчательнымъ искусствомъ въ веденіи дѣлъ, легко было достигнуть такого почета, какого не могли пріобрѣсть личности, лишенныя этого качества, и почему дьяки не только считались принадлежащими къ высшему, благородному классу людей, но и стояли на ступеняхъ чиновной іерархіи выше жильцовъ, слѣдуя непосредственно за московскими дворянами, и, наравнѣ съ ними, назначались въ товарищи къ судьямъ, а иногда и сами дѣйствовали самостоятельно въ качествѣ судей. Объясняется также приведеннымъ изложеніемъ и то, почему думные дьяки, не знатные родомъ, но отличные умомъ, повышались не только въ думные дворяне, но и въ окольничіе, и, по своей должности, стояли выше дворянъ не думныхъ, а также выше стряпчихъ и стольниковъ.— Обязанности дьяковъ, состоявшія преимущественно въ дѣлопроизводствѣ, соотвѣтствовали нынѣшнимъ правителямъ канцелярій и секретарямъ; а повышеніе въ думные дьяки уравнивало послѣднихъ съ званіемъ статсъ-секретарей [166].

По тогдашнему, укоренившемуся вѣками понятію, одно

общественное занятіе считалось честнѣе, другое—менѣе честнымъ,—«служба,» напримѣръ, «мечемъ была честнѣе службы перомъ», и потому дворяне и дѣти боярскіе не служили въ дьякахъ; а такъ какъ въ дьяки и подъячіе поступали обыкновенно люди изъ низшаго слоя народонаселенія, то званія эти и не пользовались особеннымъ почетомъ у дворянъ, дѣтей боярскихъ и у лицъ, носившихъ придворные чины [167].

В. По части придворной:

Переходя къ разсмотрѣнію историческихъ извѣстій о придворномъ управленіи московскихъ государей въ томъ видѣ, въ какомъ представляется оно въ описываемый періодъ, нельзя не замѣтить, что, вслѣдствіе возвышенія царской власти, возвышается значеніе и службы близкой къ государю, или службы при его дворѣ [168]; и что, такъ какъ хозяйство государей московскихъ разширилось и пышность двора значительно увеличилась, то, къ составу поименованныхъ въ предъидущихъ двухъ періодахъ придворныхъ слугъ, прибавлены въ разное время еще новые чины. Такимъ образомъ появились: а) при Іоаннѣ III московскіе и городовые дворяне и городовые дѣти боярскіе, постельничій, спальники, сокольничій, ясельничій [169]; б) при Василіи Іоанновичѣ оружничій, кравчій, стряпчіе, жильцы (они же именовались „дворовые дѣти боярскіе“) [170]; в) при Іоаннѣ IV бояре земскіе и опричные [171] дворяне думные, дворяне большіе, дворяне первой статьи, дворяне второй статьи, дворяне сверстные, дѣти боярскіе второй статьи [172]; г) при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ ближній великій бояринъ—новое титло, которымъ награжденъ былъ Борисъ Годуновъ и которое потомъ уже никому не жаловалось [173]; д) при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ комнатные или ближніе бояре, т. е. высшіе сановники, имѣвшіе право входить въ царскія комнаты, гдѣ и принималъ ихъ государь [174]. При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ не было установлено придворныхъ чиновъ подъ новыми названіями; но всѣ прежніе, существовавшіе до его времени въ московскомъ государствѣ, чины сохранили обычное свое значеніе.

ГЛАВА III.

Три разряда личнаго состава служилыхъ людей. Первый разрядъ государственные чины: Бояре. Окольничіе. Думные Дворяне. — Вторый — придворные чины: Дворецкій. Ключникъ. Казначей. Оружничій. Шатерничій. Истопничій. Конюшій. Ясельничій. Ловчій. Сокольничій. Печатникъ. Кравчій. Стольникъ. Чашникъ. Постельничій. Спальничій. Стряпчій. Рында. — Третій — ратные чины: Дворяне московскіе. Дворяне городовые. Дѣти боярскіе. Жильцы.

Извѣстный уже личный составъ старшихъ и младшихъ дружинниковъ, постепенно слагавшійся на Русской землѣ въ минувшіе вѣка политическаго ея бытія, образовалъ, наконецъ, изъ себя, въ описываемомъ періодѣ, чины трехъ слѣдующихъ разрядовъ:

I. Чины перваго разряда были высшіе государственные сановники: *бояре, окольничіе, думные дворяне.*

II. Чины втораго разряда были придворныя лица трехъ категорій: *А*, чины, завѣдывавшіе государевымъ дворцомъ: *дворецкій, ключникъ, казначей, оружничій, шатерничій, истопничій.* — *Б*, чины, управлявшіе государевыми конюшнями и охотою: *конюшій, ясельничій, ловчій, сокольничій.* — *В*, Царедворцы, находившіеся при особѣ государя: *печатникъ, кравчій, стольникъ, чашникъ, постельничій, спальничій, стряпчій, рында.*

III. Чины третьяго разряда образовали собою служилыхъ людей, лично отбывавшихъ воинскую повинность: *дворяне московскіе, дворяне городовые, дѣти боярскіе, жильцы.*

I. Чины перваго разряда.

Бояре.

Титулъ *боярина*, освященный древностію лѣтъ, обозначавшій вообще лучшихъ, знатныхъ и доблестныхъ людей, совѣтниковъ княжескихъ, оставался и теперь, какъ въ предъидущіе два періода, высшимъ государственнымъ отличіемъ, котораго удостоивался отъ государя служилый человѣкъ. Въ боярское достоинство возводились преимущественно люди, отличившіеся административнымъ талантомъ, гражданскими доблестями, выдающимися военными дарованіями и, такъ сказать, посѣдѣвшіе въ браняхъ [175]. Были, однакожъ, примѣры, что не

только пожилые, но и очень молодые люди, за свои необыкновенные подвиги, возводимы были въ санъ боярина. Къ такимъ знаменитостямъ принадлежитъ, между прочимъ, мужественный витязь, двадцатилѣтній юноша—побѣдитель, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій [176]. Былъ также и установившійся, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, обычай, по которому члены шестнадцати знатнѣйшихъ фамилій, изъ уваженія къ знаменитости ихъ родовъ, пользовались исключительнымъ правомъ поступать прямо въ бояре, минуя всѣ чины низшихъ степеней, даже чинъ окольничаго [177].

Всѣ эти историческіе факты показываютъ, что званіе боярское заключало въ себѣ понятіе не только объ отличныхъ умственныхъ качествахъ и подвигахъ на служебномъ поприщѣ, но и о родословномъ преимуществѣ носившаго это званіе лица. Ясно, что полученіе боярства сопряжено было съ неизбѣжными затрудненіями,—и вотъ почему встрѣчаемъ мы при каждомъ московскомъ государѣ ограниченное число этихъ сановниковъ. Такъ, Василій Васильевичъ (1425—1462) имѣлъ только 4 бояръ; при Іоаннѣ III (1462—1505) было ихъ 19; при сынѣ его Василіи Іоанновичѣ (1505—1533)—20; по смерти Іоанна IV (1533—1584) оставалось 11; при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ (1584—1598) пожаловано было боярство одиннадцати лицамъ, такъ что численность ихъ возрасла до 22; въ царствованіе же Петра Великаго, въ первые годы XVIII столѣтія, оставалось ихъ только 19 человѣкъ [178]. Поэтому, одно то обстоятельство, что число бояръ было не велико, уже есть само по себѣ нѣчто, увеличивающее ихъ значеніе и превосходство. Независимо отъ того, что бояре, какъ лица, стоявшія на высокихъ іерархическихъ ступеняхъ, считались имѣющими право и способность засѣдать въ думѣ, составлявшей совѣтъ государевъ, они призывались къ выполненію и другихъ важныхъ служебныхъ обязанностей. Такимъ образомъ, бояре вѣдали Москву во время отсутствія государя [179]; управляли приказами [180]; назначались, въ качествѣ правителей гражданскихъ, воеводами въ главные города, каковыми были въ описываемое время Новгородъ, Кіевъ, Казань, Астрахань, Тобольскъ [181]; получали

должности государевыхъ намѣстниковъ въ областяхъ, имѣя въ своей зависимости судъ и земскую расправу [182]; присутствовали, при пріемѣ въ Москвѣ иностранныхъ пословъ, и отправлялись въ иноземныя государства съ русскими посланниками, почти всегда имѣвшими также санъ боярскій [183]; занимали первыя мѣста на земскихъ соборахъ [184]; во всѣхъ торжественныхъ при дворѣ выходахъ слѣдовали тотчасъ за государемъ, сопровождали его во время загородныхъ поѣздокъ на охоту и приглашались во дворецъ къ бывавшимъ тамъ большимъ столамъ въ придворныя торжества [185]. Значеніе бояръ выражалось, между прочимъ, и въ томъ, что они владѣли старинными и вновь пожалованными вотчинами, съ правомъ наслѣдованія тѣми и другими, на опредѣленныхъ закономъ условіяхъ [186]. Наконецъ, бояре, какъ люди знатные и почти всегда крупные землевладѣльцы, отличались отъ другихъ особенно богатою, имѣвшею аристократическое значеніе, одеждою, украшенною золотыми оплечьями, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями и дорогими мѣхами [187], и, сверхъ того, пользовались исключительнымъ правомъ выѣзжать въ храмъ Божій, или на совѣтъ къ государю, въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ холопей, или безземельныхъ слугъ [188]. Карамзинъ, для поясненія послѣднихъ двухъ преимуществъ, говоритъ: „если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ боярами въ этихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ [189].

При такомъ общественномъ воззрѣніи на боярское достоинство, сами государи московскіе уважали этотъ санъ и старались наблюдать не только постепенность при награжденіи имъ, жалуя въ бояре лишь изъ первыхъ придворныхъ чиновъ, но и величайшую осмотрительность, при возведеніи заслуженнаго лица въ боярство. Такъ, Іоаннъ IV, не смотря на сильную волю свою, на всѣ злоупотребленія имъ властію неограниченнаго повелителя, не хотѣлъ дать боярства любимцу души своей, думному дворянину, извѣстному опричнику, Малютѣ Скуратову—Бѣльскому, тестю Бориса Годунова, опасаясь унизить этотъ высокій санъ такимъ скорымъ возвышеніемъ человѣка, хотя способнаго, но худороднаго, т. е. неродословнаго,

неимѣвшаго знатныхъ предковъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, сдѣлался также его любимцемъ и другомъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, по происхожденію дьячій сынъ. Царь вполнѣ цѣнилъ личныя достоинства своего друга; при всемъ томъ Матвѣевъ очень долго носилъ незавидное званіе полковника московскихъ стрѣльцовъ, и едва уже къ концу царствованія Алексѣя Михайловича могъ сдѣлаться начальникомъ посольскаго и малороссійскаго приказовъ, и то въ скромномъ чинѣ думнаго дворянина; только лишь въ 1672 году 30 мая былъ пожалованъ въ окольничіе, по случаю рожденія царевича Петра, а черезъ два года—и въ бояре, по случаю крестинъ царевича Ѳеодора. Ясно, что царь Алексѣй Михайловичъ дѣйствовалъ, по отношенію къ любимцу, человѣку достойному, но худородному, медленно и незамѣтно, чтобы избѣжать неудовольствій со стороны «высокородныхъ, стародавныхъ честныхъ родовъ» [190].

Впрочемъ, титло боярина существовало только до временъ младшаго сына царя Алексѣя Михайловича, Петра 1-го, и потомъ никому уже не жаловалось. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи былъ Петръ Апраксинъ, пожалованный Петромъ Великимъ, въ 1709 году, честію боярства [191].

Начало установленія чина *окольничаго*, какъ видно изъ старинныхъ актовъ, восходитъ къ послѣдней четверти XIII столѣтія. Названіе это въ первый разъ упоминается въ древнѣйшей грамотѣ, 1284 года, смоленскаго князя Ѳеодора Ростиславича Чернаго, умершаго монахомъ и схимникомъ въ 1299 году [192]. Потомъ, встрѣчается оно въ договорной грамотѣ, 1340 года, между великимъ княземъ Симеономъ Іоанновичемъ и его братьями, изъ которой видно, что въ числѣ свидѣтелей, подписавшихся на этой грамотѣ, былъ Онанья окольничій [193]. Далѣе, въ послѣдней четверти XIV вѣка, при описаніи битвы великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго, происходившей въ 1378 году съ татарами, предводительствуемыми мурзою Бѣгичемъ, говорится, что самъ великій князь стоялъ въ срединѣ своего войска, а одно крыло поручилъ своему окольничему Тимоѳею Вельяминову [194]. Изъ разсказовъ же о дѣятельности удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, двоюроднаго

Окольничіе.

брата и сподвижника Донскаго, извѣстно, что въ основанный имъ, княземъ Владиміромъ, въ 1374 году городъ Серпуховъ, онъ сдѣлалъ намѣстникомъ своего окольничаго Якова Юрьевича Новосильцова [195]. — Наконецъ, въ грамотѣ рязанскаго князя Олега, имѣвшаго христіанское имя Іакова и жившаго во второй половинѣ XIV вѣка. въ грамотѣ его, пожалованной Ольгову монастырю, въ числѣ бояръ, съ которыми онъ приэтомъ совѣтовался, упоминается Юрій окольничій, занявшій здѣсь между ними шестое мѣсто [196]. Затѣмъ, въ теченіе трехъ послѣдующихъ XV, XVI и XVII столѣтій, при всѣхъ великихъ князьяхъ и царяхъ московскихъ, постоянно встрѣчаются, въ составѣ приближенныхъ къ нимъ служебныхъ лицъ, и окольничіе.

Въ чемъ же состояла должность окольничаго? Изъ историческихъ источниковъ видно, что чиновникъ сей получилъ такое названіе отъ того, что онъ всегда былъ около государя, какъ во время государевыхъ путешествій или походовъ, такъ и въ дворцовыхъ церемоніяхъ, при пріемѣ пословъ и проч.,— слѣдовательно былъ человѣкъ, постоянно находившійся при великомъ князѣ или царѣ, былъ непосредственный исполнитель его приказаній. — Такимъ образомъ, когда при торжественныхъ выходахъ во дворцѣ, окружали государя разныхъ степеней чины, то въ числѣ ихъ всегда находился и окольничій; или когда бывали во дворцѣ большіе столы, къ этимъ столамъ приглашались и окольничіе. Въ случаѣ же путешествій, окольничій ѣздилъ впереди государя по станамъ, для устройства ихъ и для наблюденія за чистотою, спокойствіемъ и безопасностію пути, по которому государь слѣдовалъ. Посему, къ обязанности окольничаго относились распоряженія объ исправленіи на этомъ пути мостовъ, о заготовленіи подводъ и всего потребнаго на станахъ. — Значеніе же окольничихъ, какъ придворныхъ собственно чиновниковъ, распоряжавшихся дворцовыми церемоніями, уясняется тѣмъ, что, во время выходовъ государя, шли они по обѣимъ сторонамъ его и наблюдали, дабы никто, изъ участвовавшихъ въ этихъ торжественныхъ выходахъ, не дерзнулъ переходить царскаго пути, и каждый былъ бы на своемъ мѣстѣ, со всякимъ вниманіемъ и укра-

шеніемъ, соотвѣтственно своему чину. Обычныя распоряженія, по случаю прибытія въ Москву иностранныхъ пословъ, составляли также прямую обязанность окольничаго. Назначенные имъ къ послу приставъ изъ боярскихъ дѣтей, встрѣтивъ его при въѣздѣ въ Москву, сопровождали до подворья, избраннаго для его пребыванія; а по прибытіи посла во дворецъ, для публичной аудіенціи, и, по сдѣланіи ему въ тронной залѣ приличной встрѣчи, окольничій представлялъ посла государю, сопровождая это представленіе слѣдующими словами: такой-то посолъ пріѣхалъ отъ такого-то государя и желаетъ.... Итакъ, если великій князь и царь являлся народу не иначе, какъ въ сопровожденіи окольничихъ, — если окольничіе ѣхали передъ нимъ по станамъ и распоряжались всѣмъ, — если торжественныя придворныя церемоніи совершались не иначе, какъ при содѣйствіи окольничихъ; то очевидно, что чиновники эти были самые приближенные къ государю люди и составляли его свиту, занимая вторую послѣ боярства степень [197].

На основаніи такого, издавна установившагося значенія окольничихъ, они всегда составляли, вмѣстѣ съ боярами, думу государя, и присутствовали въ этомъ верховномъ учрежденіи, въ качествѣ постоянныхъ его членовъ, садясь по-одаль отъ государя на лавкахъ, подъ боярами, по породѣ [198]. — Окольничіе, равно какъ и бояре, управляли приказами, назначались военными или гражданскими воеводами для суда и земской расправы, приглашались на земскіе соборы, бывали въ разныхъ посылкахъ, т. е. исполняли временныя порученія по дѣламъ гражданскимъ, и, вообще, наряду съ боярами, употреблялись для важнѣйшихъ дѣлъ [199].

Пожалованіе высшихъ степеней или чиновъ старинной русской службы, къ которымъ относился и чинъ окольничаго, вполнѣ зависило отъ царствующаго государя, съ соблюденіемъ установленной постепенности, въ силу которой производились, напримѣръ, думные дворяне въ окольничіе, и только лишь послѣдніе въ бояре [200]. Но изъ этого общаго правила были изъятія для пятнадцати знатныхъ фамилій, которыхъ члены назначались прямо въ окольничіе и которые, поэтому, назывались «комнатными или ближними окольничими» [201]. — Число

окольничихъ, какъ и бояръ, было невелико: Василій Васильевичъ (1425—1462) имѣлъ только одного окольничаго; Іоаннъ III (1462—1505) увеличилъ ихъ до 9; при Борисѣ Годуновѣ (1598—1605) число ихъ возросло до 15 человѣкъ [202]. Въ теченіе XVII столѣтія, постоянно встрѣчаются окольничіе и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и при сынѣ его Алексѣѣ Михайловичѣ, и при внукѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; но, сколько находилось ихъ при каждомъ изъ сихъ государей, точнаго объ этомъ свѣдѣнія въ виду нѣтъ. Обративъ же вниманіе на внутреннее состояніе Россіи въ первые пять лѣтъ XVIII вѣка, мы увидимъ, что по именному списку 1705 года состояло тогда на Москвѣ и на службѣ 16 окольничихъ [203]. Въ 1712 году Петръ Великій пожаловалъ, въ послѣдній разъ, чинъ окольничаго стольнику Алексѣю Юшкову [204].

Думные дворяне.

Чины младшей княжеской дружины, входившіе въ составъ третьяго разряда ея, были, какъ сказано во второмъ періодѣ, дворяне. Названіе это получено ими отъ княжескаго двора, въ который они имѣли свободный доступъ, служили къ умноженію его пышности, исполняли разныя службы, требовавшіяся при церемоніяхъ разнаго рода и посылкахъ [205]. Когда жъ Москва, съ новымъ порядкомъ на сѣверѣ и съ присоединеніемъ къ ней удѣльныхъ князей, усилилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвысилось значеніе великаго князя, то стало возвышаться и значеніе службы при его дворѣ, а слѣдовательно значеніе самихъ дворянъ. — Іоаннъ IV образовалъ нѣкоторыя новыя степени знаменитости для дворянъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются: дворяне думные, дворяне большіе, первой статьи, второй статьи, сверстные и младшіе. Изъ нихъ высшая степень принадлежала *дворянамъ думнымъ,* учрежденнымъ въ 1572 году. Это были лица хотя и не знатныя породою, но отличныя между дворянами по своимъ способностямъ, уму и энергіи, — слѣдовательно были такія личности, въ которыхъ постоянно нуждаются общество и государство. Ихъ-то Іоаннъ IV ввелъ въ думу для присутствія и участія въ рѣшеніи дѣлъ, наравнѣ съ боярами и окольничими, и, такъ такъ они въ служебномъ отношеніи не достигли еще ни одного изъ этихъ двухъ высшихъ званій, то и названы думными дворянами, составивъ, такимъ образомъ,

изъ себя несуществовавшій до временъ Іоанна IV третій разрядъ членовъ государевой думы, и служившій противовѣсомъ исключительному вліянію на дѣла знатныхъ людей [206].

Принадлежа къ одной изъ трехъ высшихъ степеней старинной русской государственной службы, думные дворяне, во время собраній во дворцѣ, являлись въ ту же комнату, гдѣ были бояре съ окольничими, въ ожиданіи государева выхода [207]; при обычномъ засѣданіи думы для совѣщанія о дѣлахъ, думные дворяне садились подъ окольничими (т. е, занимали мѣста вслѣдъ за окольничими), по чинамъ [208]; въ установленные церковные праздники и въ царскіе дни обязаны были они, подобно боярамъ и окольничимъ, сопровождать государя въ его выходахъ къ обѣднѣ, присутствовать при пріемѣ иноземныхъ пословъ, являться по приглашенію къ большимъ столамъ, бывавшимъ по разнымъ случаямъ во дворцѣ [209]. Сверхъ того, думные дворяне посылались въ разные государства послами, посланниками и гонцами, и назначались: начальниками приказовъ, каковымъ былъ, напримѣръ, близкій къ царю Алексѣю Михайловичу человѣкъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, — ратными воеводами, между которыми является выдающаяся личность Прокопія Петровича Ляпунова, — и, наконецъ, гражданскими воеводами въ города, каковымъ былъ посланъ, въ 1675 году, въ Архангельскъ Ѳеодоръ Полуектовичъ Нарышкинъ [210].

Званіе думнаго дворянина существовало еще въ началѣ царствованія Петра I-го, какъ видно изъ указа 4 января 1700 года и изъ списка старыхъ чиновъ 1705 года. Въ послѣднемъ году думные дворяне встрѣчаются въ числѣ 15 человѣкъ [211].

II. Чины втораго разряда.

А. Чины, завѣдывавшіе государевымъ дворцомъ:

Дворецкій.

Названіе дворскій или *дворецкій* (нынѣшній гофмейстеръ), означавшее особеннаго чиновника, котораго имѣлъ въ старину каждый русскій удѣльный князь, для надзора за сохраненіемъ дворцоваго порядка, становится извѣстнымъ съ XII вѣка. Объ немъ упоминается при томъ событіи, когда великій князь Мсти-

славъ Изяславичъ, свергнутый съ кіевскаго стола Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 году, бѣжалъ изъ Кіева въ Владиміръ-Волынскій, а гнавшійся за нимъ непріятельскій отрядъ побралъ въ плѣнъ много его дружины, въ составѣ которой находился Мстиславовъ дворецкій, именемъ Олекса [212]. Нижеслѣдующія же историческія указанія объясняютъ, въ чемъ состояла прямая обязанность этаго должностнаго лица въ тогдашнее время. Кромѣ слугъ вольныхъ людей дворныхъ, составлявшихъ младшую княжескую дружину [213], были еще у владѣтельныхъ князей слуги другаго рода — промышленники и ремесленники [214], пользовавшіеся княжескими землями и находившіеся подъ вѣдомствомъ княжескаго дворецкаго [215]. Слѣдовательно обязанность дворецкаго, по тогдашнему времени, состояла главнымъ образомъ въ завѣдываніи княжескими слугами этого послѣдняго рода. Но однимъ этимъ не ограничивалась дѣятельность дворецкаго. Извѣстно, что татары, господствовавшіе въ Русской землѣ до временъ Іоанна III, не вступались въ мѣстныя судныя дѣла страны, и потому каждый удѣльный князь судилъ чрезъ своихъ намѣстниковъ и дворянъ, предоставляя также и дворецкому, подъ наблюденіемъ намѣстника, производить судъ только надъ одними холопами [216]. Въ послѣдствіи кругъ занятій дворецкаго еще болѣе расширился.

Со времени Іоанна III, перваго истиннаго самодержца Россіи, положившаго твердое основаніе московскаго государства, съ того времени, когда каждая отрасль государственнаго управленія, для правильнаго хода дѣлъ, получила «пристойный приказъ» [217], создано было также особое учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ приказа большаго дворца. Приказъ этотъ вѣдалъ доходы съ приписанныхъ къ нему городовъ, дворцовыхъ волостей, селъ и деревень, доставлявшихъ казнѣ дворцоваго вѣдомства, сверхъ денежнаго оброка, хлѣбъ, скотъ, птицъ, рыбу, медъ, дрова, сѣно — такіе продукты, которые за исключеніемъ опредѣленнаго количества, требовавшагося на содержаніе двора, продавались ежегодно на значительныя суммы, поступавшія въ дворцовый доходъ [218]. Въ главѣ этого-то важнаго учрежденія стоялъ начальникъ, носившій старинное названіе дворецкаго, и, какъ первенствующій въ соста-

вѣ придворныхъ чиновъ, почти всегда былъ изъ бояръ [219]. Завѣдывая всѣми государевыми имѣніями, доходами съ нихъ и расходами на дворцовыя нужды, а также дворами сытнымъ, кормовымъ, хлѣбеннымъ, дворецкій имѣлъ надзоръ за всѣми высшими и низшими придворными чинами, въ особенности за тѣми должностными лицами, управленію которыхъ ввѣрялись разныя отдѣльныя части, завѣдуемыя приказомъ большаго дворца; это были, какъ уже выше сказано: ключникъ, казначей, оружничій, шатерничій и истопничій [220]. Отношенія, въ какія поставлены они первоначально къ дворецкому, оставались неизмѣнными и въ продолженіе XVII вѣка.

Ключникъ.

Начало появленія у русскихъ князей слугъ, названныхъ *ключниками*, восходитъ также къ глубокой древности. Описывая состояніе Россіи въ періодъ ея бытія съ XI до XIII вѣка [221], Карамзинъ говоритъ: «восшествіе государя на тронъ соединено было съ обрядами священными; кіевляне, новгородцы сажали князей на престолъ въ софійскомъ храмѣ; князь въ самой церкви, во время литургіи, стоялъ съ покровенною главою, въ шапкѣ или клобукѣ (можетъ быть, въ вѣнцѣ); украшалъ вельможъ своихъ золотыми цѣпями, крестами, гривнами [222]; жаловалъ придворныхъ въ казначеи, ключники, постельники, конюшіе,» и проч. — Свидѣтельство это ясно показываетъ, что должностныя лица подъ названіемъ ключниковъ были уже при княжескихъ дворахъ въ XI и XII столѣтіяхъ, и что званіе это давалось государями въ видѣ награды за службу. Оно существовало также и въ послѣдующее время. — Въ южной Россіи великій князь кіевскій Вячеславъ, умершій въ 1155 году, имѣлъ при дворѣ своемъ казначеевъ и ключниковъ; это доказывается тѣмъ, что въ присутствіи этихъ лицъ сдѣлано было распоряженіе о раздачѣ имущества умершаго князя по монастырямъ, богадѣльнямъ и темницамъ. Въ Россіи сѣверной у великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, въ числѣ приближенныхъ къ нему слугъ, пользовавшихся его довѣренностію, былъ ключникъ Анбалъ, оставившій позорную о себѣ извѣстность тѣмъ, что онъ пристalъ къ партіи заговорщиковъ, умертвившихъ этаго князя, своего государя и благодѣтеля, въ 1174 году. Видно также изъ духовнаго завѣ-

щанія великаго князя Симеона Іоанновича Гордаго, скончавшагося въ 1353 году, что у него, кромѣ другихъ придворныхъ лицъ, были и ключники [223]. Въ московскомъ же государствѣ, при увеличеніи Іоанномъ III должностныхъ лицъ своего двора, вскорѣ послѣ брака его съ царевною греческою Софіею въ 1472 году, не только удержано было старинное званіе ключниковъ, съ прибавленіемъ болѣе точнаго опредѣленія ихъ обязанностей, но сохранилось оно и при преемникахъ Іоанновыхъ, въ теченіи XVI и XVII столѣтій [224].

Что касается обязанностей, лежавшихъ на ключникахъ, въ главныхъ чертахъ онѣ состояли въ слѣдующемъ. Имѣя пребываніе свое въ Москвѣ, ключники управляли особыми, помѣщавшимися близъ государева дворца въ кремлѣ и принадлежавшими къ домашнему государеву хозяйству, дворами сытнымъ, кормовымъ и хлѣбеннымъ. Изъ нихъ—сытный заготовлялъ и сохранялъ въ устроенныхъ погребахъ и ледникахъ разные, про государевъ обиходъ, напитки, какъ то: пиво, медъ, квасъ, заграничныя вина и проч.; дворъ кормовый имѣлъ въ своемъ распоряженіи съѣстные запасы для потребленія, и завѣдывалъ поварнями, а также стряпавшими въ нихъ поварами и прочими прислужниками; наконецъ, хлѣбенный дворъ приготовлялъ вообще всякія печенья разныхъ видовъ и наименованій [225]. Слѣдовательно ключникамъ поручалась хозяйственная часть во дворцѣ по отношенію къ государеву столу, и храненіе вообще всего того, что требовалось для употребленія при столѣ, какъ въ обыкновенные дни, такъ и во дни разныхъ торжественныхъ случаевъ [226].

Казначей.

Взглянувъ на званіе княжескаго *казначея* (тоже, что нынѣ гофмаршалъ) съ исторической точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что служебныя подъ этимъ наименованіемъ лица получили свое существованіе при дворахъ русскихъ князей, подобно ключникамъ, вскорѣ по смерти Владиміра св., при сынѣ его Святополкѣ, и, въ продолженіе послѣдующихъ двухъ столѣтій, до первоначальнаго появленія въ Россіи татаръ (31 мая 1224 г.), сохранили свое придворное значеніе. О древности установленія званія казначеевъ свидѣтельствуютъ тѣ же историческіе факты, о которыхъ уже упомянуто при описаніи

должности ключниковъ, именно: фактъ, выразившійся въ обычаѣ государей, при восшествіи своемъ на престолъ, жаловать нѣкоторыхъ изъ придворныхъ лицъ въ разные чины, въ томъ числѣ и въ казначеи, — и фактъ, основанный на приведенномъ извѣстіи о томъ, что, при распредѣленіи имущества, принадлежавшаго умершему въ 1155 году великому князю кіевскому Вячеславу, присутствовали, кромѣ другихъ чиновъ, и казначеи. Позднѣе, спустя два вѣка, упоминается опять о казначеяхъ, какъ придворныхъ слугахъ, въ завѣщаніяхъ великихъ князей Іоанна Даніиловича Калиты и сына его Іоанна Іоанновича; а въ княженіе Іоанна III, старинный этотъ чинъ получилъ въ 1495 году наименованіе государственнаго или главнаго казначея, оставаясь, впрочемъ, по прежнему, въ числѣ второстепенныхъ придворныхъ лицъ, не только во второй половинѣ XV вѣка, т. е. во времена Іоанна III, но и при его преемникахъ, правившихъ московскимъ государствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ[227].

Казначей, съ двумя дьяками, составлялъ приказъ казеннаго двора. Прямая обязанность службы казначеевъ состояла преимущественно въ завѣдываніи кладовыми, гдѣ хранились княжескія сокровища, какъ-то: деньги, драгоцѣнные камни, жемчугъ, серебряные и золотые сосуды, мѣха собольи, куньи и бѣличьи, шелковыя ткани, одежды. Казначею ввѣрялась также домовая касса, изъ которой отпускались деньги на разныя надобности особамъ государева дома, выдавалось жалованье людямъ всякаго чина и дарились государемъ знатнымъ сановникамъ бархатныя, золотныя и атласныя на соболяхъ шубы. Наконецъ, въ завѣдываніи казначея было все то, что употреблялось при короноваціи государей[228].

Независимо отъ сего, чрезъ тѣхъ же казначеевъ производилось пріобрѣтеніе для двора разныхъ предметовъ роскоши и богатства и притомъ на условіяхъ весьма выгодныхъ, по причинѣ полнаго господства тогда въ московскомъ государствѣ монополіи казны. При такомъ положеніи вещей, англичане, получившіе въ 1567 и 1569 годахъ, при Іоаннѣ IV, право ѣздить съ товарами изъ Россіи въ Персію, должны были всѣ драгоцѣнности и легкіе товары показывать государеву казначею, а о тяжелыхъ представлять записку. Казначей выбиралъ

изъ всего этого угодное государю за цѣну, въ какую обошлась перевозка и храненіе вещей; а остальное возвращалъ имъ, для продажи. Подобныя отношенія торговцевъ ко двору, на счетъ промышленности, существовали и въ XVII вѣкѣ. — Всѣ ввозные продукты — шелкъ и другія статьи персидской торговли, предметы роскоши, привозимые изъ Греціи, какъ-то: серебряная и золотая утварь, конскіе дорогіе уборы, мѣха, привозимые съ китайскихъ границъ, — все это представлялось сначала казначею. Нужное и лучшее отбиралось имъ въ царскую казну за деньги, или въ обмѣнъ на товары, — остальное предоставлялось уже общественному употребленію [229].

Вѣдѣнію казначея поручалась, сверхъ хозяйственной по двору, и судебная часть по отношенію къ людямъ, пріѣзжавшимъ на время въ Москву изъ городовъ. Иногородные истецъ и отвѣтчикъ судились у царскаго казначея, рѣшавшаго тяжебныя дѣла въ денежныхъ искахъ въ такомъ только случаѣ, когда тяжущіеся были изъ разныхъ городовъ, а если изъ одного, то отсылались къ ихъ намѣстникамъ [230].

Наконецъ, княжескіе казначеи представляются достопамятными въ историческомъ смыслѣ еще и потому, что они назначались для пріема и произнесенія надлежащихъ отвѣтовъ второстепеннымъ или третьестепеннымъ посланникамъ, присылаемымъ отъ ихъ правительствъ въ Москву съ разными порученіями. Такъ Іоаннъ III, строгій блюститель пристойности въ придворныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, по различію пословъ, объяснялся съ прибывшими, въ 1489 году, въ Москву отъ ногайскаго кочеваго народа послами единственно чрезъ своихъ второстепенныхъ чиновниковъ — казначеевъ и дьяковъ. То же самое повторилось и въ 1501 году. Послы отъ королей венгерскаго и польскаго — братьевъ великаго князя литовскаго Александра, воевавшаго тогда съ Іоанномъ III, а также уполномоченный отъ Александра его чиновникъ Нарбутъ, по пріѣздѣ въ Москву, сдѣлали совокупное предложеніе о прекращеніи войны, обѣщая удовлетвореніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствуя объ освобожденіи литовскихъ плѣнныхъ и возвращеніи завоеванныхъ земель; при чемъ Нарбутъ прибавилъ, что большіе литовскіе послы готовы ѣхать для мирныхъ перегово-

ровъ. На это отвѣчали, именемъ Іоанна III, казначей и дьякъ великокняжескіе, что государь не отвергаетъ мира, пристойнаго, но не любитъ даромъ освобождать плѣнныхъ и возвращать завоеванія, и что онъ ждетъ большихъ пословъ литовскихъ и согласенъ сдѣлать перемиріе [231].

Великолѣпенъ былъ дворъ сына Іоанна III, Василія Іоанновича (1505 — 1533), во все двадцативосьмилѣтнее его управленіе московскимъ государствомъ. — Любя пышность во всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ, онъ увеличилъ штатъ двора своего прибавкою къ нему нѣсколькихъ новыхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ встрѣчается небывалый чинъ *оружничаго* (начальникъ оружейной палаты), которымъ въ первый разъ пожалованъ былъ Салтыковъ, въ 1511 году [232]. Оружничій.

Въ московскихъ древностяхъ сохранилось преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается кремлевскій царскій дворецъ, въ концѣ XVII столѣтія стоялъ большой трехъ-этажный каменный корпусъ, въ которомъ помѣщались оружейный приказъ и оружейная палата; первый завѣдывалъ живописнымъ, золотымъ, серебрянымъ, рѣзнымъ, токарнымъ изъ дерева и кости, дѣлами, — вторая была царскимъ арсеналомъ, гдѣ хранилось различное оружіе, доспѣхи, кольчуги и т. п.; здѣсь же изготовлялись знамена и разные предметы полковаго боеваго вооруженія. Непосредственнымъ начальникомъ въ этихъ двухъ учрежденіяхъ былъ оружничій. Онъ заботился не только о сохраненіи всякаго государева оружія, рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ вещей, въ оружейной палатѣ находившихся, но имѣлъ надзоръ за всѣми людьми, художниками и матеріалами, къ ней принадлежащими. Въ оружничіе назначались обыкновенно знатныя и приближенныя къ государю лица, какъ видно изъ того, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ (1676 — 1682), по возведеніи, въ 1680 году, своего постельничаго Ивана Максимовича Языкова въ окольничіе, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ ему быть въ оружничихъ [233].

Имѣя постоянное свое пребываніе въ Москвѣ, чиновникъ этотъ уѣзжалъ изъ столицы въ томъ случаѣ, когда государь самолично отправлялся въ походъ противъ непріятеля, и когда, поэтому, долженъ былъ сопровождать его весь дворъ, а слѣ-

довательно и находившійся въ штатѣ его оружничій. Можно указать на два такіе похода. Одинъ предпринятъ былъ, въ маѣ 1522 года, великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ противъ крымскаго хана Мехмедъ-Гирея, грозившаго нашествіемъ на московскую землю со всѣми своими силами; въ этомъ походѣ окружали великаго князя разныхъ степеней придворные чины, въ числѣ которыхъ показанъ и оружничій Ник. Ив. Карповъ. Другой походъ совершился въ самомъ началѣ царствованія Бориса Годунова. Получивъ вѣсть о приближеніи крымскаго хана Казы-Гирея со всею ордою къ берегамъ Оки, Годуновъ, сопровождаемый множествомъ придворныхъ чиновниковъ, между которыми находился и оружничій Б. Я. Бѣльскій, выѣхалъ, въ маѣ 1598 года, изъ Москвы и остановился въ Серпуховѣ, съ тѣмъ, чтобы отсюда распоряжаться устройствомъ своей рати, спѣшившей изъ городовъ къ сборнымъ мѣстамъ [234].

Шатерничій.

Свѣдѣнія о происхожденіи княжескихъ слугъ, носившихъ названіе *шатерничихъ*, представляются очень скудными. Извѣстно только, во-первыхъ, что Іоаннъ IV, ѣздившій, въ 1572 году, въ Новгородъ для устройства войска, по случаю войны въ Эстоніи, имѣлъ въ своей свитѣ высшихъ и низшихъ придворныхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ упоминается и шатерничій Семенъ Тимоѳеевичъ Бунаковъ; и во вторыхъ, что въ воинскомъ походѣ Бориса Годунова противъ крымскаго хана Казы-Гирея въ маѣ 1598 года, между состоявшими при немъ, для разныхъ службъ, придворными чиновниками находился также одинъ шатерничій. — Что же касается должности, лежавшей на этомъ чиновникѣ, то ее можно опредѣлить немногими словами: она состояла въ завѣдываніи всѣми предметами, которые относились до убранства и украшенія государевыхъ палатъ во дворцѣ [235]. Въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ, какимъ онъ былъ къ концу XVII столѣтія, находилось множество палатъ подъ разными наименованіями; къ составу ихъ принадлежала шатерная палата, такъ названная потому, что въ ней сохранялись походные шатры, ставки, хоромные наряды и уборы.

Истопничій.

Названіе *истопничій* происходитъ отъ стариннаго слова

«истопка», означавшаго горницу, комнату. Поэтому, именемъ истопничаго назывался такой княжескій слуга, который обязанъ былъ наблюдать за чистотою и порядкомъ во внутреннихъ комнатахъ государева или кремлевскаго дворца. Внутренняя стража кремлевскихъ палатъ располагалась на ночь въ трехъ комнатахъ, ближайшихъ къ государевой спальнѣ: въ слѣдующихъ за нею непосредственно, первой и второй, ночевали ближніе царедворцы — постельничій и товарищи его спальники, въ третьей — выборные изъ знатныхъ дѣтей боярскихъ, названные жильцами. Въ этихъ-то комнатахъ истопничій бережъ каждую дверь, зная предварительно, кто имѣлъ право входить въ оную, и кто не пользовался этимъ преимуществомъ. Все это было устроено для безопасности, порядка и важности дворцоваго управленія[236].

Б. Чины, управлявшіе государевыми конюшнями и охотою.

Чинъ *конюшаго* (нынѣ оберъ-шталмейстеръ), означавшій смотрителя за княжескою конюшней и принадлежащими къ ней людьми и потребностями, былъ замѣчательный чинъ, какъ по своей древности, такъ и по значенію своему при княжескомъ дворѣ. Объ немъ упоминается первоначально въ Русской Правдѣ Ярослава I-го (изд. 1020 г.), гдѣ одною изъ статей было постановлено: «за убійство боярина, тіуна и конюшаго, подвергать убійцу взысканію двойной виры (денежный штрафъ) въ размѣрѣ 80 гривенъ». Статья эта Русской Правды показываетъ, что конюшій княжескій былъ уже тогда придворнымъ лицомъ, занимавшимъ первую гражданскую степень въ числѣ прочихъ придворныхъ[237]. Значеніе его не умалилось и въ послѣдующіе два вѣка, т. е. отъ кончины Ярослава I-го до появленія въ Россіи татаръ (1054 — 1224), какъ можно заключить изъ того историческаго факта, что князья, при восшествіи своемъ на престолъ, жаловали вельможъ разными почетными наградами, а придворныхъ повышали въ конюшіе и иные чины[238]. Конюшій.

Далѣе, въ двухвѣковой періодъ, протекшій отъ нашествія татаръ до вступленія Іоанна III на московскій престолъ

(1224 — 1462), также встрѣчается всегда должность конюшаго при княжескихъ дворахъ [239]. Затѣмъ, въ славное государствованіе Іоанна III, званіе конюшаго, означавшее издревле важнаго чиновника, даваемо было государемъ только боярину. А когда учрежденъ былъ конюшенный приказъ, то въ немъ засѣдалъ и начальствовалъ всегда первый по чину и чести бояринъ-конюшій, къ обязанности котораго относилось управленіе приписанными къ приказу, для покрытія его расходовъ, государевыми селами и волостями, и зависѣвшими отъ него разными низшей степени чиновниками и служителями, потребными для содержанія въ порядкѣ конюшеннаго придворнаго вѣдомства, въ которомъ считалось болѣе 40,000 однихъ лошадей, содержимыхъ на царскихъ конюшняхъ и въ табунахъ [240].

При Іоаннѣ IV, знатный санъ конюшаго носилъ одинъ изъ его дядей, князь Михаилъ Глинскій; по отнятіи у послѣдняго этаго сана, на мѣсто Глинскаго поступилъ князь Василій Васильевичъ Чулокъ—Ушатой; потомъ, въ 1550 году, пожалованъ въ конюшіе бояринъ Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ; а когда этотъ государственный человѣкъ погибъ, въ 1567 году, отъ нанесеннаго ему Іоанномъ IV удара, то, послѣ сей катастрофы, чинъ конюшаго, въ теченіе семнадцати лѣтъ (1567—1584), до времени царя Ѳеодора Іоанновича, никому уже не былъ жалуемъ [241]. Государь сей, въ день своего вѣнчанія на царство (31 мая 1584 г.), возвелъ шурина своего, Бориса Ѳедоровича Годунова, въ знаменитый санъ конюшаго, придавъ ему еще приэтомъ титло ближняго великаго боярина и намѣстника казанскаго и астраханскаго [242]. —Когда жъ Годуновъ, по избранію земскихъ чиновъ, самъ занялъ мѣсто варяжскихъ князей на тронѣ Россіи, онъ также ознаменовалъ день вѣнчанія своего на царство (1 сентября 1598 г.) разными милостями, начавъ съ возвышенія членовъ своего рода, чрезъ пожалованіе шестерыхъ изъ нихъ въ первостепенные чины двора, именно: Дмитрія Ивановича Годунова въ конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ дворецкіе и еще четырехъ Годуновыхъ въ окольничіе [243]. —Скоро, однако, санъ конюшаго, стоявшій на первомъ планѣ придворныхъ слугъ государевыхъ, сталъ утрачивать свое значеніе. Уже царь Василій Іоанновичъ Шуйскій,

начавшій свое державство (1 Іюня 1606 г.) опалами, запретилъ Михаилу Нагому, носившему тогда санъ конюшаго, именоваться этимъ званіемъ, которое потомъ, въ XVII вѣкѣ, и вовсе было уничтожено [244].

Конюшенная часть принадлежала къ составу огромнаго царскаго хозяйства въ древней Россіи. Завѣдываніе этою частію поручено было особому управленію, названному конюшеннымъ приказомъ. Обширность сего учрежденія, въ которомъ, какъ сказано выше, начальствовалъ конюшій, потребовала назначенія къ нему, для успѣшнаго веденія дѣлъ, помощника или товарища. И вотъ, съ этою цѣлью, Іоаннъ III учреждаетъ, въ 1497 году, новое должностное лицо, извѣстное подъ названіемъ *ясельничаго* (то же что нынѣ шталмейстеръ). Въ непосредственномъ его вѣдѣніи находились: столповые прикащики, смотрители царскихъ конюшенъ, стремянные конюхи (берейторы), возницы и проч. [245]. Въ качествѣ помощника конюшаго, ясельничій, за отсутствіемъ послѣдняго, былъ судьею въ конюшенномъ приказѣ и управлялъ всѣми принадлежащими къ нему дѣлами. По такой своей чести (степени, знатности), онъ, въ іерархическомъ отношеніи, становился иногда выше думныхъ дворянъ, чаще всего сравнивался съ ними, но всегда стоялъ выше стольниковъ [246]. Ясельничій.

Московскіе государи, лично предпринимавшіе походы противъ непріятеля, имѣли обычай совершать такіе походы въ сопровожденіи сановниковъ пышнаго своего двора, въ составѣ которыхъ находился также ясельничій, какъ показываютъ это извѣстія о походахъ противъ крымскихъ татаръ Василія Іоанновича въ 1522 г. и Бориса Годунова въ 1598 году [247].

По упраздненіи въ XVII вѣкѣ званія конюшаго, ясельничій сдѣлался самостоятельнымъ лицомъ по управленію дѣлами конюшеннаго приказа [248].

Оба званія — *ловчій* и *сокольничій* (нынѣшніе егермейстеры)—объясняются отчасти изъ самыхъ словъ. Но болѣе точное понятіе объ нихъ можно вывести изъ нижеслѣдующаго, сжатаго очерка домашняго русскихъ князей и царей быта, при которомъ возникли тѣ два названія придворныхъ слугъ. Ловчій. Сокольничій.

По свидѣтельству „Русской Правды“ Ярослава I-го, еще до временъ этого государя образовались два главные вида

охоты въ древней Россіи—звѣриная и соколиная. Слѣдовательно, охота издревле составляла любимое препровожденіе времени для русскихъ князей. Не забудемъ приэтомъ, что Россія того времени главнымъ образомъ сосредоточивалась въ благодатной природѣ нынѣшняго южнаго края, тогда еще нетронутой и богатой лѣсомъ. Вокругъ Кіева было еще множество всякаго рода звѣря—пушнаго и крупнаго; надъ Бугомъ и Припетью водились туры; вездѣ было много сернъ, лосей и медвѣдей [249]. — Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ говорится вообще о князьяхъ, что, въ первые вѣка существованія Россіи, они отправлялись ежегодно, въ ноябрѣ, съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ, на долгое время, въ такъ называвшіяся «становища», гдѣ останавливались князья въ устроенныхъ мѣстахъ, для сбора съ жителей дани и рѣшенія судебныхъ дѣлъ, и «ловища», т. е. въ опредѣленныя мѣста для охоты на дикихъ звѣрей и птицъ, такой охоты, которая, кромѣ увеселительнаго занятія, служила также важнѣйшимъ источникомъ дохода княжеской казны, отъ продажи добытыхъ охотою шкуръ пушныхъ звѣрей [250].

Всеволодъ Ярославичъ (1078—1093) и сынъ его Владиміръ Мономахъ (1113—1125) любили звѣриную и соколиную ловлю. — Послѣдній, въ поученіи написанномъ своимъ дѣтямъ, самъ о себѣ говоритъ, что «онъ вязалъ своими руками въ пущахъ дикихъ лошадей, охотился на тура, на оленя, на лося, на вепря, на медвѣдя, на волка; охотился и на зайцевъ, ловили ихъ тенетами; самъ онъ держалъ весь нарядъ въ ловчихъ, самъ заботился о соколахъ и ястребахъ» [251]. —Сохранилось также преданіе, что князья кіевскій Святославъ и торческій Рюрикъ, утишивъ русскую землю удачнымъ походомъ противъ половцевъ, ѣздили въ 1190 году на охоту въ лодкахъ, внизъ по Днѣпру, къ устью р. Тясмины (херс. губ.), наловили тамъ множество дикихъ звѣрей и провели время очень весело [252]. — Славилась же въ особенности птицеловствомъ приморская часть архангельской губерніи, называвшаяся въ древности Двинскою землею. По уставамъ князей Александра Ярославича Невскаго (1247—1263) и сыновей его Димитрія (1276—1294) и Андрея (1294—1304) Александровичей [253], одни только слуги княже-

скіе, названные въ ихъ уставахъ сокольниками [254], имѣли право ловить тамъ морскихъ птицъ. Но, независимо отъ охоты на птицъ, охотились и на звѣрей, какъ это доказывается появившимся тогда названіемъ „ловчаго“ — такого княжескаго слуги, который приставленъ былъ къ дѣлу, относящемуся собственно къ охотѣ. Къ тому жъ самъ Александръ Ярославичъ, заявляя о воинскихъ подвигахъ шестерыхъ изъ дружины своей мужей, отличившихся при пораженіи имъ шведовъ 15 іюня 1240 г., за которое онъ получилъ названіе „Невскаго“, упомянулъ, что въ числѣ сихъ героевъ находился и ловчій его Яковъ Полочанинъ [255]. — Охота на птицъ, какъ видно изъ позднѣйшихъ извѣстій, относящихся къ послѣдней четверти XIII вѣка, производилась и на югѣ. Тамъ, на восточной сторонѣ Днѣпра, въ волости одного изъ потомковъ черниговскихъ владѣтелей, Олега, состоявшей изъ двухъ или трехъ городковъ въ курской области, было много „ловищъ“ лебединыхъ, гдѣ сокольники и ловили лебедей [256].

Охота обоихъ видовъ, звѣриная и соколиная, не прекращалась и во времена Іоанна III (1462—1505). При его дворѣ состояли также, кромѣ другихъ многочисленныхъ чиновъ, ловчіе и сокольничіе, занявшіе уже извѣстную степень въ ряду придворныхъ сановниковъ, по порученнымъ надзору ихъ отдѣльнымъ частямъ государева хозяйства [257].

Великій князь Василій Іоановичъ (1505—1533) любилъ сельскую тишину и часто ѣздилъ лѣтомъ на охоту въ Можайскъ и Волокъ-Ламскій, въ сопровожденіи множества бояръ, придворныхъ слугъ и всадниковъ. Тѣ же чины, чины ловчаго и сокольничаго, управлявшіе охотами, встрѣчаются и при дворѣ этого князя, съ прибавленіемъ извѣстія, что первымъ ловчимъ его былъ, въ 1509 году, Ѳедоръ Михайловичъ Нагой [258].

Іоаннъ IV (1533—1584), посвящавшій много времени дѣламъ правленія, въ особенности въ первую половину своей жизни, занимался также по нѣсколько дней и старинным царскимъ развлеченіемъ — псовою и медвѣжьею охотою. Онъ ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ, и любилъ особенно медвѣжью травлю. При немъ установился въ Москвѣ

обычай оказывать иностраннымъ посламъ вниманіе посылкою къ нимъ въ подарокъ части добычи съ царской охоты [259].

Московскій дворъ, образовавшійся со временъ Іоанна III изъ множества, подъ разными наименованіями, сановниковъ, въ числѣ которыхъ состояли ловчій и сокольничій, является въ такомъ же пышномъ видѣ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1645—1676). Извѣстно, что государь сей часто ѣздилъ въ загородныя сёла со своимъ семействомъ и придворными чинами гдѣ иногда оставался довольно долго. Главною цѣлью загородныхъ поѣздокъ была любимая его потѣха, охота; ходилъ на поля тѣшиться съ дикими птицами, ходилъ и на медвѣдя [260]. Увлекаясь съ молоду охотничьею удалью, Алексѣй Михайловичъ часто своеручно принималъ поднятаго изъ берлоги медвѣдя на рогатину, строго запрещалъ въ этомъ случаѣ всякую постороннюю помощь, и, надобно сказать, что, привыкнувъ къ этой одиночной борьбѣ, онъ всегда почти оканчивалъ ее удачно. Если же иногда ловкость и удача измѣняли ему и неудобно было дать отпоръ рогатиной, то находившіеся при немъ постоянно на охотѣ такіе же, какъ и самъ, страстные, ловкіе, смѣлые охотники и притомъ приближенные, вѣрные и преданные ему слуги, въ одно мгновеніе заслоняли царя собой и принимали разсвирѣпѣвшаго звѣря на свои рогатины [261]. — Въ подгородной преображенской слободѣ, за слободою нѣмецкою, вблизи находились царскій хуторъ и великолѣпный дворецъ Измайловскій. Туда царь Алексѣй Михайловичъ ѣзжалъ предаваться удовольствіямъ звѣриной и птичьей охоты въ заповѣдныхъ лѣсахъ, простиравшихся отъ сибирской до троицкой дороги и изобиловавшихъ дичью и разнородными звѣрями; тамъ близко была и его соколиная охота въ сокольникахъ— въ такъ названной; и донынѣ существующей въ Москвѣ, мѣстности, гдѣ жили сокольничіе, на обязанности которыхъ лежало вынашивать отличающихся своею величиною соколовъ, а также кречетовъ—очень смѣлыхъ птицъ. Въ сокольникахъ былъ и звѣринецъ—нарочно устроенный для этого домъ, въ которомъ посажены были медвѣди и множество зайцевъ; послѣдніе привозимы были также и изъ другихъ мѣстъ, каждый разъ, когда вздумается государю повеселиться этою забавою, съ употреб-

леніемъ, для травли ихъ, охотничьихъ собакъ [262].—Любя охоту, царь Алексѣй Михайловичъ построилъ въ Кремлѣ особенное каменное зданіе, названное потѣшнымъ дворомъ (отдѣльнымъ хозяйствомъ), въ которомъ помѣщалось все то, что̀ принадлежало къ охотничьему занятію. Тамъ содержалась, между прочимъ, любимая царская потѣха—птицы, кречеты, ястребы; на ихъ кормъ шли голуби, для которыхъ устроено было больше 100,000 голубиныхъ гнѣздъ [263].

Сообразивъ выше изложенныя свѣдѣнія, объ охотѣ княжеской и царской, и о приставленныхъ къ ней служебныхъ лицахъ, носившихъ названія „ловчаго и сокольничаго“, можно прійти къ тому заключенію, что оба эти сановника управляли, со временъ Іоанна III, двумя отдѣльными, значительными тогда частями, первый—звѣриною, и второй—соколиною охотою,—что каждый изъ нихъ былъ главнымъ по своей части распорядителемъ, когда государь изъявлялъ желаніе отправиться въ загородныя села, съ своими приближенными боярами и царедворцами, для пріятнаго развлеченія охотою, или на звѣрей, или съ дикими птицами; и что, наконецъ, названные два сановника имѣли свое значеніе при дворѣ и, по роду своей службы, принадлежали къ разряду второстепенныхъ чиновъ государева двора или дворцоваго вѣдомства [264].

Съ Петра Великаго охота теряетъ свое значеніе; онъ совершенно отмѣнилъ ее при своемъ дворѣ.

B. царедворцы, находившіеся при особѣ государя.

Печатникъ.

Важнѣйшимъ сановникомъ въ удѣльной Россіи и въ московскомъ государствѣ является *печатникъ* (по нынѣшнему канцлеръ). Первыя объ немъ извѣстія довольно древни.—Въ исторіи южной Россіи, около половины XIII вѣка, упоминается, что Даніилъ Романовичъ, князь галицкій, посылалъ печатника своего, Кирилла, въ гор. Бакоту (между Ушицей и Подольскомъ на Днѣстрѣ) собрать подробныя свѣдѣнія о грабительствахъ боярскихъ, отъ которыхъ вспыхнулъ большой мятежъ, и успокоить галицкую землю,—въ чемъ Кириллъ, какъ человѣкъ ума дѣловаго, и успѣлъ. Въ концѣ того жъ XIII вѣка

встрѣчается названіе печатника въ Смоленскѣ [265]. Затѣмъ, въ XIV вѣкѣ видимъ печатника въ Москвѣ, которымъ былъ, при, великомъ князѣ Димитріи Іоановичѣ Донскомъ (1365—1389), отличавшійся тогда умомъ своимъ, острою памятью, знаніемъ, краснорѣчіемъ и благовидною наружностію, Михаилъ—Митяй, священникъ гор. Коломны (впослѣдствіи преемникъ митрополита Алексія). Ему-то ввѣрилъ Димитрій храненіе великокняжеской печати—должность важную по тогдашнему обычаю [266]. — Во времена могущества Іоанна III, образовался многочисленный пышный дворъ изъ разныхъ чиновъ, въ составѣ которыхъ находился и печатникъ—близкій къ великому князю человѣкъ. Изъ духовнаго завѣщанія этого государя видно, что, во время написанія сего акта, былъ печатникомъ Юрій Дмитріевичъ Грекъ, которому ввѣрено было храненіе не только государевой печати, но и ларцевъ съ казною и иными государевыми сокровищами [267].—Званіе это удержало высокое свое значеніе и при Іоаннѣ IV, и мы встрѣчаемъ на созванномъ имъ, въ іюнѣ 1566 года, по поводу литовской войны, земскомъ соборѣ, между прибывшими на оный разныхъ степеней чинами, печатника [268].—Но особенно важною личностію является въ XVII вѣкѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, человѣкъ даровитый и съ развитымъ умомъ, оберегатель царской печати, незабвенный Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ заключеніи, 30 января 1667 года, Андрусовскаго мира съ Польшею, по которому возвращены были Русской Державѣ владѣнія, принадлежавшія ей со временъ Владиміра св., именно Смоленское княжество, Северія [269], вся Украйна на восточной сторонѣ Днѣпра, Кіевъ съ окрестностями и вся Малороссія [270]. Наконецъ, встрѣчается въ началѣ XVIII вѣка чинъ печатника и при Петрѣ I-мъ; званіе это, какъ видно изъ составленнаго въ 1705 году списка старинным московскимъ чинамъ, носилъ тогда Никита Моисеевичъ Зотовъ [271].

Простое слово „печатникъ“ заключаетъ въ себѣ весьма опредѣлительное понятіе. Значеніе печатника, какъ должностнаго лица, объясняется тѣмъ, что въ древней Россіи великіе князья сами не подписывали бумагъ: онѣ писались отъ имени

князя, а печатникъ утверждалъ ихъ именною княжескою печатью, имѣвшею особенное изображеніе и надпись; и потому, приложеніе такой печати къ государственнымъ актамъ и бумагамъ было окончательнымъ утвержденіемъ ихъ верховною властію и считалось достаточнымъ доказательствомъ даннаго великимъ княземъ согласія на такое, или на иное распоряженіе[272]. Но такъ какъ тогда должности еще не были строго разграничены въ Россіи, и многое основывалось на личномъ усмотрѣніи князя, то часто возлагалось на печатника выполненіе такихъ обязанностей, которыя были ему вовсе чужды[273].— Поэтому мы видимъ, что печатнику поручалось храненіе казны и разныхъ драгоцѣнностей княжескихъ; иногда призывался онъ къ совѣщаніямъ особенно въ важныхъ случаяхъ, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и назначался къ другимъ посылкамъ[274]. При всемъ томъ, главною обязанностію печатника было—прикладывать къ разнымъ грамотамъ, судебнымъ актамъ и другимъ бумагамъ печати, сбирать за это пошлины въ размѣрѣ, ясно опредѣленномъ въ уложеніи Іоанна III, изданномъ въ 1497 году; наконецъ, охранять неприкосновенность самой печати и оберегать ее.

Все выше изложенное ведетъ къ заключенію, что великій князь долженъ былъ имѣть неограниченное довѣріе къ лицу печатника, и что къ занятію должности этой, совмѣщавшей въ одномъ лицѣ разныя обязанности, требовались люди, необходимо приготовленные ученіемъ и практикою. Условію сему удовлетворяли тогда преимущественно дьяки, и потому выборъ падалъ обыкновенно на нихъ, какъ на людей, отличавшихся своимъ образованіемъ, способностями и вполнѣ преданныхъ царю, бравшему ихъ, по большей части, изъ низшихъ классовъ общества. Сидя въ приказахъ, отправляясь въ посольства при боярахъ, присутствуя при пріемѣ иностранныхъ пословъ русскимъ дворомъ, дьяки пріобрѣтали практику, которая приготовляла ихъ къ званію думныхъ дьяковъ и печатниковъ[275].

Въ Россіи, прежде частныхъ, явилась государственная печать (гербъ), съ вырѣзкою на ней соотвѣтствующихъ изображеній и надписей[276]. Древніе русскіе государи обыкновенно имѣли на своихъ печатяхъ изображеніе ихъ ангела, имя ко-

тораго давалось имъ при крещеніи, съ надписью, ясно свидѣтельствующею, чья печать; въ такой формѣ встрѣчаются печати при грамотахъ и договорахъ у князей южной и сѣверной Россіи [277]. Потомъ, великіе князья, по перенесеніи столицы своей изъ Владиміра въ Москву, мало-по-малу приняли уже для своихъ печатей московскій гербъ съ изображеніемъ бѣлаго коня въ красномъ полѣ, съ всадникомъ, и стали употреблять его съ значеніемъ государственнаго. Димитрій Донской, по одержаніи 8 сентября 1380 года достопамятной побѣды надъ татарами, предводимыми Мамаемъ, прибавилъ къ тому гербовому знаку изображеніе змія, поражаемаго копьемъ всадника [278]. Затѣмъ Іоаннъ III, въ слѣдствіе брачнаго союза своего съ греческою царевною Софіею, совершившагося 12 ноября 1472 года и установившагося чрезъ это свойства съ греческими императорами, принялъ въ свой государственный гербъ двуглаваго римско-византійскаго орла, соединивъ его на своей печати съ московскимъ, т. е. на одной сторонѣ изображался орелъ, а на другой — всадникъ, попирающій дракона, съ надписью: «великій князь, Божіею милостію Господарь всея Руси». Печать съ этими символическими знаками, составляющими сущность герба, Іоаннъ III началъ употреблять съ 1497 года [279]. Удержанные и доселѣ гербовые сіи знаки, въ послѣдствіи времени, дополнены были, по указанію геральдики, разными атрибутами, соотвѣтствующими титулу государя всея Россіи и представляющими, въ символическихъ знакахъ, его власть, силу и могущество. — Съ 1613 года, т. е. съ самаго начала царствованія Михаила Ѳеодоровича, стали изображать орелъ съ скипетромъ и державою [280]; а въ 1625 году онъ повелѣлъ, по сдѣланіи вновь большой печати, прибавить къ государскому титулу слово «самодержецъ» — выраженіе, дававшее понять значеніе государя [281].

Нынѣ государственный гербъ, изображенный на государственной печати, представляетъ на золотомъ полѣ чернаго двуглаваго орла, коронованнаго тремя коронами, держащаго въ правой лапѣ золотой скипетръ, а въ лѣвой — такую же державу; на груди его изображенъ московскій гербъ, который представляетъ въ красномъ щитѣ св. великомученика и побѣ-

доносца Георгія, сидящаго на бѣломъ конѣ и поражающаго копьемъ змія; на правомъ крылѣ орла три щита съ гербами новгородскимъ, кіевскимъ и астраханскимъ, на лѣвомъ — также три щита съ гербами владимірскимъ, казанскимъ и сибирскимъ; верхъ щита покрываетъ императорская корона и вокругъ всего герба обвѣшена цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго; въ большой же государственной печати, сверхъ вышесказанныхъ съ гербами щитовъ и андреевской цѣпи, представлены въ длинномъ кругу, около щита, гербы всѣхъ прочихъ губерній и областей. Всѣ правительственныя учрежденія употребляютъ въ своихъ печатяхъ императорскій всероссійскій гербъ, съ надписью вокругъ онаго, какому мѣсту именно принадлежитъ печать[282].

Кравчій.

Кравчій (нынѣ оберъ-шенкъ) былъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ въ числѣ придворныхъ лицъ, назначавшихся къ исправленію разныхъ должностей при особѣ государя. Чинъ этотъ впервые установленъ былъ Василіемъ Іоанновичемъ (1505 — 1533), который, при безграничной своей власти, любилъ, подобно родителю своему Іоанну III, окружать себя множествомъ царедворцевъ. Первымъ, въ его княженіе, кравчимъ является братъ великой княгини, Соломоніи Юрьевны, Иванъ Юрьевичъ Сабуровъ, пожалованный въ это званіе въ 1514 году[283]. Между тѣмъ названіе кравчаго встрѣчается и послѣ, при преемникахъ Васильевыхъ. Такъ, во время управленія государствомъ вдовы Василія, съ 1533 по 1538 годъ, великой княгини Елены Васильевны, за малолѣтствомъ сына ея Іоанна IV, упоминаются кравчіе князь Репнинъ и Иванъ Ивановичъ Челяднинъ[284]; а въ самостоятельное Іоанново правленіе, начавшееся съ 1547 года, на 17 году его возраста, являются кравчіе: любимецъ царскій, сынъ боярина Алексѣя Басманова, Ѳеодоръ, и князь Юрій Глинскій, пожалованный изъ кравчихъ въ бояре. Словомъ, въ концѣ XVI и въ продолженіе XVII вѣка, должность кравчаго всегда существовала при дворѣ московскомъ, какъ существовала и потребность, для которой чинъ этотъ былъ учрежденъ[285].

Главная обязанность кравчаго состояла въ придворной службѣ за царскимъ столомъ и въ надзорѣ за всѣмъ тѣмъ, что

относится до этого стола. Во время торжественныхъ царскихъ обѣдовъ, у стола, на которомъ кушалъ самъ государь, обыкновенно стоялъ прямо противъ него особенный кравчій, который, принимая принесенное ему стольникомъ блюдо, долженъ былъ отвѣдать его, въ глазахъ государя, прежде, чѣмъ ставить къ нему на столъ; для отнесенія же и переставки блюдъ всегда находился при кравчемъ одинъ изъ стольниковъ[286].

Давно совершившіеся уже-историческіе факты показываютъ, что власть московскаго государя вообще построена была на развалинахъ удѣловъ, и потому естественно, что лишенные этихъ удѣловъ князья, сдѣлавшіеся обыкновенными служилыми людьми при московскомъ дворѣ, обратились въ завистниковъ и недруговъ, забывъ ту простую истину, что для политическаго объединенія, отъ котораго зависѣла внѣшняя безопасность и внутреннее перерожденіе отечества, надлежало необходимо съ ихъ стороны пожертвовать весьма значительной долей независимости. Московскій государь, окруженный такими злобствующими личностями, вошедшими въ составъ его двора, поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться подозрительнымъ и держать себя вѣчно, какъ осажденный, постоянно ожидая, что или самого его, или его домашнихъ изведутъ и испортятъ. Вотъ почему не только кушанья и питья испытывались прежде, чѣмъ попадутъ въ руки государя, но и самыя лекарства, которыя назначались государю, пили, будучи здоровыми, близкіе къ нему люди въ то время, когда подавали ихъ ему. Понятно, послѣ этого, почему въ кравчіе обыкновенно избирались лица или изъ любимцевъ государя, или изъ вельможъ, къ которымъ онъ имѣлъ болѣе довѣрія[287].

Стольникъ. Первоначальное учрежденіе придворныхъ лицъ, названныхъ *стольниками* (теперешніе камеръ-юнкеры), восходитъ къ отдаленной вѣками старинѣ. Въ двухъ грамотахъ князей рязанскихъ, писанныхъ около половины XIII вѣка, названіе это встрѣчается въ первый разъ. Существуя при дворахъ удѣльныхъ князей въ XIV столѣтіи, стольники являются также и въ слѣдующемъ XV въ числѣ чиновъ, состоявшихъ при московскомъ дворѣ, въ государствованіе Іоанна III. Находимъ также ихъ и въ XVI вѣкѣ какъ при Іоаннѣ IV, такъ и при

сынѣ его Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, отбывающими придворную службу свою за царскимъ столомъ, во время торжественыхъ пиршествъ, или выполняющими, по государеву повелѣнію, разныя другія порученія [288]. Затѣмъ въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, встрѣчаемъ значительное увеличеніе числа стольниковъ, и узнаемъ, что въ концѣ XVI и въ продолженіе XVII вѣка, ни какое церковное праздненство, въ которомъ участвовалъ самъ государь, ни одинъ въѣздъ въ Москву иностранныхъ пословъ, ни одинъ обыкновенный и торжественный обѣдъ во дворцѣ, ни какой походъ государевъ какъ въ загородныя сёла, такъ и противъ непріятеля, ни какія земскія совѣщательныя собранія, либо коммиссіи, для лучшаго устройства дѣлъ ратныхъ,—никогда не обходились безъ стольниковъ [289].

Стольники, состоявшіе при княжескихъ дворахъ въ древней Россіи, были дѣти дворянъ или отцевъ, которые хотя и имѣли знатные чины по своей службѣ, но не принадлежали къ первостепенной знати по происхожденію. Сверхъ того, стольники были люди молодые, и жаловались они въ это званіе, по большей части, съ раннихъ лѣтъ [290]—Главная служба этихъ лицъ была при дворѣ; они обязаны были, во время даваемыхъ во дворцѣ торжественныхъ обѣдовъ по случаю церковныхъ праздниковъ, царскихъ дней и пріема иноземныхъ пословъ, носить къ царскому столу кушанье и снимать его со стола, отъ чего и получили наименованіе стольниковъ. Наружная обрядность этихъ обѣденныхъ столовъ состояла въ томъ, что когда государь сядетъ, на возвышенномъ съ тремя ступенями мѣстѣ, одинъ за трапезою золотою (т. е. за столомъ, покрытымъ золотою скатертью), слуги—стольники, низко поклонившись ему, по два въ рядъ идутъ за кушаньемъ и приносятъ вдругъ множество разныхъ блюдъ; каждое блюдо, отвѣданное поваромъ при стольникѣ, вторично отвѣдывается кравчимъ въ глазахъ государя, и потомъ ставится на его столъ стольникомъ и снимается имъ же въ свое время. А между тѣмъ, самъ государь посылаетъ приглашеннымъ на обѣдъ гостямъ куски хлѣба, а также вино, медъ [291] и проч.

Число стольниковъ и другихъ царедворцевъ, которые передъ гостей ѣсть ставили, доходило иногда до ста и болѣе. Всѣ они,

по современному выраженію, „въ столы смотрѣли“, т. е. распоряжались царскимъ угощеніемъ, и „въ столы сказывали“; Введенная придворными обычаями обязанность стольниковъ, которые „сказывали въ столы“, состояла въ томъ, что они, подавая отъ имени государя гостю хлѣбъ, посылаемый самимъ государемъ, или, подавая кубокъ съ виномъ, обращались къ нему, называя по имени, съ обычною рѣчью: „Великій государь жалуетъ тебѣ хлѣбъ или—жалуетъ тебя чашей“. Гость, принявъ хлѣбъ и выпивъ чашу, билъ челомъ, т. е. кланялся низко; а стольникъ докладывалъ государю, провозглашая опять имя гостя, что онъ „бьетъ челомъ“.—Послѣ царскаго стола, справлялась всегда государева чаша, т. е. пили государево здоровье; при чемъ царь самъ подавалъ боярамъ чаши къ которымъ они и подходили по порядку родоваго старшинства—такъ, какъ сидѣли за столомъ. Вообще всѣ должности при столѣ исполняли стольники: они носили кушанье, принимая его въ передней отъ нижнихъ служителей, и кушанье это ставили передъ гостями на столы, оставаясь около нихъ до окончанія обѣда, и относили кушанье назадъ въ переднюю; они же подавали и вино. Одинъ изъ стольниковъ, почетнѣйшій, приготавливалъ къ столу вино, медъ, пиво и вообще распоряжался напитками; другой — пить наливалъ въ драгоцѣнные кубки, чаши и чарки [292], и т. д. Такова была регламентація церемоніала, основаннаго на обычаѣ вѣка.

Но такъ какъ стольниковъ было много (до 500 чел.), то они, наравнѣ съ другими придворными чиновниками, употреблялись для различныхъ служебныхъ дѣлъ по части военной, гражданской и посольской, именно: назначались начальниками или полковниками военныхъ отрядовъ, намѣстниками въ города, судьями въ приказы, посланниками и гонцами къ иностраннымъ дворамъ, а во время похода государя противъ непріятеля, составляли собственный царскій конный полкъ. Занимая вторую степень въ составѣ придворныхъ чиновниковъ, стольники стояли выше нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ же чиновниковъ, выше, напримѣръ, стряпчихъ, и часто многіе изъ нихъ исправляли такія порученія, которыя давались обыкновенно

боярамъ; сверхъ того, лучшіе изъ стольниковъ поступали въ думные дворяне. [293]

Независимо отъ упомянутыхъ царедворцевъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ стольниковъ, встрѣчаются въ XVII вѣкѣ при московскомъ дворѣ еще комнатные или ближніе стольники. Въ это почетное званіе возводились только или государевы любимцы, каковымъ былъ, напримѣръ, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича (1676—1682), Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ, именовавшійся комнатнымъ стольникомъ, или, вообще, дѣти болѣе знатныхъ, болѣе приближенныхъ къ царю отцевъ [294]. Комнатному стольнику поручался надзоръ за внутреннимъ покоями царя, за его постелей и платьемъ.

Чашникъ.

Въ двухъ указанныхъ выше рязанскихъ княжескихъ грамотахъ, сообщающихъ первоначальное свѣдѣніе о стольникахъ, упоминается также и о *чашникахъ*. Стало быть, установленіе послѣднихъ относится къ тому же времени, какъ установленіе и первыхъ, т. е. къ исходу первой половины XIII вѣка [295]. Должностныя лица подъ этими двумя названіями пользовались равными правами и имѣли одинаковое значеніе при княжескомъ дворѣ. Чашники, какъ и стольники, были люди молодые, тѣ и другіе имѣли доступъ ко двору и обязаны были служить при государевыхъ столахъ и пиршествахъ, различаясь только между собою особенностями своей службы: стольники подавали кушанье, чашники подносили напитки; стольникъ не прежде могъ поставить кушанье на столъ къ государю, какъ по предварительномъ отвѣданіи его кравчимъ въ виду самого государя,— чашникъ также, поднося кубокъ съ виномъ государю, самъ отливалъ себѣ изъ него напитокъ въ ковшъ, и пилъ, прежде государя, въ его глазахъ [296].

Историкъ Миллеръ, принявъ въ соображеніе придворныя и разрядныя записки, гдѣ, при описаніи торжественныхъ государевыхъ столовъ, говорится, что у этихъ столовъ чашничали стольники, выводитъ отсюда заключеніе, что въ то время было нѣсколько чашниковъ, и они браты были изъ стольниковъ или по очереди, или смотря по тому, кто изъ нихъ былъ способнѣе къ должности чашника. Притомъ же, для веденія въ надлежащемъ порядкѣ дѣла, порученнаго чашнику, требо-

валась отъ него и нѣкоторая опытность, потому что кромѣ выполненія службы у государева стола, къ нему относилась также обязанность наблюдать за добротою государевыхъ напитковъ [297].

Постельничій. Спальничій

Авторъ „Исторіи Государства Россійскаго", при описаніи состоянія древней Россіи отъ смерти Ярослава I-го до нашествія татаръ (1054—1224), сдѣлалъ общее заявленіе, что тогда уже существовали при дворахъ княжескихъ покладники или постельники [298]. Достовѣрность этого общаго заявленія подтверждается и отдѣльными, взятыми изъ отечественной исторіи, фактами. Такъ, о великомъ князѣ кіевскомъ Ростиславѣ Мстиславичѣ, скончавшемся въ 1167 году, говорится, что онъ имѣлъ у себя покладника, или постельничаго, Ивана Фроловича. Позднѣе, при описаніи убіенія великаго князя владимірскаго Андрея Боголюбскаго въ 1174 году, сдѣлавшагося жертвою заговора, упоминается, что въ этомъ заговорѣ участвовали его придворные слуги, въ числѣ которыхъ находились и княжескіе постельники [299].—Путемъ же историческихъ изслѣдованій поясняется далѣе, что, въ помощь *постельничимъ*, Іоаннъ III учредилъ въ 1495 и 1496 годахъ *спальничихъ*, и что оба эти чиновника употреблялись для домашней службы всѣми послѣдующими московскими государями до временъ Петра Великаго [300].

Въ санъ *постельничаго* (равнявшійся съ нынѣшнимъ оберъ-камергеромъ) назначалось лицо не по знатности рода, а тотъ изъ придворныхъ слугъ, который обратилъ на себя особое вниманіе государя и былъ благонадежнымъ для занятія такой важной должности—важной потому, что она близко касалась государевой особы и давала облеченному въ этотъ санъ лицу, какъ достойному охранителю государя, особенное значеніе. Въ званіи постельничихъ пользовались въ свое время такимъ значеніемъ: Адашевъ—при Іоаннѣ IV, Ртищевъ—при Алексѣѣ Михайловичѣ, Языковъ—при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Изъ нихъ послѣдній, съ 1678 года, получилъ даже новое названіе думнаго постельничаго; а въ 1680 году изъ постельничихъ думныхъ пожалованъ въ окольничіе [301].

Обязанности постельничихъ сводятся къ слѣдующимъ пред-

метамъ: смотрѣть за государевою опочивальнею — за всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ къ его постели, а также за его платьемъ; ночевать всегда, съ своими помощниками — спальничими (имѣвшими значеніе теперешнихъ камергеровъ), въ первой и второй отъ государевой опочивальни комнатахъ; во время выѣзда государя изъ Москвы въ загородныя сёла для ночлега, ѣхать при постельномъ возкѣ; при выходѣ государя, въ Богоявленіе, на Іорданъ на Москву рѣку, идти за нимъ и охранять несомую стряпчими, сообразно обычаю времени, стряпню, т. е. полотенце, стулъ и подножіе [302].

Постельничіе принадлежали къ разряду второстепенныхъ царедворцевъ [303], и, кромѣ обыкновенныхъ своихъ придворныхъ обязанностей, выполняли и другіе наряды, — что происходило, какъ уже не разъ замѣчено выше, отъ того, что разныя должности, военныя и гражданскія, не различались тогда рѣзкою чертою отъ придворныхъ. Поэтому, мы видимъ, что, въ царствованіе Іоанна IV, предводителемъ войска, состоявшаго изъ дворянъ, жильцовъ, дѣтей боярскихъ и другихъ ратныхъ людей, и отправленнаго въ 1554 году для завоеванія Астрахани, былъ, кромѣ князя Пронскаго-Шемякина, отлично храбрый мужъ, постельничій Игнатій Вешняковъ. — Извѣстно также, что Петръ I-й, сдѣлавшись, съ 12 сентября 1689 года, единоличнымъ, самодержавнымъ правителемъ государства, при назначеніи новыхъ министровъ изъ лицъ, пользовавшихся его довѣренностію, поручилъ, между прочимъ, казенный дворъ, гдѣ хранились государственныя сокровища, постельничему Гаврилѣ Ивановичу Головину [304].

Что жъ касается назначенныхъ въ помощь постельничимъ *спальничихъ*, то это были молодые люди знатныхъ фамилій, которыхъ государь бралъ во дворецъ для личной себѣ услуги. Должность спальничихъ состояла въ томъ, что они раздѣвали и разували государя, и спали у него въ комнатѣ человѣка по четыре, перемѣняясь по-суточно. Кромѣ того, во время государевыхъ столовъ, даваемыхъ во дворцѣ для бояръ и ближнихъ людей, безъ зова и безъ мѣстъ, спальничіе подносили передъ обѣдомъ гостямъ закуску, ковришки, яблоки, дули, инбирь; а при неофиціальномъ, также безъ чиновъ, про-

щаньи во дворцѣ съ иностранными послами, послѣдніе угощались разными винами, и при этомъ случаѣ кубки и кувшины разносили тѣ же спальничіе[305]. Изъ спальничихъ члены первостепенныхъ родовъ жаловались прямо въ бояре, а члены родовъ второстепенныхъ — въ окольничіе, и, въ слѣдствіе того, назывались они комнатными или ближними боярами и окольничими[306].

Стряпчій. Изъ личностей, предназначенныхъ къ службѣ при особѣ государя въ домашнемъ его быту, были еще слуги, названные *стряпчими*. Первоначально появились они при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, какъ видно изъ историческихъ извѣстій о двухъ его походахъ, лично предпринятыхъ имъ, въ 1513 году, противъ польскаго короля Сигизмунда, и, въ 1522 году, противъ крымскихъ татаръ. Въ оба эти похода Василій Іоанновичъ бралъ съ собою людей, нужныхъ и для войны, и для совѣта, и для пышности двора; въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ послѣдней категоріи, находились при немъ но два стряпчихъ — въ первомъ походѣ князья Щетинины, во второмъ — князья Щенятевы[307]. Въ послѣдствіи, стряпчіе не переставали существовать и при преемникахъ Василія. Царь Іоаннъ IV, въ составѣ многочисленныхъ чиновъ двора своего высшихъ и низшихъ, имѣлъ и стряпчихъ, употребляемыхъ для разныхъ порученій[308]. Ѳеодоръ Іоанновичъ, во время торжественнаго пріема посла, прибывшаго въ Москву отъ императора Рудольфа, окруженъ былъ государственными сановниками и придворными чинами, между которыми какъ извѣстно, были и стряпчіе[309]. Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій имѣли при дворахъ своихъ не мало стряпчихъ: первый, при отправленіи своемъ, въ маѣ 1598 года, въ походъ противъ татаръ, бралъ съ собою 20 стряпчихъ, кромѣ многихъ другихъ знатныхъ сановниковъ, дѣльцовъ и придворныхъ лицъ; второй — высылалъ стряпчихъ, вмѣстѣ съ стольниками и жильцами, для отраженія непріятельскихъ нападеній со стороны поляковъ[310]. Въ правленіе Михаила Ѳеодоровича, упоминается о стряпчихъ, назначенныхъ въ 1633 году, вмѣстѣ съ стольниками, дворянами московскими и жильцами, въ походъ также противъ поляковъ, и сообщается при этомъ свѣдѣніе о да-

чѣ имъ жалованья: тѣмъ, у кого не было ни помѣстьевъ, ни вотчинъ по 25 руб., а у кого на землѣ не болѣе пятнадцати крестьянъ, по 20 руб.[311]. — Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, во всѣхъ выходахъ его, въ церковные праздники и въ царскіе дни, въ Успенскій соборъ и другіе храмы, всегда сопровождали его первостепенные и второстепенные чины, въ числѣ послѣднихъ были и стряпчіе; они же участвовали и въ поѣздкахъ государевыхъ изъ Москвы въ загородныя села[312]. Видимъ также, что и при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ стряпчіе имѣли свое значеніе: они приглашались въ коммиссіи, состоявшія изъ выборныхъ отъ всѣхъ государственныхъ чиновъ съ цѣлью обсудить и осуществить мысли государя о войсковомъ преобразованіи, составлявшемъ предметъ особенной его заботливости[313].

Стряпчіе, какъ и прочіе царедворцы, имѣли свои права и свои обязанности. Чтобы дать болѣе точное понятіе объ ихъ обязанностяхъ, необходимо прежде выяснить значеніе словъ: «стряпчіе» и «стряпня». Названія эти происходятъ отъ слова «стряпать», т. е. заниматься, упражняться въ какомъ нибудь дѣлѣ, смотрѣть за чѣмъ нибудь. Понятно послѣ этого, что употребленная, напримѣръ, въ разрядныхъ книгахъ фраза: «у доспѣха стряпали князь Юрій да князь Василій Ивановичи Щенятевы», имѣла тотъ смыслъ, что Юрій и Василій Щенятевы смотрѣли за царскимъ вооруженіемъ (во время похода царя противъ непріятеля), заботились о содержаніи его въ порядкѣ и исправности, и, по требованію, подавали его государю. — Далѣе, такъ какъ стряпчіе назначались преимущественно для комнатной службы, то они были не только личные слуги государя, но и хранители всѣхъ, употребляемыхъ имъ и ввѣряемыхъ этимъ слугамъ, предметовъ и вещей; самыя же этого рода вещи, взятыя въ совокупности, назывались вообще «стряпнею»; такъ, напримѣръ, шапка, колпакъ, посохъ государевы названы государевою стряпнею[314].

Подробности начальной службы стряпчихъ состояли въ слѣдующемъ: они обязаны были одѣвать, обувать, омывать, чесать государя; смотрѣть за его покоями, платьемъ и бѣльемъ; вѣдать шапку и рукавицы; держать царскій посохъ; пла-

токъ носить (потому что въ старину, у предковъ нашихъ, кармановъ не было); ходить и ѣздить за государемъ; подать что спросить; служить у стола и выполнять другія обязанности. А такъ какъ при государевомъ дворѣ состояло всегда довольно стряпчихъ, то и распредѣлялись между ними всѣ эти обязанности, касавшіяся особы государя и комнатной при немъ службы; при чемъ, тотъ изъ стряпчихъ считался почетнѣе, у котораго были на сохраненіи лучшія вещи[315].

Въ стряпчіе назначались изъ меньшихъ статей, т. е. изъ людей неродословныхъ[316]. При государевомъ дворѣ постоянно находились лица подъ названіемъ выборныхъ, или жильцовъ; изъ этихъ-то ратныхъ людей многіе браты были государемъ въ стряпчіе. Послѣдніе состояли въ разрядѣ второстепенныхъ чиновъ и даже имѣли нѣкоторое преимущество предъ дворянами по-видимому отъ комнатной, приближавшей ихъ къ государю, службы.

Начальникомъ всѣхъ придворныхъ стряпчихъ былъ *стряпчій съ ключемъ*, такъ названный потому, что держалъ у себя ключь отъ царскихъ покоевъ, — и хотя онъ принадлежалъ къ числу второстепенныхъ чиновниковъ, но, по своей служебной должности, стоялъ выше стольниковъ и ниже думныхъ дворянъ[317].

Рында. Къ составу чиновъ, служившихъ при особѣ государя, принадлежали также *рынды*[318]. — Въ разсказѣ о кровопролитномъ побоищѣ, происходившемъ 8 сентября 1380 года, на широкомъ Куликовомъ полѣ между войсками великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго и татарскими полчищами Мамая, упоминается объ одномъ, принадлежавшемъ къ двору Донскаго, человѣкѣ, носившемъ названіе рынды; онъ тутъ имѣлъ обязанность возить великокняжеское знамя, на которомъ сіялъ образъ Спасителя[319]. — Въ первой четверти XVI вѣка, въ правленіе великаго князя Василія Іоанновича, умножившаго число сановниковъ своего двора, встрѣчаются и рынды, о которыхъ въ современныхъ извѣстіяхъ говорится, что этимъ именемъ назывались оруженосцы молодые, знатныхъ фамилій люди, избираемые ко двору по красотѣ, нѣжной пріятности лица, стройному стану, имѣвшіе и одежду, соотвѣтственную своему назначенію. Рынды являлись во дворецъ, во вре-

мя торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ пословъ и другихъ особенныхъ собраній двора. Въ бѣлыхъ, парчевыхъ, бархатныхъ или атласныхъ кафтанахъ, опушенныхъ горностаемъ; въ высокихъ горлатныхъ (изъ лисьихъ горлъ или душекъ черныхъ) шапкахъ съ бархатнымъ верхомъ, съ двумя золотыми цѣпями, крестообразно висящими на груди, и съ серебряными, поднятыми къ верху на плечо, какъ бы для удара, топориками, — рынды обыкновенно стояли близъ самаго государя, у подножія трона, по обѣимъ его сторонамъ, и вся трудность должности ихъ состояла въ томъ, что они, въ продолженіе подобныхъ собраній, должны были стоять на своихъ мѣстахъ, какъ статуи, неподвижно, да и глазами ни въ которую сторону не оборачиваться [320]. Въ другіе же дни рынды обязаны были ходить передъ великимъ княземъ, когда онъ являлся народу, составлять его свиту во время походовъ и, въ этомъ случаѣ, быть хранителями военныхъ княжескихъ доспѣховъ [321].

Учрежденіе рындъ, съ ихъ по-видимому не особенно головоломными упражненіями и съ отличительною парадною одеждою, перешло къ дворамъ и послѣдующихъ московскихъ государей, царствовавшихъ въ XVI и XVII вѣкѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что рынды XVI вѣка, какъ сказано выше, избираемы были изъ членовъ знатныхъ фамилій, а рынды XVII вѣка, со временъ Михаила Ѳеодоровича, стали назначаться изъ людей неродословныхъ—изъ стряпчихъ и другихъ подобныхъ царедворцевъ; и это дѣлалось съ цѣлью устранить совершенно мѣстническіе споры, всегда почти возникавшіе при назначеніи въ эту должность людей родословныхъ [322].—Иностранцы, случавшіеся при московскомъ дворѣ, звали рындъ по-своему — пажами.

III. Чины третьяго разряда.

Дворяне московскіе. Дворяне городовые.

При внимательномъ наблюденіи за ходомъ событій, совершившихся во второмъ періодѣ, нельзя не замѣтить, что лица княжеской дружины, названныя въ немъ дворянами, были воины по-преимуществу. Теперь лица эти не только удержали за собою то же наименованіе и ту же прирожденную имъ воин-

скую службу, но и получили такое устройство, котораго дотолѣ не имѣли. Устройство это обнаружилось въ двухъ явленіяхъ: въ надѣленіи дворянъ помѣстьями, и въ установленіи между ними разныхъ степеней служебнаго почета или значенія. О первомъ предметѣ будетъ сказано ниже, въ главѣ V, о второмъ—скажемъ кратко здѣсь.

Уже извѣстно, что, съ установленіемъ, въ исходѣ первой половины XIII вѣка, вотчинныхъ на владѣніе правъ, каждый удѣльный князь, хотя бы владѣлъ однимъ городомъ, имѣлъ свой дворъ, т. е. своихъ бояръ и дворянъ, и что такой порядокъ вещей продолжался до окончательнаго присоединенія этихъ удѣловъ великимъ княземъ Іоанномъ III къ Москвѣ. Между тѣмъ, когда эти мелкіе удѣлы, подъ именемъ уѣздовъ, вошли въ составъ московскаго государства, то дворы прежнихъ удѣльныхъ князей (т. е. личный составъ ихъ дружинъ) не сливались съ дворомъ великаго князя московскаго. Отсюда произошло раздѣленіе дворянъ на московскихъ или принадлежащихъ ко двору московскому, и городовыхъ или принадлежавшихъ къ дворамъ князей удѣльныхъ до присоединенія ихъ къ Москвѣ. Послѣдніе обыкновенно носили названіе того города, къ которому были приписаны, и потому назывались дворянами смоленскими, тверскими, ярославскими, рязанскими [323], и т. д.

Это было главное раздѣленіе дворянъ на два разряда. Общее было у нихъ только то, что обязанность охранять внутренній порядокъ и защищать отечество отъ внѣшнихъ враговъ, вытекающая изъ первой потребности государства, относилась въ одинаковой степени къ обоимъ разрядамъ [324]; но, въ другихъ служебныхъ отношеніяхъ, между дворянами названныхъ двухъ категорій установилось слѣдующее различіе.

Дворяне московскіе, имѣвшіе помѣстья въ московскомъ уѣздѣ, именовались государевымъ полкомъ. Они должны были оберегать дворъ государя и служить его тѣлохранителями. Въ военное время одна половина ихъ оставалась въ Москвѣ, другая, подъ предводительствомъ стольника, отправлялась въ походъ и всегда находилась при большомъ полку, или при главномъ войскѣ, въ видѣ отдѣльнаго отряда; въ мирное же время многіе изъ московскихъ дворянъ назначались въ помощь намѣст-

никовъ, въ почетныя должности судей, воеводами въ города, посланниками къ иностраннымъ дворамъ; многіе посылались для производства слѣдствій и выполненія другихъ важныхъ порученій правительства. Признанные необходимыми для придворной службы, приближавшей къ государю и дозволявшей видѣть его постоянно, московскіе дворяне получили черезъ это первое, по отношенію къ дворянамъ областей или городовъ, мѣсто и, въ награду за службу, повышались въ чины стольника, думнаго дворянина [325], и т. д.

Дворяне городовые, также помѣстные владѣльцы въ мѣстахъ своего пребыванія, обязанные преимущественно воинскою службою, составляли земское ополченіе и главную военную силу. Кромѣ того, городовые дворяне, по примѣру московскихъ, служили въ разныхъ гражданскихъ должностяхъ по своимъ городамъ, къ которымъ были приписаны, и только изрѣдка пріѣзжали къ московскому двору. Почти всегда жили они въ своихъ помѣстьяхъ и отдавались мирнымъ занятіямъ, хлопоча о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, и ожидая объявленія указа о призывѣ на дѣйствительную службу государству [326].

Изъ сказаннаго очевидно, что служба по Москвѣ была выше и почетнѣе службы по городу, и что этимъ выяснилось внѣшнее, въ служебномъ отношеніи, преимущество дворянъ московскихъ передъ городовыми. Вотъ почему переводъ городовыхъ дворянъ въ московскіе считался повышеніемъ и наградою, и наоборотъ, переведенный за какіе нибудь проступки дворянинъ изъ Москвы въ городъ считалъ себя пониженнымъ въ рангѣ, тѣмъ болѣе, что царскій указъ „служить съ городомъ“, для московскаго дворянина и вообще для знатнаго сановника, выражалъ тяжкую опалу. Въ виду такого преимущества, городовые дворяне старались быть записанными въ списокъ московскихъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлаться извѣстными при дворѣ и скорѣе получить повышеніе въ чинахъ, т. е. перейти въ классъ стряпчихъ и стольниковъ [327].

Вообще, этотъ краткій очеркъ дѣйствительнаго положенія дворянъ показываетъ, что они, съ эпохи присоединенія удѣловъ къ Москвѣ, сдѣлались служилыми людьми въ полномъ

значеніи этого слова—людьми испомѣщенными и разсѣянными по разнымъ областямъ государства [328].

Дѣти боярскіе.

Послѣ дворянъ, составлявшихъ основу русскаго войска, встрѣчается второй многочисленный родъ воинскихъ людей; названныхъ *дѣтьми боярскими*. Къ свѣденію о происхожденіи ихъ, сообщенному уже въ предъидущемъ періодѣ, надобно прибавить, что, въ правленіе великаго князя Іоанна III, эти служилые люди также приписаны были къ городамъ; а съ 1500 года стали получать въ разныхъ областяхъ московскаго государства и помѣстья [329].

Дѣти боярскіе, подобно дворянамъ, раздѣлялись на московскихъ и городовыхъ, по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя приняты были въ основаніе къ присвоенію этихъ наименованій дворянамъ, и, кромѣ того, подраздѣлялись на три разряда или статьи, смотря по тому, сколько кто изъ нихъ получалъ четвертей земли, такъ какъ состоящимъ въ первой статьѣ назначалось по 200, во второй—по 150 и въ третьей—по 100 четвертей каждому [330]. Въ послѣдствіи времени, великіе князья московскіе, постигая всю важность корпораціи дѣтей боярскихъ—этой военной массы, старались оную увеличивать, и потому, принимали въ службу и не потомковъ бояръ, и, давъ этимъ людямъ зе́мли подъ условіемъ способности къ службѣ, назвали ихъ дѣтьми боярскими, такъ какъ это слово означало уже не потомковъ бояръ, а помѣстныхъ владѣльцевъ [331].

Независимо отъ военной службы, дѣти боярскіе призывались въ Москву изъ ближайшихъ къ ней городовъ, для увеличенія пышности двора, во время пріема великими князьями иностранныхъ пословъ. Пышность въ подобныхъ случаяхъ любилъ въ особенности Василій Іоанновичъ, сынъ Іоанна III.— Въ числѣ чиновъ разныхъ наименованій, назначавшихся по выбору въ чрезвычайныя собранія, или въ земскіе соборы, являлись и дѣти боярскіе [332].

Жильцы.

Названіе *жильцовъ* встрѣчается въ историческихъ извѣстіяхъ только лишь съ XVI вѣка. Объ нихъ упоминается, между прочимъ, въ двухъ воинскихъ походахъ, предпринятыхъ противъ непріятелей великими князьями московскими Василіемъ Іоанновичемъ (1505—1533) и Іоанномъ IV Василье-

вичемъ (1533—1584). О Василіи Іоанновичѣ говорится, что во время выступленія его, въ іюнѣ 1514 года, изъ Москвы противъ литовцевъ подъ Смоленскъ, онъ имѣлъ въ дружинѣ своей 220 бояръ и придворныхъ дѣтей боярскихъ, т. е. жильцовъ. Объ Іоаннѣ IV извѣстно, что, когда крымскій ханъ внезапно осадилъ гор. Тулу въ Іюнѣ 1552 года, онъ въ ту же минуту велѣлъ выступить изъ Коломны собственному войску, которое состояло единственно изъ дворянъ и жильцовъ, или выборныхъ дѣтей боярскихъ [333].

Для объясненія какъ самаго названія, такъ и значенія жильцовъ, надлежитъ припомнить, что въ древней Россіи каждый городъ имѣлъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, своихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Тѣ и другіе назывались обыкновенно по имени города, къ которому были приписаны, и раздѣлялись на три статьи: на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ. Послѣдніе,—служащіе съ городомъ—занимали низшую въ служебномъ отношеніи степень, и только за особенное отличіе или достоинство, перемѣщались въ дворовый и выборный списки, т. е. получали высшіе помѣстные оклады. [334].

Изъ выборнаго списка лучшіе городовые дворяне и дѣти боярскіе, люди молодые, благороднаго происхожденія и войны первостепенные, въ числѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ, присылались поочередно изъ всѣхъ городовъ, на три года, въ Москву, какъ для охраненія особы государя и увеличенія внѣшней пышности двора, такъ и для исправленія разныхъ другихъ служебъ. Избранныя, такимъ образомъ, лица, жившія съ столь ясно опредѣленною цѣлью въ Москвѣ, назывались жильцами [335]. Составляя внутреннюю стражу кремлевскихъ палатъ, жильцы въ числѣ сорока человѣкъ поочередно всегда ночевали въ третьей отъ спальни государевой комнатѣ, первые же двѣ занимались ночью ближними царедворцами—постельничимъ и помощниками его, спальничими. Кромѣ того, отъ 200 до 300 жильцовъ являлись ко двору для почетной службы за столомъ, при торжественныхъ царскихъ обѣдахъ, въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ и съ золотыми цѣпями на груди; а при поѣздкѣ государя въ загород-

ныя сёла, сопровождали его въ цвѣтномъ платьѣ, на лошадяхъ въ ратной сбруѣ [336].—Тѣ же жильцы, въ качествѣ выборныхъ, приглашались для совѣщаній: при Іоаннѣ IV на земскіе соборы, по поводу походовъ противъ непріятеля; а при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ—въ коммиссію, учрежденную для лучшаго устроенія и управленія ратныхъ дѣлъ. Когда жъ образовалась, въ концѣ XVI вѣка, пятнадцатитысячная конная царская дружина, то въ составъ ея вошли не только дворяне, но и жильцы. [337]— Сверхъ изложенныхъ, соединенныхъ съ званіемъ жильца, правъ, не менѣе важнымъ преимуществомъ было также и то, что жильцы, не смотря на обыкновенную смѣняемость, въ опредѣленные сроки, другими, оставались уже въ спискѣ московскаго чина, а если получали помѣстные оклады въ московскомъ уѣздѣ, то пріобрѣтали званіе дворянъ московскихъ; отсюда могли перейти въ стряпчіе и стольники, т. е. въ высшій классъ царедворцевъ [338].

Независимо отъ выборныхъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, названныхъ жильцами, дѣти московскихъ дворянъ, стряпчихъ, стольниковъ, а иногда дѣти знатныхъ родословныхъ фамилій записываемы были въ жилецкій чинъ, составлявшій первую ступень царедворцевъ, для полученія высшихъ званій и должностей при дворѣ [339].

Вообще надобно сказать о жилецкомъ разрядѣ служилыхъ людей, что жилецъ, оказавшій болѣе противъ другихъ проворства, умѣнья и искусства, или имѣвшій сильныхъ покровителей при дворѣ, скорѣе былъ производимъ въ чины, съ соблюденіемъ, однако, слѣдующихъ условій: если онъ былъ сынъ знатнаго сановника, то повышался въ чины стряпчаго, стольника, и назначался, сверхъ того, гонцомъ къ иностраннымъ дворамъ, воеводой въ небольшіе города и въ другія должности; а если происходилъ изъ дѣтей боярскихъ, то получалъ званіе дворянина, стряпчаго, и рѣдко производимъ былъ въ прочія высшія званія или чины. Все дѣлалось по волѣ и милости государя, и по заслугамъ самаго жильца.—Съ 1701 г., жильцы болѣе уже не избирались, такъ какъ служба ихъ, по учрежденіи постояннаго регулярнаго войска, стала излишнею; жильцами и дѣтьми боярскими комплектовали полки гвардіи.—

Съ 1710 года по упраздненіи рязряда и по учрежденіи Сената, и самое жилецкое званіе упразднилось [340].

Въ заключеніе надобно прибавить, что, по отношенію къ установленному порядку служебной постепенности, московскіе дворяне занимали высшую степень, за ними слѣдовали жильцы, далѣе дворяне городовые и, наконецъ, боярскіе дѣти [341].

Приведенными выше историческими фактами опредѣлены уже до нѣкоторой степени какъ личный составъ, такъ равно права и обязанности служилыхъ людей, существовавшихъ въ настоящемъ третьемъ періодѣ. — При всемъ томъ, изслѣдованіе объ нихъ не можетъ считаться законченнымъ, потому что, при внимательномъ разсмотрѣніи перемѣнъ, совершившихся въ продолженіе этого періода по отношенію къ названнымъ служилымъ людямъ, являются еще двѣ, органически связанныя съ бытомъ ихъ, принадлежности: мѣстничество и помѣстная система. Свѣдѣнія объ этихъ двухъ предметахъ излагаются въ слѣдующихъ двухъ главахъ.

ГЛАВА IV.

Общее понятіе о мѣстничествѣ. — Причины, способствовавшія появленію мѣстничества. — Сущность мѣстническихъ притязаній. — Проявленіе мѣстническихъ счетовъ во всѣхъ родахъ службы. — Производство дѣлъ по мѣстническимъ спорамъ. — Вліяніе мѣстничества на занятіе высшихъ должностей исключительно родословцами. — Употребленіе мѣръ для ослабленія мѣстничества. — Потрясеніе мѣстничества въ смутную эпоху московскаго государства. — Примѣры бывшихъ мѣстническихъ случаевъ. — Уничтоженіе мѣстничества. — Проектъ объ отдѣленіи гражданскихъ должностей отъ военныхъ. — Выводъ изъ историческаго обозрѣнія мѣстничества.

Общее понятіе о мѣстничествѣ.

Мѣстничество — это обычай служилыхъ людей считаться старшинствомъ или первенствомъ, при занятіи въ торжественныхъ случаяхъ мѣстъ и при поступленіи на служебныя должности не по заслугамъ, а по знатности родовъ. Такой обычай, долго и крѣпко державшійся въ нашемъ отечествѣ преимущественно въ высшей сферѣ служилыхъ людей, сложился, въ теченіе вѣковъ, подъ вліяніемъ особеннаго порядка вещей, о которомъ и приводится здѣсь нижеслѣдующее, краткое историческое извѣстіе.

Причины, спо-

Человѣкъ — существо общежительное; внѣ общества онъ

собствовавшія появленію мѣстничества.

никогда не жилъ и не можетъ жить. Первобытный элементъ общежитія, присущій всѣмъ осѣдлымъ народамъ въ мірѣ, есть домъ, т. е. человѣческое общество, поселенное на извѣстномъ мѣстѣ, состоящее изъ членовъ семьи и домашнихъ слугъ, и подчиненное полной власти домовладыки или главы семейства. Домъ, въ этой первоначальной своей формѣ частнаго быта, необходимо разростался чрезъ отдѣленіе наличныхъ членовъ— пускалъ отпрыски и вѣтви: взрослый сынъ селился на другомъ мѣстѣ, дочь выходила замужъ; но, не смотря на это, оба они, сынъ и дочь, не считались отчужденными отъ дома или кровнаго союза навсегда, а принадлежали къ нему по своимъ личнымъ связямъ, основаннымъ на фактѣ рожденія. Отсюда само собою произошло *единство* рода, которое укрѣпляло личныя связи членовъ его, гдѣ бы они ни были. Отсюда и самое имущество дома обратилось мало по малу въ личное имущество главы семейства, домовладыки; а по смерти его, дѣлилось между членами того жъ дома или рода.

На этихъ-то простыхъ, естественныхъ основаніяхъ семейнаго права утверждалась общественная жизнь и у насъ, въ древней Россіи: ими проникнуты были не только отдѣльныя семьи людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, но и политическая организація удѣльныхъ княжествъ и самодержавіе образовавшагося изъ нихъ, въ послѣдствіи, московскаго государства. — Подобно тому, какъ въ частной жизни, принадлежалъ домовладыкѣ домъ, съ правомъ лично владѣть его имуществомъ и передавать оное въ потомство, — князю, рюриковичу, принадлежало княжество, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на общую отчину своего рода, и которое, въ послѣдствіи, съ первой половины XIII вѣка, сдѣлалось наслѣдственнымъ его удѣломъ, отъ чего и названъ онъ *дѣдичемъ* и *отчичемъ* княженія. — А когда всѣ удѣльныя владѣнія, со временъ Іоанна III (1462—1557), перешли во власть Москвы, то государь московскій, точно такъ же, какъ прежде удѣльный князь, былъ *дѣдичъ* и *отчичъ* въ государствѣ — въ своей московской вотчинѣ. Царскій домъ, какъ и княжескій, состоялъ изъ государя, членовъ семейства государева и дворни, или слугъ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что теперь, въ эпоху при-

соединенія княжескихъ удѣловъ къ Москвѣ, государь московскій, сосредоточившій въ рукахъ своихъ единовластіе и самодержавіе, для приданія особѣ своей царственнаго величія, окружилъ себя многочисленными слугами, соотвѣтственно расширенію сферы внутренняго по разнымъ частямъ управленія, и учредилъ, такимъ образомъ, государственные *чины* (классы, разряды, степени) не въ сословномъ, а въ служебномъ смыслѣ, въ смыслѣ постепеннаго возвышенія на государственной службѣ должностныхъ лицъ подъ разными наименованіями — отъ жильца до боярина [342].

Изъ этого чиноначалія, совершенно подчиненнаго волѣ государевой, образовались *высшія и низшія степени гражданскихъ достоинствъ*; мѣста сдѣлались отличіемъ; всѣ должности были разчислены и получили бо́льшій или меньшій почетъ, обусловливаемый съ одной стороны близостію къ государю занимавшихъ извѣстныя должности лицъ, а съ другой — родовымъ происхожденіемъ и кругомъ предоставленной каждому должностному лицу власти [343].

Около того же времени, въ правленіе Іоанна III, организовано было особое учрежденіе, для завѣдыванія государевыми слугами, подъ названіемъ разряда (разряднаго приказа), и введены *разрядныя книги*, или послужные списки, въ которые записывались царскіе указы о назначеніи къ должностямъ слугъ, или чиновниковъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ. Древнѣйшая изъ разрядныхъ книгъ, по свидѣтельству Карамзина, начинается съ 1471 года.

Между тѣмъ родовое начало и естественныя послѣдствія его — *личный родовой интересъ и единство рода* — продолжали господствовать во всей своей силѣ. Господство того и другаго обнаружилось въ томъ, что, напримѣръ, русскій бояринъ знатнаго происхожденія, къ имени, полученному имъ при рожденіи или крещеніи, прибавлялъ имя отца, дѣда, прадѣда, прапрадѣда, и, нося, такъ сказать, съ собою это свое родословіе, крѣпко стоялъ за то, чтобъ *роду его не было поруки* (уменьшенія); если жъ, притомъ, бояринъ этотъ былъ еще и старшій членъ своего рода, то онъ обязывался наблюдать за поведеніемъ младшихъ, хотя бы они были совершеннолѣтніе и нахо-

дились на службѣ, и наказывать ихъ за нравственные безпорядки[344].

Эти два проявленія родоваго начала, т. е. личный родовой интересъ и единство рода, образовали собою слѣдующій порядокъ вещей: во-первыхъ, каждое знатное поколѣніе вело свою *родословную*, которая пополнялась при каждомъ князѣ, утверждалась правительствомъ, и потому безспорно служила основаніемъ для показанія древности происхожденія той фамиліи (родоваго прозванія), которая была вписана въ эту родословную[345]; во-вторыхъ, при сказанной сейчасъ отвѣтственности, *значеніе отдѣльнаго лица исчезало предъ значеніемъ рода*, а при сліяніи лица съ родомъ, если возвышалось по службѣ одно лицо, возвышался цѣлый родъ, т. е. его сыновья, братья, племянники и т. д., и наоборотъ, если понижался одинъ членъ рода, понижался и весь родъ[346]; и въ-третьихъ, родословцы эти, *люди извѣстные по знатности отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ*, постоянно занимавшіе высшія мѣста при московскихъ государяхъ, *не охотно принимали въ свой кругъ даже родственниковъ и свойственниковъ царскихъ, поднявшихся до боярства изъ людей незнатной породы*[347].

Сущность мѣстническихъ притязаній.

Теперь понятно, что родовой интересъ высшаго круга служилыхъ людей, основанный на единствѣ рода, какъ бы послѣдній ни былъ великъ и разцвѣтленъ; введеніе родословныхъ и разрядныхъ книгъ; почетъ мѣстъ и установленные степени чиновъ,—все это въ совокупности породило въ служилыхъ людяхъ московскаго государства притязаніе на старшинство или первенство; и потому, все вниманіе чиновнаго человѣка, дѣйствовавшаго подъ знаменемъ родословія, сосредоточено было на томъ, чтобы, при чиновномъ распорядкѣ, или при занятіи мѣстъ, не унизить себя и не нанести такимъ униженіемъ безчестья всѣмъ другимъ лицамъ, состоящимъ съ нимъ въ родственной связи. Правило это получило такую силу, что переходило не только отъ отцовъ къ дѣтямъ, но изъ рода въ родъ[348].

Такимъ образомъ, служилый человѣкъ, старшій по родословію, но младшій лѣтами по службѣ и низшій по чину, вмѣнялъ себѣ въ стыдъ и безславіе находиться подъ начальствомъ служилаго же человѣка, хотя и старшаго лѣтами по службѣ, чину

и званію, но менѣе знатнаго рода, и притомъ такого, котораго предки по разрядным книгамъ значились ниже предковъ перваго. Такъ, напримѣръ, чей отецъ или дѣдъ воеводствовалъ въ большомъ, т. е. главномъ полку, тотъ уже не хотѣлъ зависѣть отъ воеводы, коего отецъ или дѣдъ начальствовалъ единственно въ передовомъ, или правой и лѣвой руки, полку. По тѣмъ же причинамъ, два лица не могли служить и въ равныхъ званіяхъ, если предки одного стояли хоть одною степенью выше предковъ другаго въ ряду государственныхъ сановниковъ. Тѣмъ менѣе считалось приличнымъ сыну или внуку боярина быть подъ начальствомъ сына или внука окольничаго. Поступить иначе старинному служилому человѣку было невозможно, какъ потому что, разъ пріобрѣвъ извѣстное положеніе въ обществѣ, онъ считалъ его своею неотъемлемою принадлежностію, своею наслѣдственною собственностію, такъ и потому, что не имѣлъ никакого права располагать честью (старшинствомъ, почетомъ) цѣлаго рода, а напротивъ имѣлъ священную обязанность беречь ее во что бы то ни стало. Въ этихъ видахъ, каждый и заботился такъ усердно о томъ, чтобы не уронить себя какъ нибудь въ самыхъ мелочныхъ, ничтожныхъ обрядахъ жизни, чтобы не занять мѣста ниже того, кому онъ, по родословнымъ счетамъ, не могъ уступить первенства. Поэтому, если кто нибудь занялъ такую высокую должность, въ которой предки его никогда не состояли, то сверстникъ или товарищъ его, котораго предки значились выше предковъ перваго, билъ челомъ государю, что ему служить *невмѣстно*, высчитывая приэтомъ всю свою родословную. Тотъ, на кого недовольный жаловался, считалъ себя обиженнымъ, и, въ свою очередь, билъ челомъ о безчестьѣ и оборонѣ. Споры о семъ назывались спорами о мѣстахъ, или *мѣстничествомъ*[349].

Появленіе мѣстническихъ счетовъ во всѣхъ родахъ службы.

Такіе случаи мѣстничества были многочисленны. Мѣстничались воеводы не только при назначеніи въ полки, но и въ города, ибо одинъ городъ былъ честнѣе другаго; мѣстничались царедворцы въ придворныхъ церемоніяхъ, въ блистательныхъ торжествахъ и за царскимъ столомъ; мѣстничались служилые люди при поѣздкѣ съ послами къ иностраннымъ государямъ для переговоровъ, и при различныхъ посылкахъ; мѣстничались

даже цѣлыя группы дворянъ и жильцовъ нѣкоторыхъ городовъ съ такимъ, назначеннымъ къ нимъ въ воеводы или въ товарищи къ воеводѣ, лицомъ, которое, по родовымъ счетамъ, было каждому дворянину и жильцу въ версту (равнымъ)[350]. Словомъ, споры о мѣстахъ сопровождали всякую посылку и всякое назначеніе на службы, ибо начала родовое и служебное (знатность и порода, заслоняющія собой заслуги) непремѣнно сталкивались, и, хотя основное правило мѣстничества гласило, что «мѣстничаться между собою могутъ одни только родословные», что, слѣдовательно, этого права лишены лица новыя, возведенныя въ боярство, по разрядамъ за службу, какъ такія лица, которыхъ служба была слишкомъ нова, и которыхъ родъ не былъ внесенъ въ родословную книгу: тѣмъ не менѣе, на практикѣ, столкновенія между тѣми и другими были безпрерывныя[351].

Производство дѣлъ по мѣстническимъ счетамъ.

По всѣмъ подобнымъ дѣламъ наводились обыкновенно справки: изъ книгъ родословныхъ, о томъ, кто старше по происхожденію и родословію, бывшему кореннымъ основаніемъ старшинства;—изъ книгъ разрядныхъ, для поясненія того, кто выше по разрядамъ, т. е. по пожалованію отъ государя въ извѣстный чинъ, и выше по службѣ. Дѣла сего рода рѣшалъ самъ государь съ боярами, подвергая неправыхъ челобитчиковъ разнымъ, по усмотрѣнію, наказаніямъ[352].

Вліяніе мѣстничества на занятіе высшихъ должностей исключительно родословцами.

Такой порядокъ вещей ясно показываетъ, что *источникомъ права на занятіе мѣстъ и на управленіе дѣлами страны было главнымъ образомъ родословіе*, т. е. происхожденіе отъ знатной фамиліи. Надобно замѣтить, что издревле, со временъ Іоанна Калиты, постояннымъ правиломъ московскихъ государей было—беречь и жаловать вельможъ по *отечеству*, т. е. по знатности происхожденія, по наслѣдственной чести. Затѣмъ, не можетъ уже казаться удивительнымъ, что, по такому вниманію государей къ родословнымъ фамиліямъ съ одной стороны, и въ силу мѣстничества съ другой, на высшихъ степеняхъ въ государствѣ являлись однѣ и тѣ же не многочисленныя фамиліи—люди старой чести, т. е. родословные, великочиновные, имѣвшіе полное право, по своему родовому старшинству, занять то или другое мѣсто. Естественно также и то, что фамиліи эти, находившіяся постоянно у правительственныхъ дѣлъ,

должны были пріобрѣтать важное значеніе: ихъ долговременная практика, знаніе дѣлъ, обычаевъ, старыхъ преданій, при отсутствіи тогда просвѣщенія въ московскомъ государствѣ, считались верховною государственною мудростію; а самые дѣятели, которыхъ отцы и дѣды находились также у правительственныхъ дѣлъ, казались народу, привыкшему видѣть ихъ на первыхъ мѣстахъ, верховными мужами, или, какъ выразился князь Пожарскій, *столпами* государства, на которые опирается тронъ [353].

При всемъ томъ, стремленіе людей родословныхъ поддерживать достоинство исключительно только своего рода, и считаться службою предковъ при занятіи мѣстъ, образовало грубое, эгоистическое понятіе о чести и было источникомъ сильнѣйшей безурядицы во всѣхъ служебныхъ дѣлахъ [354].

Употребленіе мѣръ для ослабленія мѣстничества.

Уже Іоаннъ III (1462—1505) долженъ былъ бороться съ этими грубыми понятіями о чести, на которыхъ основывалось и развивалось мѣстничество, и обуздывать мѣстничавшихся [355]. — Въ княженіе Василія Іоанновича (1505—1533) встрѣчаются также въ разрядныхъ книгахъ мѣстническіе случаи [356]. — При Іоаннѣ IV (1533—1584) мѣстническія столкновенія между служилыми людьми, ревниво оберегавшими свою родовую честь, болѣе и болѣе умножались и доходили до непонятной крайности, такъ, что правительство должно было употребить возможныя, къ ограниченію этого зла, средства. Однимъ изъ такихъ средствъ, къ прекращенію мѣстническихъ споровъ, былъ *разводъ* или *отставка*. Когда двое служилыхъ людей, назначенныхъ на одну службу, одинъ въ большихъ, а другой въ меньшихъ, были ровны другъ другу по родовымъ отношеніямъ, по службѣ и по разряду; то ихъ разводили или отставляли, и эта отставка или разводъ служили и на будущее время доказательствомъ ихъ равенства — невозможности быть вмѣстѣ. Другое средство состояло въ томъ, что правительство объявляло князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ *быть безъ мѣстъ* на царской службѣ, т. е. каждому оставаться на своемъ безъ разбора чиновъ, старшинства или знатности родовъ, съ тѣмъ, что если случится имъ на царской службѣ быть не по ихъ отечеству, то отечеству ихъ тутъ порухи (уменьшенія) никакой нѣтъ. Сверхъ того, въ указѣ, изданномъ въ дополненіе къ Судебнику

Іоанна IV было постановлено, что одному государю принадлежитъ судить о родахъ и достоинствѣ, и что кто съ кѣмъ посланъ, тотъ тому и повинуется[357]. — Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича (1584 — 1598), мѣстничество было во всей силѣ, какъ показываютъ многочисленные примѣры[358].

Потрясеніе мѣстничества въ смутную эпоху московскаго государства.

Между тѣмъ, страшныя кровавыя смуты, возникшія въ началѣ XVII вѣка на Русской землѣ и потрясшія многое въ московскомъ государствѣ, поколебали и самое мѣстничество. Въ слѣдствіе этихъ событій, уменьшилась численность въ первенствующихъ родословныхъ фамиліяхъ: Романовы перешли на престолъ; исчезли Годуновы, Шуйскіе, Мстиславскіе, Воротынскіе и изгибли два брата, Василій и Андрей, самые видные, самые энергическіе изъ князей Голицыныхъ, въ особенности первый изъ нихъ Василій, который такъ высокъ казался самому князю Пожарскому – знаменитому воеводѣ-освободителю, что онъ назвалъ его *столпомъ* государства. При малочисленности вообще тогда первенствующихъ фамилій, исчезновеніе важнѣйшихъ изъ нихъ имѣло рѣшительное вліяніе на судьбы древней московской знати. — Событія той же самой эпохи выдвинули на первый планъ людей незначительныхъ, второстепенныхъ, которые и явились начальниками ополченій противъ непріятелей; то были: рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, казакъ Заруцкій, мелкочиновный человѣкъ—стольникъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій—и нижегородскій мясникъ (промышлявшій мясною торговлею) Козьма Мининъ Сухорукій. Эти новые люди стали на высоту своего положенія, потому что бывшіе подъ ихъ предводительствомъ ополченія успѣли въ своемъ дѣлѣ: государство очищено было отъ враговъ, избранъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ дома Романовыхъ. Россія поставила въ главѣ своей народную династію[359]. — Всѣ эти обстоятельства, взятыя въ совокупности, имѣли тотъ результатъ, что если мѣстничество и не уничтожилось совершенно, то значительно было подкопано въ своемъ основаніи.

Впрочемъ, мѣстническія понятія, временно ослабѣвшія, пробудились опять съ новою силою въ высшихъ служебныхъ сферахъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1613 — 1645). И при немъ былъ на первомъ планѣ *родовой интересъ съ чинов-*

нымъ началомъ; долженъ былъ и онъ по прежнему разбирать мѣстническіе споры, опредѣлять родовыя и служебныя отношенія и счеты по родовой лѣстницѣ служилыхъ людей, оправдывать правыхъ и наказывать виновныхъ, за несправедливыя челобитья.

Примѣры бывшихъ мѣстническихъ случаевъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, изъ ряда многочисленныхъ мѣстническихъ случаевъ, бывшихъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ:

Въ 1613 году приглашены были къ царскому столу князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ (родной дядя царскій) и князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ. Первое мѣсто принадлежало Мстиславскому, втораго мѣста Лыковъ не хотѣлъ уступить Романову, и билъ челомъ, что ему сѣсть ниже Романова невмѣстно. Государь нѣсколько разъ говорилъ Лыкову, чтобъ онъ былъ у стола, и что подъ Романовымъ (т. е. занять мѣсто вслѣдъ за Романовымъ) быть ему можно; но тотъ отвѣчалъ, что «готовъ ѣхать на казнь», а меньше Ивана Никитича, ему не бывать. Тогда государь велѣлъ князя Лыкова выдать головою Романову, т. е. приказать ему, какъ виновному челобитчику, униженно просить и молить оправданнаго отвѣтчика о прощеніи.

Государь пожаловалъ въ бояре Бориса Михайловича Салтыкова, и велѣлъ боярину князю Димитрію Михайловичу Пожарскому сказать новопожалованному боярство. Пожарскій билъ челомъ, что онъ боярство сказать и меньше Салтыкова быть не можетъ. По разсмотрѣніи дѣла, государь потребовалъ отъ Пожарскаго, чтобъ онъ сказалъ боярство Салтыкову, меньше котораго быть ему можно. Пожарскій не послушался. Салтыковъ билъ челомъ о безчестьѣ—и Пожарскій выданъ былъ ему головою.

Когда тотъ же Пожарскій въ 1618 году лежалъ боленъ въ Калугѣ, государь указалъ послать къ нему стольника Юрія Татищева, съ милостивымъ словомъ спросить о здоровьѣ. На челобитье Татищева о томъ, что ему ѣхать къ Пожарскому невмѣстно, отвѣчали, что ѣхать можно, но онъ государева указа не послушалъ; его высѣкли кнутомъ и послали къ Пожарскому головою.

Въ 1624 году на государевой свадьбѣ велѣно было—быть

безъ мѣстъ. Не смотря на то, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Голицинъ объявилъ, что ему меньше бояръ, князей Ивана Ивановича Шуйскаго и Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, быть нельзя, и на службу во дворецъ не поѣхалъ. Въ слѣдствіе сего повелѣно: у князя Голицына, за его непослушаніе, отписать помѣстья и вотчины [360].

Два основныя начала мѣстничества — *степени служебной знатности по чинамъ и родовая честь* — продолжали существовать и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1645—1676), какъ показываютъ тогдашніе мѣстническіе споры. Онъ понималъ всю нелѣпость и весь вредъ общепринятаго предразсудка; но считалъ невозможнымъ истребить его и во дни своей славы. Впрочемъ, предоставляя людямъ родословнымъ величаться, въ служебномъ отношеніи, старшинствомъ и считаться службою предковъ при занятіи должностей, царь Алексѣй Михайловичъ осторожно, благоразумно, выводилъ и поддерживалъ людей худородныхъ, но умныхъ, талантливыхъ, по тогдашнему времени самыхъ образованныхъ, каковыми, между прочимъ, представляются: Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Выше сказано, что, съ эпохи смутнаго времени московскаго государства, люди новые, неродословные, получили уже возможность пробиться къ высшимъ честямъ и чинамъ. Стремленіе это продолжалось и тогда, когда буря утихла — продолжалось медленно, хотя не безъ ропота и выходокъ со стороны знатныхъ людей. Но дѣло въ томъ, что примѣръ былъ поданъ, и потому уже не могло быть новостію, когда, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Ординъ-Нащокинъ, сынъ незначительнаго псковскаго дворянина, и Матвѣевъ, сынъ дьяка, слѣдовательно оба изъ худородныхъ, возвысились до самаго знатнаго чина боярскаго не по отечеству, а по личнымъ своимъ качествамъ и способностямъ, и стали на первомъ планѣ, въ ущербъ чести старыхъ родовъ и началамъ, на которыхъ основалось мѣстничество. Тотъ и другой — знаменитости своего времени — пользовались полною довѣренностію Алексѣя Михайловича. Ординъ-Нащокинъ сдѣлался начальникомъ посольскаго приказа съ громкимъ, небывалымъ титуломъ „царственной большой

печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя"; а когда онъ сошелъ съ служебнаго поприща, преемникомъ его, по званію начальника посольскаго приказа, явился Матвѣевъ [361].

Если правительству не мало стоило труда оберегать, въ силу мѣстничества, старинные знатные роды отъ безчестья по отношенію другъ къ другу; то еще труднѣе было оборонять людей новыхъ, поднявшихся до знатныхъ чиновъ—царскихъ родственниковъ и свойственниковъ, а также людей худородныхъ. Тутъ придумывали разныя оборонительныя средства, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ двухъ мѣстническихъ случаевъ, бывшихъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Князь Львовъ, принадлежавшій къ разряду пятнадцати знатныхъ фамилій, члены которыхъ производились прямо въ окольничіе, билъ челомъ на царскаго тестя, не имѣвшаго знатныхъ предковъ, боярина Илью Даниловича Милославскаго, что ему Львову съ нимъ быть невмѣстно. Челобитчику отвѣчали, что ему можно быть съ Милославскимъ, потому что прежде не бивали челомъ на царскихъ свойственниковъ.

Стольникъ Матвѣй Пушкинъ, состоявшій также въ числѣ упомянутыхъ пятнадцати фамилій, билъ челомъ, что ему велѣно ѣхать за польскими послами и съ ними ѣхать къ переговорамъ, а вести переговоры боярину Ордину-Нащокину; но ему Пушкину меньше Нащокина быть невмѣстно. Государь сказалъ Пушкину, что прежде мѣстъ тутъ не бывало и теперь нѣтъ. Пушкинъ отвѣчалъ, что прежде съ послами, для переговоровъ, бывали люди честные (знатнаго рода), а не въ версту Нащокину, потому, въ то время и челобитья не бывало; его же Пушкина „отечество" (знатность происхожденія), по отношенію къ Ордину—Нащокину, извѣстно. Государь повторилъ, что тутъ мѣстъ не бывало и теперь нѣтъ; и, такъ какъ Пушкинъ, хотя уступилъ сначала и поѣхалъ за послами, но потомъ раскаялся въ своей слабости и пересталъ ѣздить къ нимъ, то за такое ослушаніе государь послалъ его въ тюрьму и велѣлъ сказать, что ему съ Нащокинымъ быть можно [362].

Наконецъ, наступилъ и періодъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича (1676—1682), краткій по времени, но замѣчательный

Уничтоженіе мѣстничества.

по внутреннему управленію московскимъ государствомъ. Важнѣйшимъ подвигомъ этого государя—подвигомъ, какого не могъ предпринять родитель его—есть *уничтоженіе въ Россіи мѣстничества*—этого окрѣпшаго вѣковаго обычая [363].

Давно уже было признано, что всѣ предшествовавшія войны оканчивались большею частію пораженіемъ русскаго войска преимущественно отъ его несостоятельности, которая происходила главнымъ образомъ отъ мѣстническихъ счетовъ. Притомъ же и долговременный опытъ долженъ былъ научить людей, умѣющихъ разсуждать, что, при занятіи важнѣйшихъ государственныхъ должностей, гдѣ главную роль должны играть познанія, талантъ, честность, не слѣдуетъ считаться ни предками, ни богатствомъ, потому что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не о тщеславіи и узкомъ эгоизмѣ, а о благоустройствѣ государства. Эта великая истина, по историческому ходу жизни русскаго общества, ясно понята была уже въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, наступилъ очевидный поворотъ высшаго русскаго общества отъ древняго, отжившаго уже служебнаго строя, къ новому, лучшему общественному и воинскому порядку [364].

При такомъ-то настроеніи общества, среди новыхъ молодыхъ людей, самыхъ близкихъ къ болѣзненному отъ природы Ѳеодору Алексѣевичу, явился, съ сильнымъ вліяніемъ на дѣла, еще молодой по лѣтамъ, но великочиновный человѣкъ [365], членъ одного изъ стародавнихъ родовъ, бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и притомъ человѣкъ, соединявшій въ себѣ далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, которое давало ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною стариною [366].

Этому-то вельможѣ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ вѣдать ратныя дѣла и повелѣлъ образовать коммиссію изъ выборныхъ служилыхъ людей, для лучшаго устроенія своихъ ратей. Выборные дали отъ себя мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ видахъ лучшаго устройства ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ, бить челомъ великому государю, дабы повелѣлъ всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ на Москвѣ, въ приказахъ и полкахъ,

у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ, между собою быть безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставить, и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было“ [367].

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по докладѣ ему княземъ Голицынымъ этого мнѣнія выборныхъ людей, назначилъ 12 января 1682 года, чрезвычайный земскій соборъ, который имѣлъ засѣданіе въ тотъ день и единодушно рѣшилъ, „чтобы государь указалъ всѣмъ служилымъ людямъ, во всякихъ чинахъ, быть безъ мѣстъ“.

Въ слѣдствіе сего, Ѳеодоръ Алексѣевичъ уничтожилъ мѣстничество, воспретивъ ссылаться на званія и дѣянія предковъ по службѣ, и тогда же подтвердилъ, чтобы служащіе царю и государству получали званія и отличія не на основаніи старшинства по роду, а по заслугамъ. Затѣмъ, по повелѣнію государя, принесены были всѣ разрядныя книги и, въ виду всего земскаго собора, сожжены въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ Вмѣстѣ съ тѣмъ, государь повелѣлъ держать въ разрядѣ, на память служилымъ людямъ и потомству ихъ, *родословную книгу*. Фамиліи, записанныя въ эту книгу, раздѣлялись на пять степеней или классовъ, какъ значится объ этомъ въ главѣ I-й слѣдующаго четвертаго періода [368].

Послѣ уничтоженія мѣстничества, изъ двухъ дотолѣ господствовавшихъ въ древней Россіи его началъ, родоваго и чиновнаго, осталось только послѣднее. Ворота государственной службы сдѣлались открытыми для всѣхъ; прохожденіе служенія въ чинахъ и достиженіе почестей прямыми заслугами не встрѣчало ни для кого ни какого препятствія; въ число государевыхъ слугъ. подъ условіемъ способности и личныхъ достоинствъ просителя, принимались не только туземцы, но и иностранцы, съ предоставленіемъ всѣмъ имъ помѣстныхъ окладовъ. — При такомъ открытомъ для способныхъ людей доступѣ къ службѣ, представилась, наконецъ, возможность устроить, на мѣсто прежняго дружиннаго ополченія, постоянное, по образцу запад-

ныхъ европейскихъ государствъ, войско, и положить основаніе къ различенію службъ военной и гражданской [369].

Отъ половины IX до конца XVII столѣтія, военная служба въ Россіи не была отдѣлена отъ гражданской: всѣ служилые люди разныхъ чиновъ были воины; многіе изъ нихъ, по временамъ, занимали гражданскія должности, но, при первомъ требованіи, садились на коней и спѣшили въ войско. Только при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, послѣ уничтоженія имъ мѣстничества, когда возбужденъ былъ вопросъ о воинскомъ преобразованіи — о необходимости имѣть постоянное войско, постоянныхъ воеводъ и прочихъ чиновъ — проявилась мысль, объ установленіи и такихъ служебныхъ лицъ, которыя также постоянно занимали бы гражданскія должности въ государствѣ. Соотвѣтственно этому, составленъ былъ и проектъ, объ отдѣленіи гражданскихъ должностей отъ военныхъ; но проектъ остался пока на бумагѣ и не переходилъ въ дѣло; ему дано было дальнѣйшее развитіе лишь законодательствомъ Петра Великаго, какъ видно изъ его знаменательной табели о рангахъ, о которой будетъ рѣчь также въ главѣ 1-й слѣдующаго четвертаго періода [370].

Выводъ изъ историческаго обозрѣнія мѣстничества.

Обративъ вниманіе на изложенные историческіе факты, относящіеся къ началу, сущности и уничтоженію мѣстничества, можно, кажется, прійти къ слѣдующему выводу:

Гордиться службой и заслугами предковъ, какъ доблестью семейною, родовою, было обыкновеніе, по своему началу, дѣйствительно благородное, благородное потому, что въ основаніе понятія о старшинствѣ, или первенствѣ, принимаемы были прошлыя, оказанныя отечеству, заслуги и общественное положеніе предковъ. Никто не рѣшится отказать подобной гордости въ названіи — честной, или, по крайней мѣрѣ, естественной. Но это побужденіе, столь достохвальное въ своемъ основаніи, породило нелѣпое тщеславіе, перешло въ закоренѣлый предразсудокъ, тяготѣвшій надъ судьбами членовъ высшей сферы русскаго общества, и сдѣлавшійся вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ: между служилыми людьми, какъ уже сказано выше, образовалось грубое, эгоистическое понятіе о чести, изъ котораго и развилось мѣстничество — право людей родословныхъ,

людей знатнаго происхожденія, считаться службою предковъ при занятіи мѣстъ и должностей — такое право, которое служило въ практикѣ источникомъ сильнѣйшей безъурядицы во всѣхъ служебныхъ дѣлахъ гражданскихъ и, еще болѣе, военныхъ. Сверхъ того, мѣстничество, какъ такой обычай, при которомъ выражалось стремленіе извѣстныхъ личностей поддерживать достоинство исключительно только своего рода, необходимо влекло за собою настоящую вражду, взаимную ненависть, неизбѣжную родовую усобицу между чиновными людьми и знатнѣйшими фамиліями.

Очевидно, что мѣстничество было одно изъ величайшихъ общественныхъ и государственныхъ золъ. Какъ зло, оно должно было необходимо рухнуть — и дѣйствительно рухнуло безъ малѣйшаго сопротивленія (замѣчательный фактъ) со стороны тѣхъ людей, которые подвергались различнымъ наказаніямъ, отстаивая родовую честь[371]. — Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе мѣстничества было естественнымъ результатомъ, съ одной стороны, поднявшагося уровня общественной цивилизаціи въ Россіи, а съ другой — совершившихся въ ней историческихъ событій, которыя предшествовали царствованію Ѳеодора Алексѣевича и достаточно уже потрясли значеніе этого вѣковаго обычая, этого обветшалаго предразсудка; но нельзя не согласиться и съ мнѣніемъ историка Устрялова, что столь успѣшное, при этомъ государѣ, уничтоженіе мѣстничества было важнѣйшимъ дѣломъ князя Василія Васильевича Голицына — такого человѣка, который былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ своего времени. Дѣло это достопамятно тѣмъ (говоритъ г. Устряловъ), что князь Голицынъ, при веденіи его, обнаружилъ столько же ума, сколько и безкорыстія: съ отмѣною родословныхъ расчетовъ, онъ терялъ едва ли не болѣе другихъ, потому что родъ его принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ, по происхожденію и по службѣ[372].

ГЛАВА V.

Происхожденіе вотчинъ у русскихъ князей. — Право государей русскихъ на всю поземельную собственность страны и происхожденіе вотчинъ у дружинниковъ. — Право русскихъ государей распоряжаться вотчинами служилыхъ людей и наслѣдовать въ оныхъ. — Появленіе помѣстной системы. — Главныя правила помѣстной системы. — Обязанности помѣстныхъ владѣльцевъ. — Назначеніе помѣстьевъ во временное владѣніе. — Исключительное право служилыхъ людей на владѣніе помѣстьями. — Сближеніе вотчинной и помѣстной системъ, проявившееся въ XVII вѣкѣ. — Необходимая связь между землевладѣльцами и земледѣльцами и существованіе между ними договорныхъ отношеній. — Причины прикрѣпленія крестьянъ къ владѣльческимъ землямъ. — Послѣдствія прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. — Учрежденіе приказовъ разряднаго и помѣстнаго.

Происхожденіе вотчинъ у русскихъ князей.

Для разъясненія вопроса о помѣстной системѣ — объ одномъ изъ капитальнѣйшихъ учрежденій древней Россіи — надобно нѣсколько уклониться отъ прямаго разсказа объ этой системѣ, и указать на предшествовавшіе появленію ея факты, относительно происхожденія поземельной собственности, или вотчинъ, въ русской странѣ.

На первомъ, по времени происхожденія своего, планѣ являются отдѣльныя *княжескія вотчинныя владѣнія*. Начало установленія ихъ, какъ мы видѣли во второмъ періодѣ, связано съ именемъ князя Ярослава Всеволодовича (1238 — 1246); по его почину, удѣльныя княжескія владѣнія въ сѣверной части Россіи сдѣлались наслѣдственными въ однѣхъ и тѣхъ же княжескихъ линіяхъ, и стали постепенно переходить въ нисходящее потомство. Обратившись въ частную собственность княжескаго рода, владѣнія эти, называвшіяся вотчинами такъ же, какъ имѣнія частныхъ лицъ, на основаніи господствовавшаго тогда одного частнаго права, дѣлились между членами княжескаго семейства на болѣе дробныя части, отдавались въ наслѣдство женамъ, дѣтямъ и родственникамъ, продавались, покупались[373]. Отъ такого частнаго распоряженія удѣлами, вытекающаго непосредственно изъ вотчиннаго права, произошла чрезвычайная дробность владѣній: въ составѣ удѣльной системы явились князья-вотчинники, которые владѣли самостоятельно однимъ только городомъ, даже селомъ; — такъ, напримѣръ, удѣлъ Іоанна Даніиловича Калиты (1328 — 1340) былъ гораздо менѣе нынѣшней московской губерніи, но и этотъ небольшой

клочокъ былъ раздѣленъ еще на три части, изъ которыхъ коломенско-можайскій удѣлъ снова раздѣлился на двѣ, а серпуховскій, не смотря на свою ничтожность, даже на пять частей [374].

Понятно, что при такомъ господствѣ въ княжескихъ удѣлахъ вотчиннаго начала, въ связи съ неограниченною дробностію имуществъ, многія изъ удѣльныхъ владѣній, по своему измельчанію, совершенно исчезли съ исторической почвы, другія поглощены были во время усобицъ болѣе могущественными сосѣдями, а нѣкоторыя хотя и оставались за владѣльцами прежнихъ княжествъ, но такъ какъ владѣльцы эти, съ развитіемъ московскаго самодержавія, сдѣлались подданными московскихъ государей и поступили къ нимъ въ службу, то и самыя владѣнія ихъ ничѣмъ уже тогда не отличались отъ поземельной собственности прочихъ великокняжескихъ слугъ—бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, стольниковъ и др. [375].

Такъ получили свое начало вотчины въ средѣ русскихъ князей. О происхожденіи же вотчинъ у великокняжескихъ слугъ имѣются въ виду слѣдующія историческія свѣдѣнія:

Право государей русскихъ на всю поземельную собственность страны, и происхожденіе вотчинъ у дружинниковъ.

Права дѣйствительной личной поземельной собственности никогда не существовало въ Россіи. У жителей городовъ и селъ сѣверной части ея, въ удѣльно-вѣчевой періодъ, сохранялась исконная привычка смотрѣть на землю, принадлежавшую тѣмъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе, т. е. считать, что вся земля, во всемъ своемъ составѣ, принадлежала поселившемуся на ней русскому народу, общинѣ, а не отдѣльнымъ лицамъ; пользованіе же поземельными участками было раздѣляемо патріархальными властями, или вѣчами, между общинами и семьями, безъ всякаго права собственности на участокъ того лица, которому онъ былъ выдѣленъ для пользованія [376]. — Но когда, въ послѣдствіи, при усиленіи князей русскихъ, и вѣчевой строй, и общинное владѣніе, потеряли самостоятельное свое значеніе и распались, то земля, также во всемъ своемъ составѣ, естественно стала принадлежать уже князю и именоваться княжескою или государевою—принадлежать на такомъ широкомъ правѣ (въ особенности со временъ Андрея Боголюбскаго), что ни какая дальнѣйшая перемѣна, ни какія новыя отношенія къ землѣ не могли уже произойти безъ

вѣдома и распоряженія князя. Княжескіе слуги или дружинники, при такихъ перемѣнахъ, могли, конечно, удержать за собою *старинную поземельную собственность*, которую предки ихъ, зажиточнѣйшіе изъ дружинниковъ, пріобрѣтали, какъ упомянуто уже въ первомъ періодѣ, покупкою, изъ княжескихъ волостей, въ свое частное владѣніе; но, относительно поземельныхъ правъ своихъ, стали уже вполнѣ зависѣть отъ службы и отъ милости князя[377]. Утвердилось и существовало во всей своей силѣ, до самаго царствованія Екатерины II, правило, что «*одинъ только государь есть полный хозяинъ и вотчинникъ поземельной собственности въ русской странѣ*, и что, поэтому, *имѣнія служилыхъ людей считались не собственностію, а жалованьемъ, даннымъ отъ государя за ихъ службу*»[378]. Основываясь на этомъ, вѣками укоренившемся, правилѣ, сначала удѣльные князья, а потомъ московскіе государи стали распоряжаться землею слѣдующимъ образомъ: участки ея или отдавали во владѣніе членамъ своей дружины съ правомъ населять ихъ вольными и невольными людьми, или жаловали духовенству, или продавали гостямъ (богатымъ купцамъ), которые имѣли всю возможность населить купленную землю[379].

Изъ этого видно, что земли, находившіяся въ частномъ владѣніи были: или *старинныя вотчины* служилыхъ людей — родовыя ихъ имѣнія, или *вотчины*, *пожалованныя* кому нибудь изъ нихъ отъ владѣтельныхъ князей, или, наконецъ, *вотчины*, *купленныя* людьми богатыми, не принадлежавшими къ членамъ княжеской дружины[380]. Но, ко всѣмъ этимъ видамъ имуществъ съ особенною рѣзкостію примѣнялось выше упомянутое правило, которое гласило, что «одинъ только государь есть собственникъ земли въ государствѣ, а всѣ прочіе владѣютъ ею по его милости, безъ полученія на оную правъ собственности»[381].

Право русскихъ государей распоряжаться вотчинами служилыхъ людей и наслѣдовать въ нихъ.

Въ слѣдствіе сего, еще при Василіи Іоанновичѣ (1505—1533), какъ полагаютъ, постановлено было, что вступившіе въ московскую службу, съ уничтоженіемъ удѣловъ, бывшіе ихъ владѣтельные князья не могли ни продать, ни мѣнять, ни отдавать въ приданое своихъ старинныхъ вотчинъ, составившихся изъ прежней ихъ частной собственности, и что, послѣ этихъ служилыхъ людей, въ вотчинахъ ихъ наслѣдуетъ государь. Та-

кое же постановленіе существовало и относительно бояръ и дѣтей боярскихъ, гдѣ сказано, что если они умрутъ, не имѣя дѣтей и близкихъ родственниковъ, то въ вотчинахъ ихъ наслѣдуетъ также государь[382].

Это постановленіе въ сущности осталось неизмѣннымъ и при Іоаннѣ IV, какъ видно изъ узаконенія его, состоявшагося въ 1562 году, въ которомъ сказано, что наслѣдство въ старинныхъ княжескихъ вотчинахъ ограничивается только мужскимъ потомствомъ, съ исключеніемъ дочерей, сестеръ и родственниковъ, и что, послѣ бездѣтныхъ бояръ и сыновей боярскихъ, если ближняго рода и духовной у нихъ нѣтъ, вотчины отбираются на государя[383]. — Еще яснѣе Іоаннъ IV показалъ на дѣлѣ, что одинъ онъ есть полный хозяинъ всего поземельнаго владѣнія въ московскомъ государствѣ. Въ силу этого юридическаго, обычаемъ освященнаго права, отобравъ въ 1558 году у нѣкоторыхъ богатыхъ князей и вельможъ лишнюю землю, Іоаннъ IV далъ каждому, чего былъ достоинъ, а остальную раздѣлилъ неимущимъ служилымъ людямъ[384], уставивъ службу не только съ помѣстьевъ, но и съ вотчинъ боярскихъ[385].

Что жъ касается вотчинъ, данныхъ отъ государей кому нибудь изъ служилыхъ людей, то въ 1572 и 1573 годахъ было опредѣлено, что пожалованныя вотчины наслѣдуются или не наслѣдуются дѣтьми и родными умершаго, смотря по тому, какъ пожалованы: одному ли только пожалованному лицу, или вмѣстѣ его дѣтямъ, женѣ и роду. Если вотчина пожалована была одному лицу, то по смерти его, она отходила на государя, — и, во всякомъ случаѣ, далѣе внучатыхъ (4 степени) какъ въ нисходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ, вотчины этого рода не могли переходить по наслѣдству, и затѣмъ отбирались на государя[386].

Очевидно, что эти законодательныя мѣры, принятыя въ царствованіе Василія Іоанновича и Іоанна IV Васильевича, имѣли цѣлью остановить естественное развитіе вотчинныхъ элементовъ въ княжескихъ и служилыхъ родахъ; но, не смотря на то, вотчинныя начала развивались неудержимо и получили широкое примѣненіе: вскорѣ послѣ смутнаго времени и воцаренія династіи Романовыхъ, вотчинное владѣніе служилыхъ

родовъ утвердилось и, съ тѣхъ поръ, упрочивалось болѣе и болѣе; вотчины переходили изъ рода въ родъ и подвергались совсѣмъ другимъ, чѣмъ помѣстья, правиламъ, касательно распоряженія ими. Такъ, въ правленіе перваго государя той династіи Михаила Ѳеодоровича (1613—1645), относительно наслѣдства въ вотчинахъ родовыхъ и пожалованныхъ, постановлено: вдовамъ послѣ бездѣтныхъ мужей, не давать вотчинъ, отдавать ихъ боковымъ родственникамъ; если послѣ умершаго вотчинника останутся дѣти, то вотчины отдавать сыновьямъ, а дочерямъ давать изъ помѣстьевъ на пропитаніе, — но когда братьевъ нѣтъ, тогда и дочери вотчинамъ вотчичи; внуки и правнуки послѣ родныхъ дѣдовъ и бабокъ съ дядьями и тетками своими родными, въ старыхъ вотчинахъ вотчичи [387].

Появленіе помѣстной системы.

Но, кромѣ вотчинъ, принадлежавшихъ княжескимъ и царскимъ слугамъ, существовали еще въ древней Россіи *помѣстныя земли*, о которыхъ упомянуто и въ приведенныхъ узаконеніяхъ Іоанна IV и Михаила Ѳеодоровича.

Московское государство, значительно расширившееся со временъ Іоанна III (1462 — 1505) присоединеніемъ къ Москвѣ удѣльныхъ княжествъ, требовало, соотвѣтственно такому своему расширенію, увеличенія массы войска и умноженія числа разныхъ должностныхъ лицъ, какъ для пышности двора, такъ и для центральнаго и областнаго управленія [388].

Основу войска составляли въ то время дворяне и дѣти боярскіе. Чтобы прикрѣпить людей этого разряда къ государеву дѣлу, къ службѣ, и обезпечить ихъ положеніе, требовались огромныя денежныя суммы, независимо отъ суммъ, шедшихъ на содержаніе двора и администраціи въ размѣрахъ, дотолѣ неизвѣстныхъ [389]. Между тѣмъ, съ быстрымъ возрастаніемъ московскаго государства, не возрастали его экономическія силы и гражданское развитіе; и потому правительство московское описываемаго времени, не богатое деньгами, отъ бѣдной и мало развитой еще тогда промышленности въ странѣ [390], но имѣвшее въ своемъ распоряженіи громадныя пространства земли, не нашло другаго для обезпеченія воинскихъ людей средства, какъ испомѣстить ихъ на своихъ земляхъ, т. е. назначить каждому отдѣльному лицу за службу, вмѣсто денежнаго жало-

ванья, земельные участки.—И вотъ явилась правительственная *помѣстная система*, имѣвшая такое могущественное вліяніе на перемѣну въ характерѣ русскаго военнаго класса, на дальнѣйшія судьбы самаго государства, по отношенію къ внутреннему порядку гражданской и политической его жизни[391].

Начало существованія этой системы положительно можно отнести къ тому времени, когда Іоаннъ III, великій князь московскій, покоривъ, въ январѣ 1478 года, подъ свою власть Новгородъ, взялъ за себя въ новгородской области церковныя земли владычни и монастырскія, и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья[392]. Фактъ этотъ очевидно показываетъ, что установленіе московскими государями помѣстной системы было плодомъ не разъ уже упомянутыхъ стремленій удержать всю поземельную собственность за государями, какъ вотчинниками ея, предоставляя служилымъ людямъ одно лишь временное пользованіе ею во все продолженіе службы[393]. Такимъ образомъ, земли этого рода, или помѣстья, первоначально (до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ) были не что иное, какъ или пустынныя незаселенныя пространства, или мѣстности съ вольнымъ, жившимъ на нихъ по договорамъ, населеніемъ, свободныя отъ частнаго владѣнія, но принадлежавшія государю, по силѣ господствовавшаго тогда вотчиннаго права,—были, слѣдовательно, такія земли, которыя составляли собою тотъ служебный или государственный фондъ, съ котораго отводились многочисленные участки какъ служившимъ уже, такъ и вновь поступавшимъ на службу высшаго класса людямъ, въ видѣ жалованья, для временнаго ихъ владѣнія и пользованія[394].

Главныя правила помѣстной системы.

Сущность условій, положенныхъ въ основаніе помѣстной системы, сводится къ слѣдующимъ главнымъ правиламъ:

Помѣстья давались служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, изъ волостей, селъ и деревень великаго князя, въ различныхъ размѣрахъ, смотря по чину или служебному разряду каждаго, давались для того, чтобы они могли содержать себя и, по призыву государя, отбывать служебныя военныя обязанности. При чемъ, въ огражденіе интересовъ правительства и самой службы, помѣстные участки давались жалованными отъ государя грамотами во владѣніе только лицамъ, способнымъ къ военной

службѣ, какъ по возрасту, такъ и по физическому ихъ здоровью и нравственному развитію. Отсюда прямо слѣдуетъ, что только тотъ могъ имѣть помѣстье, кто служилъ, т. е. совершеннолѣтнее, годное для службы мужескаго пола лицо [395].

Когда у служилаго человѣка достигали сыновья 18 лѣтняго возраста, то, по удостовѣреніи въ видимой годности къ ихъ назначенію, они верстались (записывались) въ государеву службу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтали право на помѣстный вкладъ, потому что такъ названный служилый человѣкъ сталъ уже немыслимъ безъ помѣстья. Право это сыновей выражалось въ томъ, что они или припускались къ отцу въ помѣстье, или жаловались помѣстьями въ отводъ отъ отца. Конечно, сынъ могъ получить помѣстье отца послѣ его смерти; но это зависѣло отъ многихъ сторонніхъ условій и случайныхъ обстоятельствъ, и ни мало не вытекало изъ началъ помѣстнаго права; напримѣръ, если сынъ становился годенъ для службы именно въ то время, когда отецъ умиралъ, и если служебный разрядъ, въ который онъ поступилъ, былъ тотъ самый, въ какомъ состоялъ отецъ, то сынъ могъ получить помѣстье отца. Но если у отца было нѣсколько сыновей, то тотчасъ же оказывалось, что преемство въ помѣстьѣ не было наслѣдованіемъ, потому что наслѣдство дѣлилось между дѣтьми, а помѣстье могло поступить отъ отца нераздѣльно къ одному изъ его сыновей, прочіе же получали другіе помѣстные участки [396].

Въ основаніе расчета при назначеніи величины помѣстья, отводимаго сыновьямъ каждаго изъ служилыхъ людей, принимаемы были только служебные чины или разряды, къ коимъ принадлежали отцы, т. е. принималось въ соображеніе: были ли они въ разрядѣ московскихъ дворянъ, или дворянъ городовыхъ, изъ которыхъ послѣдніе подраздѣлялись еще на три статьи—на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ,—или же состояли они въ разрядѣ дѣтей боярскихъ, которыхъ также было три статьи—большая, средняя и меньшая [397]. — Относительно сего предмета въ постановленіяхъ Іоанна IV находится извѣстіе, что лицамъ, употреблявшимся на разныя посылки и не имѣвшимъ вотчинъ близъ Москвы верстъ за 60 или 70, раздавались въ московскомъ уѣздѣ по-

мѣстья по степени ихъ разрядовъ, именно, боярамъ и окольничимъ по 200, дѣтямъ боярскимъ большой статьи по 200, средней—по 150 и меньшей—по 100 четвертей, каждому отдѣльному лицу[398]. Такое распредѣленіе участковъ служитъ также доказательствомъ того, что помѣстья давались не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, т. е. людямъ ратнымъ, но и высшимъ государственнымъ сановникамъ — боярамъ, которые, сидя въ приказахъ или отправляя воеводскія обязанности, не оставляли и ратнаго дѣла[399].

Обязанности помѣстныхъ владѣльцевъ.

Но, владѣя, такимъ образомъ, своими участками и пользуясь отъ нихъ доходами, служилые люди подчинялись вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ условіямъ и обязательствамъ, соединеннымъ съ ихъ званіемъ. Поставленные въ полную зависимость отъ государя московскаго, они должны были, по первому требованію правительства, лично отправляться въ походъ противъ непріятеля, въ своей одеждѣ, въ назначенномъ вооруженіи, съ своими лошадьми, съ извѣстнымъ запасомъ продовольствія, и приводить съ собою, опредѣленное закономъ, соразмѣрно величинѣ и доходамъ поземельнаго участка, число конныхъ и пѣшихъ ратниковъ изъ своихъ холопей или наемниковъ. Такъ, напримѣръ, установлено было положеніемъ Іоанна IV, что владѣлецъ 100 четвертей доброй, угожей земли (удобной для пахатныхъ полей, сѣнокосныхъ луговъ и выгоновъ и способной имѣть населеніе) долженъ былъ выступать на войну на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальній походъ — при двухъ коняхъ[400].

Это личное обязательство военной службы было общимъ для всѣхъ членовъ служилаго класса и притомъ на всю жизнь; ихъ вычеркивала изъ списка только смерть; и потому, съ уклоненіемъ отъ обязанностей службы, помѣщикъ не только подвергался личной отвѣтственности, но и терялъ право на свое помѣстье: оно отписывалось на государя[401]. Освобождались же отъ военной службы только тѣ помѣстные владѣльцы, которые не могли нести ее, по своему полу (женщины), за старостію, болѣзнію, увѣчьемъ, а также тѣ, которые находились у дѣлъ: изъ московскаго чина—въ придворныхъ должностяхъ, на воеводствѣ, въ посольствѣ; изъ городоваго чина—по выборамъ въ званіи губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и др.[402].

Назначеніе помѣстьевъ во временное владѣніе.

Вышеприведенныя служебныя условія показываютъ, что владѣніе помѣстными участками было лишь срочное пользованіе ими, было пользованіе, такъ сказать, процентами съ капитала—со стоимости земли. Отсюда, далѣе, слѣдуетъ, что земли, которыя предоставлялись служилымъ людямъ за службу и для службы, носили названіе имѣній несвободныхъ, и не могли ни у кого изъ нихъ почитаться дѣйствительною, полною ихъ собственностію. Владѣльцы подобныхъ земель не могли ими распоряжаться, не въ правѣ были, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ни продавать ихъ, ни уступать, ни совершать на нихъ крѣпостныхъ актовъ, по той единственно причинѣ, чтобы таковыя земли, какъ имущество, даваемое, по тогдашнему обычаю, служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, не могли перейти въ посторонніе руки, но оставались бы безусловно и постоянно собственностію государевой казны, и не пустѣли бы. Впрочемъ, помѣщики могли полюбовно мѣняться своими участками подъ условіемъ, чтобъ эта мѣна была ровна, чтобъ пашня пашнѣ землею и всякими угодьями и доходомъ были ровны и не пусты, чтобъ государевой службѣ и податямъ, при этой мѣнѣ, убытка не было[403].

Исключительное право служилыхъ людей на владѣніе помѣстьями.

Ограничивая, такимъ образомъ, свободное распоряженіе служилыхъ людей помѣстною ихъ землею, власть государственная тѣмъ самымъ преграждала лицамъ неслужилаго класса доступъ къ владѣнію помѣстными дачами, и держалась всегда высказаннаго еще въ XVI вѣкѣ, въ дополнительномъ къ Судебнику Іоанна IV указѣ 1573 года, начала, въ силу котораго земли, выдѣленныя изъ государственнаго фонда первоначально для государевой службы, не должны выходить изъ того разряда людей, коего поземельное владѣніе основано на лично-служебномъ его значеніи—начала, по которому *землевладѣльцемъ могъ быть только служилый человѣкъ*[404]. Въ слѣдствіе сего, подвергались запрещенію владѣть въ московскомъ государствѣ помѣстными и вотчинными землями на правѣ собственности: люди промышленнаго и торговаго класса, извѣстные подъ именемъ гостей и посадскихъ; всѣ городскіе жители; монахи и монастырскіе слуги; крестьяне всѣхъ наименованій — дворцовые, черносошные, вотчинные, помѣщичьи, церковные или монастыр-

скіе[405]. — Вообще съ развитіемъ помѣстной системы, правительство московское постоянно стремилось къ сосредоточенію поземельнаго владѣнія исключительно въ классѣ служилыхъ людей, которые должны были отбывать за это государственную службу во всю жизнь. Поэтому, ни сами они, ни дѣти ихъ, какъ такія личности, коимъ присвоенъ характеръ слугъ государевыхъ, приписанныхъ къ высшему общественному разряду, не могли переходить въ другія низшія общественныя званія; тогда существовавшія, какъ то, въ званіе купцовъ, посадскихъ, боярскихъ холопей[406] и т. д. — Позднѣе, въ періодъ Уложенія 1649 года и въ первой четверти XVIII вѣка, образовалось уже офиціальное понятіе о томъ, что *право поземельнаго владѣнія, вотчиннаго и помѣстнаго, признавалось исключительною принадлежностію однихъ только служилыхъ людей*. — При такомъ воззрѣніи на предметъ, въ томъ же Уложеніи говорилось, что дѣти неслужилыхъ отцовъ, купившія вотчины, должны были записываться въ государеву службу, въ противномъ случаѣ вотчины отбирались въ казну[407].

Итакъ, все изложенное выше приводитъ къ заключенію, что одну изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ дѣятельности московскаго правительства составляли постоянныя заботы его о неотчуждаемости помѣстныхъ земель — заботы, продолжавшіяся до эпохи царствованія Петра Великаго, прекратившаго раздачу помѣстьевъ[408].

Сближеніе вотчинной и помѣстной системъ, проявившееся въ XVII вѣкѣ.

Коренное правило помѣстной системы, какъ объяснено уже, выражалось въ томъ, что отводимые служилымъ людямъ участки помѣстной земли, въ вознагражденіе за обязательную ихъ службу государству, всегда носили на себѣ характеръ личнаго пожизненнаго владѣнія и условнаго пользованія. Нерѣдко случалось, однако, что пожалованное государевою грамотою помѣстье обращалось владѣльцу его въ вотчину, т. е. въ его собственность, связанную, впрочемъ, съ лежавшими на сей вотчинѣ такими же, какъ и на помѣстьѣ, служебными обязанностями[409].

Очевидно, что помѣстный и вотчинный способы владѣнія, глубоко различные одинъ отъ другаго по своимъ юридическимъ началамъ, вытекали изъ одного источника — царскаго пожалованія. Отъ того-то въ XVII вѣкѣ вотчинная и помѣстная си-

стемы, не смотря на все ихъ различіе, дополняли одна другую: вотчины точно такъ же обязывали къ службѣ, какъ и помѣстья, слѣдовательно подчинены были государственному характеру и представляли несвободную собственность въ томъ смыслѣ, что влекли за собою личную повинность безусловно и безсрочно на всю жизнь, и преимущественно повинность военную. Помѣстья давались тому, у кого не было вотчины; вдовы, дочери, родственницы, малолѣтныя дѣти умершихъ служилыхъ людей, обезпечивались помѣстьями только въ такомъ случаѣ, когда у нихъ не было вотчинъ; за измѣну, даже за уклоненіе отъ службы, отбираемы были отъ владѣльцевъ въ государеву казну безразлично какъ помѣстья, такъ и вотчины; а когда крестьяне, прикрѣпленные, какъ увидимъ ниже, къ помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ, составили нераздѣльную принадлежность послѣднихъ, то владѣльцы сихъ земель стали одинаково пользоваться ихъ рабочею силой, для своихъ хозяйственныхъ и служебныхъ цѣлей, и одинаково подчинены были московскому государю, какъ «отчичу и дѣдичу» всей поземельной собственности въ государствѣ[410]. Посему-то совершившееся окончательно, при Петрѣ Великомъ, сліяніе помѣстныхъ и вотчинныхъ правъ въ одно общее право на недвижимыя имущества, не измѣнило сущности или юридическаго начала поземельнаго права въ Россіи; сущность осталась прежняя: право государя на состоящія въ частномъ владѣніи земли казалось безспорнымъ[411].

Начала помѣстнаго владѣнія примѣнялись на практикѣ довольно строго при Іоаннѣ IV (1533 — 1584); но въ XVII вѣкѣ вотчинный элементъ, получившій уже обширное развитіе, сталъ мало-по-малу проникать и въ помѣстную систему. Къ этому содѣйствовали двѣ побудительныя причины: во-первыхъ, весьма было естественно, что сынъ всячески старался оставить за собою родительское помѣстье, гдѣ отецъ его имѣлъ осѣдлость, домъ, хозяйство,—посему, раньше всѣхъ другихъ установилось правило, что сынъ не только получаетъ, преимущественно передъ всѣми другими, помѣстье отца, но даже обязанъ удержать его за собою предпочтительно передъ прочими помѣстьями; и во-вторыхъ, часто случалось, что единственнымъ

средствомъ существованія помѣщика были доходы отъ его помѣстья, а когда онъ умиралъ, то члены его семейства, съ потерею помѣстья, оставались безъ крова и пищи. Посему, для обезпеченія существованія ихъ, оставлялись имъ помѣстья умершаго служилаго человѣка: сыновьямъ до поступленія на службу, вдовѣ и дочерямъ до ихъ смерти, замужества или вступленія въ монастырь; послѣ чего выдѣленные имъ помѣстные участки отписывались на государя. Такимъ образомъ, къ помѣстьямъ стали косвенно примѣняться начала наслѣдованія[412].

Такъ какъ на практикѣ оказалось рѣшительно невозможнымъ провести оба начала, вотчинное и помѣстное, различавшіяся между собою своими характерами, первое — частнымъ гражданскимъ, а послѣднее — государственнымъ; то законодательство стало постепенно отступать отъ помѣстнаго начала въ пользу вотчиннаго, пока, наконецъ, отступленіе это не обратилось въ общее правило[413], какъ показываютъ слѣдующія главнѣйшія по этому предмету постановленія:

Первое ополченіе смутнаго времени московскаго государства, въ 1611 году, опредѣлило: послѣ убитыхъ и умершихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не оставившихъ ни женъ, ни дѣтей, помѣстья отдавать роду ихъ и племени, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, а мимо родственниковъ, помѣстьевъ ихъ не отдавать. — Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ подтвердилъ это распоряженіе, пояснивъ только, что такому же порядку законнаго наслѣдованія подлежатъ помѣстья и взятыхъ въ плѣнъ или пропавшихъ безъ вѣсти[414]. — Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича 1649 года повелѣвалось: подмосковныя помѣстья оставлять за дѣтьми умершаго независимо отъ помѣстныхъ окладовъ; а по новоуказнымъ статьямъ 1676 года, мать, жена и сыновья помѣщика, оставившаго послѣ себя малыя помѣстныя дачи, дѣлили ихъ между собою по равнымъ частямъ, дочери же получали изъ этихъ дачъ вдвое меньшія части, чѣмъ прочіе. — Часто начали оставлять также за сыновьями, внуками и правнуками всѣ помѣстья отцовъ, не обращая вниманія, какъ требовалось началами помѣстной системы, на то, совершеннолѣтніе они или нѣтъ, имѣютъ ли или не имѣютъ помѣстья, достанется ли, въ слѣдствіе этого, больше помѣстьевъ, чѣмъ поло-

жено по разряду, или не достанется,—и всѣ эти изъятія обращены, наконецъ, въ 1684 году, въ общее правило[415]. — Завелся еще, сверхъ того, обычай давать помѣстья въ приданое по частному условію, а не по распоряженію правительства, и изъ этихъ помѣстьевъ мужу, по смерти бездѣтной его жены, постановлено, въ 1681 году, выдавать четвертую часть[416].

Такимъ образомъ, во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ, помѣстья получали совершенно частный характеръ, соотвѣтствовавшій семейнымъ цѣлямъ, удобствамъ временныхъ владѣльцевъ ихъ, и чрезъ это, видимымъ образомъ, приблизились къ вотчинамъ, съ значительнымъ отступленіемъ отъ основныхъ началъ помѣстной системы[417].

Необходимая связь между землевладѣльцами и земледѣльцами, и существованіе между ними договорныхъ отношеній.

Отъ разныхъ видовъ поземельнаго владѣнія самый естественный переходъ къ мирнымъ насельникамъ земли—къ земледѣльцамъ, безъ которыхъ немыслимо сельское хозяйство.—Читателю уже извѣстно, что, со временъ Іоанна III, всѣ служилые люди—лица чиновнаго состава—получали за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должны были содержать себя и имѣть всегда въ запасѣ всѣ воинскія принадлежности, необходимыя для выступленія въ походъ противъ непріятеля. Понятно, что возможность содержать себя и являться на службу въ требуемомъ видѣ зависѣла отъ дохода, который получалъ помѣщикъ съ своего земельнаго участка, а доходъ этотъ зависѣлъ отъ населенія земли, такъ какъ земля сама по себѣ, земля пустынная, предоставленная однимъ силамъ природы, безъ приложенія постояннаго человѣческаго труда, не могла дать ожидаемыхъ отъ нея хлѣбныхъ растеній и прочихъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ земледѣльческой промышленности. Посему, всѣ земли какъ помѣстныя, такъ и вотчинныя, требовали ежегодной обработки, чтобы владѣльцы обоихъ этихъ видовъ вещественнаго капитала могли получать хорошій доходъ, обезпечить существованіе свое съ семействами и отправлять обязательную свою службу государству[418].

Съ этою, точно опредѣленною, цѣлью, помѣстныя и вотчинныя земли отдавались въ наемъ постояннымъ воздѣлывателямъ ихъ, людямъ безземельнымъ, по тогдашнему выраженію, крестьянамъ[419], людямъ, пользовавшимся въ древней Россіи, до исхода

XVI столѣтія, полною свободою переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного землевладѣльца къ другому, въ опредѣленный для сего Уложеніемъ Іоанна III, писаннымъ въ 1497 году, одинъ срокъ въ продолженіе каждаго года — за недѣлю до осенняго Юрьева дня и черезъ недѣлю послѣ онаго, т. е. въ такое время, когда полевыя работы кончены и зерновый хлѣбъ уже убранъ, по крайней мѣрѣ, съ полей. Постановленіе это подтверждено и Іоанномъ IV въ 1550 году[420].—Условія найма опредѣлялись взаимнымъ между землевладѣльцами и крестьянами соглашеніемъ. По тогдашнему положенію сельскаго хозяйства, на всѣхъ земляхъ—дворцовыхъ и черныхъ, составлявшихъ государеву принадлежность, помѣщичьихъ и вотчинныхъ, находившихся въ частномъ владѣніи — имѣлась полная хозяйственная обстановка земледѣльца, т. е. стояли, уже готовыя для пріюта, избы, были готовыя земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, зерно для посѣва и прочія принадлежности земледѣльческаго промысла, словомъ, весь оборотный капиталъ, для веденія сельскаго хозяйства[421].

Такъ какъ земли было много, а рукъ мало, по рѣдкости населенія, отношенія же между землевладѣльцами и крестьянами были чисто-договорныя, то послѣдніе не упускали, конечно, случая получить отъ первыхъ болѣе выгодныя для себя предложенія, какъ относительно работы и оброка, который бывалъ или денежный или хлѣбный, такъ и относительно прочихъ повинностей, которыя должны были они отправлять за пользованіе землею. При обиліи земли и недостаткѣ для обработыванія ея рукъ, всего важнѣе было для землевладѣльцевъ перезывать къ себѣ, какъ можно болѣе, работниковъ, и удерживать ихъ у себя разными средствами, къ числу которыхъ относился и обычай давать крестьянамъ впередъ деньги въ ссуду, съ условіемъ, что если они не заплатятъ ихъ въ срокъ, то обязаны жить навсегда у заимодавца. Подобнымъ средствомъ, конечно, могли пользоваться преимущественно богатые и сильные землевладѣльцы, имѣвшіе, сверхъ того, возможность и другими льготами сманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земель бѣдныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ; и потому, послѣдніе, лишившись рабочихъ рукъ въ такую пору года, когда

онѣ были имъ нужны, не только поставлены были въ самое затруднительное положеніе выполнять, лежавшія на нихъ, государственныя служебныя обязанности, но часто несли невознаградимыя потери и вовсе разорялись — разорялись отъ того, что, принадлежавшія имъ, обитаемыя хлѣбопашцами, избы, падали отъ нерадѣнія этихъ временныхъ хозяевъ, а земледѣліе и скотоводство находились въ самомъ грустномъ состояніи. Сверхъ того, для великорусскаго крестьянина, съ исконнымъ его бродячимъ характеромъ, явилась въ то время и приманка къ переселенію въ другія мѣстности: или на югъ—въ образовавшееся тогда на Днѣпрѣ и Донѣ воинственное казачество, приглашавшее въ среду свою любителей воли; или на востокъ—въ зауральскія горы, въ далекую, неизмѣримую Сибирь [422].

Причины прикрѣпленія крестьянъ къ владѣльческимъ землямъ.

Всѣ эти обстоятельства, взятыя въ совокупности, не могли остаться незамѣченными со стороны государственной власти и повели, наконецъ, людей высшаго круга къ убѣжденію, что государство, давшее служилому человѣку пустынную землю, обязано было снабдить его землю и постоянными работниками, для обращенія ея въ пахатную и извлеченія, чрезъ обработку ея, дохода—иначе онъ служить не могъ, и что, слѣдовательно, крестьяне постоянно должны были служить владѣльцамъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, дабы послѣдніе могли отбывать свою государственную службу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получать достаточное, за выполненіе служебныхъ своихъ обязанностей, вознагражденіе [423]. При такомъ-то проявленіи русской исторической жизни въ сѣверной Россіи, послѣдовало запрещеніе перехода крестьянъ и прикрѣпленіе ихъ къ владѣльческимъ землямъ, въ видахъ поддержанія, посредствомъ обязательнаго труда крестьянъ, тогдашней обязательной службы лицъ чиновнаго состава и удовлетворенія вообще государственныхъ потребностей [424].

Законъ о всеобщемъ укрѣпленіи крестьянъ, о томъ, чтобы послѣдніе оставались за тѣми землями, на которыхъ они, во время изданія сего закона, жили, состоялся въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, вступившаго на престолъ въ 1584 г. Сила этаго закона подтверждена вновь указомъ 1597 г., и, такимъ образомъ, окончательно было заявлено, что положеніе

страны настоятельно требуетъ такой мѣры, и что возвратъ къ прежнему порядку вещей для крестьянъ невозможенъ [425].

Хотя жъ, при Годуновѣ, въ 1601 году, возстановленъ былъ временно выходъ крестьянъ, притѣсняемыхъ мелкими землевладѣльцами, но выходъ этотъ обусловливался тѣмъ, что крестьянинъ могъ, если хотѣлъ, воспользоваться выходомъ, но не къ богатому землевладѣльцу, у котораго ожидалъ получить больше льготы, а къ другому, мелкому же [426].

Въ мартѣ 1607 года, Шуйскій подтвердилъ прикрѣпленіе крестьянъ, какъ мѣру полезную для служилыхъ людей, въ которыхъ, по обстоятельствамъ времени, государство чувствовало особенную нужду, для защиты отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и чѣмъ сильнѣе чувствовалась эта нужда, тѣмъ важнѣе казалось и прикрѣпленіе—единственное, по тогдашнему понятію, средство для жизни и для службы ратныхъ людей [427].

Послѣ ужаснаго переворота, какой испытало московское государство въ смутное время (1605 — 1613), потребность прикрѣпленія крестьянъ не только поддерживалась, но, въ нѣкоторомъ отношеніи, была еще необходимѣе, чѣмъ прежде, потому что эпоха смутъ развратила народъ, пріучила его къ безпорядкамъ и своевольствамъ, и правительство должно было съ трудомъ вести его къ порядку. Для достиженія этой цѣли, съ введеніемъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, составлявшихся отъ лица правительства, крестьяне приписаны по нимъ къ землѣ, и, получивъ черезъ такую приписку прочную осѣдлость, стали принадлежать или государю, или служилымъ людямъ, или духовенству, и такъ какъ поземельныя владѣнія, вотчинныя и помѣстныя, были такимъ основнымъ служебнымъ фондомъ, съ котораго отправлялась владѣльцами государственная служба, то и крестьяне, прикрѣпленные къ тѣмъ землямъ, сдѣлались также нераздѣльною частію этаго фонда.—Та же государственная необходимость, которая наложила обязанности личной службы на землевладѣльцевъ, закрѣпила и обязательный трудъ крестьянъ въ пользу вотчинниковъ и помѣщиковъ, какъ обладателей этого фонда. Съ тѣхъ поръ, всѣ крестьяне обработывали землю, платили

владѣльцу оброкъ, подчинялись его суду (исключая уголовныхъ преступленій) и были отчуждаемы вмѣстѣ съ землею [428].

Послѣдствія прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

Совершившееся, такимъ образомъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не только положило предѣлъ передвижкѣ сельскаго населенія, но и поставило существенное различіе между гражданскими правами разныхъ классовъ русскаго общества и рѣзкое отдѣленіе ихъ одного отъ другаго. Бывъ естественнымъ послѣдствіемъ системы помѣстной, прикрѣпленіе таковое создало съ одной стороны привилегированную поземельную собственность — собственность лицъ чиновнаго класса или разряда, недоступную для всѣхъ прочихъ классовъ общества, а съ другой господскую власть, опиравшуюся, просто и прямо, на силу государственной власти, установившей подчиненность людей крѣпостнаго состоянія къ ихъ господамъ, единственно сообразно съ надобностями государственнаго порядка и благоустройства [429].

Впрочемъ, личная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ имѣла тотъ естественный результатъ, что крестьяне, въ свою очередь, получили отъ нихъ для пропитанія себя съ семействами, изъ вотчинныхъ или помѣстныхъ участковъ, въ постоянное пользованіе такъ названный пашенный жеребей (надѣлъ), т. е. полевую землю, которой они другимъ способомъ пріобрѣтать не могли, а вмѣстѣ съ тѣмъ давались каждому тягловому крестьянину изба съ усадебной землей и потребныя для домашняго и полеваго хозяйства принадлежности. Въ слѣдствіе сего, крестьяне получили прямыя и косвенныя матеріальныя выгоды, обезпечивавшія ихъ жилищами и пищею, а землевладѣльцы—постоянство въ рабочихъ силахъ на своей землѣ [430].

Вотъ краткій очеркъ двухъ знаменательныхъ въ древней Россіи системъ, вотчинной и помѣстной.

Учрежденіе приказовъ разряднаго и помѣстнаго.

Такъ какъ съ постояннымъ возрастаніемъ общей численности служилыхъ людей—вотчинниковъ и помѣщиковъ—увеличивалось и дѣло по снабженію ихъ поземельными участками, то естественно, что и кругъ дѣйствій обѣихъ системъ постоянно расширялся и достигъ такого объема, что, наконецъ, явилась потребность въ отдѣльномъ по этой части органѣ управленія, который и созданъ былъ въ XVI вѣкѣ подъ именемъ двухъ приказовъ: разряднаго и помѣстнаго. Первый вѣдалъ преиму-

щественно воинскія дѣла и распоряжался мѣстами и лицами, состоявшими въ государственной службѣ — военной, гражданской, посольской; второй — завѣдывалъ раздачею служилымъ людямъ, за ихъ службу, вотчинъ и помѣстьевъ, представлявшихъ собою земли, способныя имѣть осѣдлое населеніе, а слѣдовательно приносить и опредѣленный доходъ въ пользу ихъ владѣльцевъ[431].

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО КОНЦА ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(1689 — 1796).

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСЛОВІИ.

Старинный служилый классъ, раздробившійся на чиновныхъ людей, высшихъ и низшихъ ранговъ, получаетъ, съ наступленіемъ XVIII вѣка, существенное измѣненіе въ своемъ политическомъ установленіи. Измѣненіе это главнымъ образомъ выразилось: I. Въ образованіи изъ такъ названныхъ служилыхъ людей особаго въ государствѣ благороднаго сословія. II. Въ обязательной для членовъ ея государственной службѣ и въ обязательной научной ихъ къ ней подготовкѣ. III. Въ освобожденіи всего сословія отъ обязательной службы. IV. Въ превращеніи членовъ этого сословія въ привилегированный классъ людей. V. Въ организаціи, изъ этого привилегированнаго класса, уѣздныхъ и губернскихъ обществъ, съ правомъ участвовать въ мѣстномъ управленіи. — Такимъ образомъ, по числу указанныхъ здѣсь пяти предметовъ, вошедшихъ въ программу, для предстоящаго изслѣдованія о русскомъ дворянствѣ, разсматриваемый четвертый періодъ дѣлится на пять главъ.

ГЛАВА I.

Образованіе высшаго сословія, названнаго шляхетствомъ.—Чины и цѣль установленія ихъ.—Таблица или роспись чинамъ военнымъ и гражданскимъ.—Существованіе неразрывной связи между чинами и должностями.—Усвоеніе чинамъ, независимаго отъ должностей, значенія.—Прекращеніе производства въ старинные чины. — Общія постановленія, изложенныя въ табели о рангахъ: А. О пріобрѣтеніи дворянства. — Б. О преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими. — Значеніе табели о рангахъ въ служебномъ и сословномъ отношеніи. — Проявленіе въ шляхетствѣ сословнаго единства и сословныхъ интересовъ. — Стремленіе старинной родовой знати обособиться отъ новаго чиновнаго шляхетства. — Дворянскія родословныя книги.—Присвоеніе всему высшему сословію титуловъ: дворянство и благородство.—Обязанности герольдмейстера по отношенію къ членамъ дворянскаго сословія.

Образованіе высшаго сословія, названнаго шляхетствомъ.

Первымъ просвѣтителемъ и державнымъ преобразователемъ внутренняго быта въ новой Россіи былъ Петръ Великій — необыкновенно великій человѣкъ, двигатель и вождь своего народа, соединявшій въ себѣ, съ геніальностію ума, многостороннюю дѣятельность, могучую волю и несокрушимую твердость, словомъ, былъ государь, съ котораго начинается новый періодъ государственной жизни въ русской странѣ. Посвятивъ себя всецѣло государственнымъ дѣламъ, онъ, съ самаго начала своего царствованія, обратилъ усиленное вниманіе на тотъ высшій классъ русскаго общества (помѣщиковъ и вотчинниковъ), который, съ древнѣйшихъ временъ русской исторіи, извѣстенъ былъ подъ именемъ дружины княжеской или княжескаго двора, и который, съ эпохи государствованія Іоанна III, назывался классомъ служилыхъ чиновныхъ людей[432].

Предъидущее изслѣдованіе объ этомъ классѣ показало, что его члены, не смотря на общность своей службы государству, вѣчно обязательной, никогда не группировались въ одно сословіе, имѣющее какое-нибудь земское стремленіе, но существовали постоянно въ своемъ чиновномъ раздробленіи, повлекшимъ за собою взаимное другъ отъ друга отчужденіе, недовѣрчивость и совершенную разрозненность. Бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольничимъ, тѣмъ менѣе съ думнымъ или простымъ дворяниномъ, дворянинъ—съ сыномъ боярскимъ и т. д.; сколько чиновъ, столько отдѣльныхъ круговъ, не имѣвшихъ ни какого единства, ни какой внутренней другъ съ другомъ связи: честь каждаго изъ нихъ была различна и коренилась не въ общей

обязательной для всѣхъ службѣ государству, не въ общей принадлежности къ одному и тому же разряду людей, отбывавшихъ эту службу; но въ знатности, въ породѣ, въ «отечествѣ»[433].

Петръ Великій занялся собираніемъ въ одно цѣлое, разрозненныхъ другъ отъ друга, чиновныхъ людей — этихъ потомковъ прежнихъ дружинниковъ, служебныхъ князей и иноплеменныхъ, благороднаго происхожденія, выходцевъ, — обобщилъ разрозненные ихъ интересы и образовалъ изъ нихъ одну общественную группу въ формѣ сословія, давъ сему послѣднему наименованіе *шляхетства*, встрѣчающееся въ первый разъ въ одномъ изъ его указовъ 1712 года[434].

Но это учрежденіе, заключившее въ себѣ разрядъ людей опредѣленнаго званія, съ присвоенными ему особыми правами и обязанностями, отличавшими его отъ остальнаго народонаселенія, построено было уже на совершенно новыхъ началахъ. Уважая, въ извѣстной степени, знатную породу, которою главнымъ образомъ обусловливалось повышеніе чиновныхъ людей, даже по уничтоженіи мѣстничества, Петръ Великій водворилъ начало служебной годности лица, т. е. юридическую, посредствомъ образованія, подготовку къ принимаемой этимъ лицомъ на себя обязанности, давъ, такимъ образомъ, возможность каждому способному человѣку выдвинуться впередъ, каково бы ни было его происхожденіе, и войти въ ряды шляхетства. посредствомъ чиновъ, на табели о рангахъ 24 января 1722 года основанныхъ[435].

Чины и цѣль установленія ихъ.

Слово *чинъ*, какъ названіе, не есть пустой звукъ, а напротивъ, въ практическомъ примѣненіи, имѣетъ опредѣленный свой смыслъ. Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ существуютъ различные офиціальные органы, или государственные слуги, посредствомъ которыхъ обнаруживается дѣйствіе верховной власти по части законодательной, распорядительной и судебной, и которые, независимо отъ размѣра денежнаго вознагражденія за службу, имѣютъ передъ собою установленныя ступени служебнаго повышенія, съ присвоеніемъ каждой опредѣленныхъ названій и преимуществъ; самое же это повышеніе, т. е. движеніе по служебнымъ ступенямъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, или, что одно и то же, движеніе съ низшей на выс-

шую изъ этихъ ступеней, и составляетъ собственно то, что называется въ служебномъ мірѣ чиномъ[436]. Такимъ образомъ, чинъ, правильно понятый, имѣетъ официальное значеніе каждаго правительственнаго органа, или каждой правительственной личности, и выражаетъ собою не только знакъ гражданскаго достоинства, установленный закономъ, но считается, во всякомъ случаѣ, и заслуженною наградою, даруемою отъ верховной власти въ государствѣ исполнителямъ воли ея, за добросовѣстные ихъ труды на дѣйствительной службѣ[437] — наградою, которая, сверхъ того, имѣетъ цѣлью возбудить въ прочихъ такихъ же дѣятеляхъ благородное соревнованіе и чувствованія чести[438]. — Посему-то чины, признанные необходимыми для обозначенія ступеней государственной службы и получившіе важность, въ силу утвержденія ихъ верховною властію, являются всеобщимъ установленіемъ въ монархическихъ государствахъ, и, соотвѣтственно главнымъ частямъ политическаго ихъ строя, раздѣляются на чины военные, гражданскіе и придворные[439].

Въ предъидущихъ трехъ періодахъ мы уже видѣли: а) что, въ исторической жизни русскаго народа, съ древнѣйшихъ временъ употреблялись чины въ смыслѣ служебномъ, установленные удѣльными князьями и московскими государями, подъ разными наименованіями[440]; б) что эти чины жалуемы были заслуженнымъ лицамъ одною только верховною въ государствѣ властію, по ея милостивому къ нимъ вниманію, отъ чего обыкновенно и назывались чины государевою милостію, такъ какъ государь дѣйствительно могъ, по своей волѣ, кого угодно наградить, напримѣръ, чиномъ боярина, и лишить его этого чина[441]; в) что чинъ, какъ выраженіе личныхъ заслугъ, составлялъ исключительную принадлежность пріобрѣтшаго это внѣшнее отличіе лица, и потому его чиновное названіе не могло быть передаваемо нисходящимъ потомкамъ, сынъ же боярина, окольничаго и проч., долженъ былъ самъ дослуживаться до сана отцовскаго[442]; и г) что чины, раздѣлялись такъ же, какъ выше сказано, на придворные, военные и гражданскіе, существовали, въ своемъ старинномъ строѣ, до временъ Петра Великаго[443].

Мысли, руководившія царя Ѳеодора Алексѣевича, при уничтоженіи имъ мѣстничества и при составленіи законодательнаго проекта, направленнаго къ тому, чтобы отдѣлить гражданскія должности отъ военныхъ — мысли эти приняты въ основаніе и Петромъ Великимъ, при изданіи имъ новаго закона о чинахъ, извѣстнаго подъ именемъ *Табели о рангахъ 24 января 1722 года*, донынѣ господствующей въ главныхъ своихъ основаніяхъ, — закона, гдѣ всѣ чины или должности государственныя размѣщены на служебной лѣстницѣ въ опредѣленномъ порядкѣ, по классамъ, и, подлѣ чиновъ или должностей военныхъ, являются чины или должности гражданскія[444]. Ясно, что этотъ новый законъ былъ необходимымъ продолженіемъ или развитіемъ, соотвѣтственно требованію времени, того, что уже начато было предмѣстниками Петра. Да и вообще, при ближайшемъ изученіи отечественной исторіи XVII и XVIII вѣковъ, оказывается, что оба они не раздѣляются между собою глубокою бездною, какъ полагали по сіе время, — что, между древнею московскою Россіею и эпохою царствованія Петра Великаго, есть близкая внутренняя связь, — и что многое въ реформахъ его было подготовлено всѣмъ предшествовавшимъ временемъ русской исторіи[445]. — Учрежденіе чиновъ, каково бы ни было дѣйствительное значеніе ихъ, уже существовало, и реформа Петра только ихъ видоизмѣнила: старыя отечественныя названія чиновъ и должностей замѣнены имъ иностранными, по образцу нѣмецкихъ государствъ, такъ какъ сама сила вещей вынуждала насъ облечься въ европейскія формы, для удобнѣйшаго знакомства съ другими народами западной Европы, опередившими насъ, русскихъ, въ развитіи, и богатыми уже тогда запасомъ умственной пищи, собранной посредствомъ книгопечатанія, способствовавшаго къ быстрому между народами обмѣну мыслей по предметамъ, имѣющимъ общественное и политическое значеніе[446].

Табель о рангахъ 24 января 1722 года содержитъ въ себѣ двѣ существенныя особенности: I. Таблицу или роспись всѣмъ соединеннымъ въ ней чинамъ. II. Общія постановленія относительно лицъ, пріобрѣтшихъ эти чины.

Таблица или роспись чинамъ военнымъ и гражданскимъ.

I. Таблица или роспись чинамъ показываетъ, что всѣ русскіе государственные чины, установленные для разныхъ вѣдомствъ военно-морскаго, военно-сухопутнаго и гражданскаго, подраздѣлены на XIV служебныхъ классовъ этихъ чиновъ, или ступеней повышенія въ государственной службѣ, изъ которыхъ первую, низшую ступень, составляетъ чинъ XIV, а послѣднюю, высшую — образуетъ чинъ I класса[447]. Сверхъ того, таблица эта представляетъ не только движеніе государственныхъ чиновъ по всѣмъ ступенямъ классной лѣстницы, но и сравнительное ихъ между собою значеніе, состоящее въ томъ, что классы чиновъ, или должностей, морскихъ и военно-сухопутныхъ, равносильны классамъ чиновъ, или должностей, гражданскихъ, какъ это самымъ наглядным образомъ показано въ нижеслѣдующей росписи чинамъ[448].

ЧИНЫ ВОЕННЫЕ.		ЧИНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.	Классы.
МОРСКІЕ.	СУХОПУТНЫЕ.		
. . . . .	Генералиссимусъ.	. . . . .	
Генер.-Адмиралъ	Фельдмаршалъ	Канцлеръ или Дѣйст. Тайн. Совѣтн.	I.
Адмиралъ	Генералъ отъ артиллеріи . . Генералъ отъ кавалеріи. . . Генералъ отъ инфантеріи . .	Дѣйств. Тайный Совѣтникъ.	II.
Вице-Адмиралъ .	Генералъ-Лейтенантъ	Тайный Совѣтникъ.	III.
Контръ-Адмир. .	Генералъ-Маіоръ	Дѣйст. Статскій Совѣтникъ .	IV.
Кап.-Командоръ.	Бригадиръ [449].	Статскій Совѣтникъ	V.
Капитанъ 1 ранга	Полковникъ	Коллежскій Совѣтникъ . . .	VI.
Капитанъ 2 ранга	Подполковникъ	Надворный Совѣтникъ	VII.
ФлотаКап.-Лейт. Арт. Кап. 3 ранга	Маіоръ	Коллежскій Ассесоръ	VIII.
ФлотаЛейтенант. Арт.Кап.-Лейтен.	Капитанъ или Ротмистръ [450].	Титулярный Совѣтникъ . . .	IX.
Арт.-Лейтенантъ	Штабсъ-Кап. или Штабъ-Ротм. [451]	Коллежскій Секретарь. . . .	X.
. . . . .	. . . . .	Сенатскій Секретарь	XI.
Флота Мичманъ.	Поручикъ	Губернскій Секретарь . . .	XII.
Арт. Констапель	Подпоручикъ	Сенатскій Регистраторъ . .	XIII.
. . . . .	Прапорщикъ или Корнетъ [452].	Коллежскій Регистраторъ . .	XIV.

Остановимся, читатель, еще на нѣкоторыхъ существенныхъ подробностяхъ, служащихъ къ поясненію этой таблицы или росписи чинамъ.

Военные чины, показанные въ таблицѣ и существующіе до настоящаго времени, появились при Петрѣ Великомъ съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, но получили право гражданства законодательнымъ путемъ только лишь въ 1711 году, когда были изданы первые штаты арміи; затѣмъ, въ слѣдующемъ 1712 году появились чины: секундъ-поручикъ, секундъ-капитанъ, секундъ и премьеръ-маіоръ. — Въ воинскомъ уставѣ 1716 года встрѣчаются тѣ же военные чины, которые поименованы въ вышеприведенной таблицѣ, за исключеніемъ чина генералъ-фельдмаршалъ-лейтенанта; а изъ значащихся въ томъ уставѣ оберъ-офицерскихъ чиновъ фендрика и капитанъ-поручика, первый названъ въ таблицѣ прапорщикомъ или корнетомъ, а второй штабсъ-капитаномъ. Въ штатѣ Анны Іоанновны опять находимъ чины секундъ и премьеръ-маіоровъ, которыхъ нѣтъ ни въ воинскомъ уставѣ, ни въ таблицѣ; при ней же являются въ образованныхъ, въ 1731 году, кирасирскихъ полкахъ чины ротмистровъ, вмѣсто капитановъ. При Екатеринѣ II капитаны карабинернаго и пикинерныхъ полковъ переименованы также въ ротмистры[453].

Гражданскіе чины введены были у насъ также за-долго до изданія въ 1722 году табели о рангахъ, какъ показываютъ слѣдующіе факты. Когда объявлены были высочайшія награды военнымъ и гражданскимъ сановникамъ послѣ побѣды, одержанной надъ шведами подъ Полтавою 27 іюня 1709 года, то изъ числа послѣднихъ пожалованы были: князь Григорій Долгоруковъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а бояринъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ въ тайные совѣтники. Въ 1710 году Владиславичъ-Рагузинскій произведенъ въ надворные совѣтники; а графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ въ 1711 году былъ азовскимъ генералъ-губернаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ[454].

Существованіе неразрывной связи между чинами и должностями.

По буквальному смыслу табели о рангахъ, чины и классы означали не номинальныя степени или почетныя титла, созданныя позднѣйшимъ законодательствомъ о чинахъ, а самыя мѣста, т. е. гражданскія должности. Чинъ обусловливался должностію и обозначался настоящимъ, органически связаннымъ съ нею, именемъ: чинъ, по идеѣ Петра Великаго, какъ внѣшній по-

четный титулъ, помимо должности, не имѣлъ никакого значенія[455]. Такъ, напримѣръ, коллежскій совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникъ коллегіи, и состоявшіе съ нимъ въ одномъ и томъ же шестомъ классѣ оберъ-секретарь сената и прокуроры въ коллегіяхъ не назывались коллежскими совѣтниками, хотя и были, какъ сейчасъ сказано, въ одномъ классѣ или разрядѣ съ лицами, носившими это должностное названіе. Подобнымъ образомъ коллежскій ассесоръ, секретарь или регистраторъ, былъ дѣйствительно ассесоромъ, секретаремъ и регистраторомъ коллегіи, и ничего больше[456]. Производство въ гражданскіе чины или, правильнѣе сказать, въ должности предоставлено было сенату: въ высшіе чины онъ баллотировалъ, а низшіе просто сказывалъ[457].

Усвоеніе чинамъ независимаго отъ должностей значенія.

Въ позднѣйшее время, начиная съ царствованія Анны Іоанновны, распоряженія правительствъ о чинахъ уклонились отъ первоначальной ихъ идеи: чины начали получать самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей. Затѣмъ, въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, впервые опредѣлены и сроки, для производства въ чины, какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, съ предоставленіемъ въ этомъ отношеніи законодательствомъ Екатерины II нѣкоторыхъ преимуществъ (объясненныхъ ниже въ подлежащемъ мѣстѣ) въ пользу высшаго благороднаго сословія, называвшагося уже тогда дворянствомъ[458].

Прекращеніе производства въ старинные чины.

Одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго, обязанный ему своимъ образованіемъ, трудившійся, въ его царствованіе, надъ первымъ критическимъ сводомъ отечественныхъ лѣтописей, Василій Никитичъ Татищевъ, разсуждая о разныхъ родахъ службы для шляхетства, говоритъ: „Петръ Великій, который великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ, чинъ придворныхъ ни во-что вмѣнялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оные весьма въ презрѣніи были и, лучше сказать, что никого не было“ [459].—И дѣло понятное. Великій преобразователь внутренняго быта Россіи отличался, какъ извѣстно, крайнею бережливостію, скромностію, простотою во всей обстановкѣ—въ одеждѣ, пищѣ, въ устройствѣ своего малочисленнаго двора. Являющійся вездѣ

ищущимъ истинной, дѣйствительной пользы государства, поглощенный заботами о настоятельныхъ нуждахъ его, Петръ не находилъ и времени думать о внѣшнихъ удобствахъ, о блескѣ, пышности или придворномъ представительствѣ; и потому, относясь неблагосклонно къ прежнимъ придворнымъ чинамъ, служившимъ только для внѣшняго блеска при торжественныхъ выходахъ во дворцѣ, уничтожилъ ихъ въ исходѣ XVII столѣтія [460], или лучше сказать, пересталъ еще съ 1695 года производить въ старые, какъ государственные, такъ и придворные чины [461], и не переименовалъ даже тѣхъ и другихъ въ новые, по табели о рангахъ, классы, а оставилъ ихъ доживать свой вѣкъ. И вотъ почему они, эти старые чины, продолжали существовать не только въ царствованіе Петра Великаго, но и при первыхъ его преемникахъ, почти до половины XVIII столѣтія, и, вымирая, сами собою упразднились; прямаго же закона объ уничтоженіи ихъ не было [462].

Многія изъ такихъ лицъ назначались къ отправленію разныхъ государственныхъ должностей—губернаторовъ въ губерніяхъ, воеводъ въ провинціяхъ и т. д., съ сохраненіемъ прежнихъ своихъ чиновъ, которыхъ не желали они перемѣнить на новые, единственно по своей привязанности къ старинѣ. Но были и такіе изъ прежнихъ царскихъ чиновниковъ, которые, при опредѣленіи ихъ къ должностямъ, переименованы въ новые, установленные Петромъ Великимъ, чины. Такъ, напримѣръ, Сумароковъ и Плохой, изъ стряпчихъ съ ключемъ, переименованы были, въ 1703 году, въ камергеры; князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій пожалованъ, въ 1725 году, Екатериною I, изъ ближнихъ стольниковъ, въ дѣйствительные тайные совѣтники [463]; стряпчій Григорій Никитичъ Чаплинъ, при назначеніи его указомъ 1727 года воеводой въ Можайскъ, переименованъ въ маіоры [464]. Наконецъ, были еще титуловавшіеся до-петровскими чинами старики, жившіе безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ; они носили бороды, держались предковскихъ порядковъ, привычекъ и понятій, и жили воспоминаніями о старой Москвѣ. Послѣдними представителями лицъ этой категоріи были: боярскаго чина фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, скончавшійся въ 1750 году; окольни-

ческаго чина Алексѣй Алексѣевичъ Юшковъ; стольническаго—Артемій Ивановичъ Челищевъ, встрѣчающійся въ 1740 году. Съ ними пресѣклись самые эти чины и уже потомъ никогда не возстановлялись [465].

Въ табели о рангахъ 1722 года, изъ придворныхъ чиновъ подъ новыми названіями, показаны дѣйствительные камергеры въ полковничьемъ, а камеръ-юнкеры въ капитанскомъ чинѣ. Въ 1737 году, по указу Анны Іоанновны, заботившейся о пышности и великолѣпіи своего двора, первые переименованы въ чинъ генералъ-маіора, послѣдніе въ чинъ полковничій. Затѣмъ, при Елисаветѣ Петровнѣ образовалось правило, по которому званія камергера и камеръ-юнкера давали право на чины, первое IV, а второе—V класса, въ слѣдствіе чего камеръ-юнкеры и перенесены въ чинъ бригадирскій, въ 1742 году [466]. Оба званія эти при Екатеринѣ II раздаваемы были сыновьямъ знатнѣйшихъ фамилій, иногда въ колыбели; и потому, нѣкоторые члены высшаго дворянства были прирожденными дѣйствительными статскими и статскими совѣтниками. При императорѣ Александрѣ I состоялся именной указъ, данный Сенату 3 апрѣля 1809 года, о неприсвоеніи званіямъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ ни какого чина, и о вмѣненіи въ обязанность лицъ, въ сихъ званіяхъ состоящихъ, вступить въ дѣйствительную службу, а также о томъ, что на будущее время, эти званія должны были имѣть значеніе однихъ придворныхъ отличій, не присвоивающихъ никакого чина [467].

II. Кромѣ таблицы или росписи чинамъ, къ поясненію которой приведены изложенныя историческія свѣдѣнія, табель о рангахъ 1722 года содержитъ еще въ себѣ общія постановленія: *А*, о пріобрѣтеніи дворянства; и *Б*, о преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими.

Общія постановленія, изложенныя въ табели о рангахъ: *А*, о пріобрѣтеніи дворянства; и *Б*, о преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими.

А. О пріобрѣтеніи дворянства.

Способы пріобрѣтенія дворянства установлены были слѣдующіе: достиженіе извѣстныхъ чиновъ; пожалованіе дворянскаго достоинства; пожалованіе герба; и пожалованіе титуловъ: князя, графа, барона.

Достиженіе извѣстныхъ чиновъ.

Дослужившіеся въ военной службѣ до перваго оберъ-офицерскаго чина, или получившіе въ гражданской и придворной службѣ восемь первыхъ ранговъ, причислялись, со всѣми своими законными дѣтьми, рожденными по производствѣ отцовъ въ чины, къ лучшему старшему дворянству, хотя бы они были и низкой породы. Поэтому, всѣ таковыя лица—военныя, гражданскія и придворныя—пріобрѣтали съ своимъ потомствомъ обоего пола права на дворянство, которое въ законодательствѣ нашемъ и называется наслѣдственнымъ или *потомственнымъ дворянствомъ*[468].

Тѣ же, не изъ дворянъ, которые дослужились какъ въ гражданской, такъ и придворной службѣ до чиновъ отъ XIV до IX класса включительно, пріобрѣтали названіе *личнаго дворянства*, т. е. дворянство ограничивалось только одними ихъ лицами и не переходило на ихъ дѣтей[469].

Впрочемъ, изъ этихъ общихъ правилъ, сдѣланы были два исключенія: 1) если у лица, не изъ дворянъ, получившаго первый военный оберъ-офицерскій чинъ, по производствѣ его въ этотъ чинъ, не родится дѣтей, а будутъ прежде рожденныя, то отцу дозволено было просить о пожалованіи дворянства одному изъ сихъ послѣднихъ; и 2) относительно личныхъ дворянъ, указомъ изданнымъ 31 января 1724 года, вскорѣ по обнародованіи табели о рангахъ, было постановлено: если дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, то потомству ихъ дозволялось просить дворянства дѣйствительнаго. Равнымъ образомъ, если отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, и состояли двадцать лѣтъ безпорочно въ службѣ, то внуку дозволялось просить дворянства дѣйствительнаго[470].

Пожалованіе дворянскаго достоинства.

До-Петра Великаго не существовало пожалованіе дворянства, да и быть оно не могло, потому что дворянства, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, тогда не было, а были только чины. Князь Долгорукій, въ своей россійской родословной книгѣ говоритъ, что при Петрѣ Великомъ въ дворянское достоинство возведенъ былъ Кузьма Гурьевъ, родоначальникъ графовъ Гурьевыхъ[471]. Акинфій Никитичъ Демидовъ, сынъ Никиты Демидовича Демидова, изъ тульскихъ крестьянъ, былъ второй

русскій человѣкъ, который, въ силу табели о рангахъ, пожалованъ былъ Екатериною I дипломомъ на потомственное дворянство, въ 1726 году [472]. Затѣмъ, возведенія въ дворянство, помимо чиновъ и службы, совершались и въ послѣдующія царствованія; особенно часто они случались при Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II [473].

Пожалованіе герба.

Задолго, до эпохи царствованія Петра Великаго, существовало уже въ западной Европѣ твердо установившееся правило, что спутникомъ благородства и однимъ изъ личныхъ преимуществъ каждаго потомственнаго дворянина, свидѣтельствовавшимъ о его достоинствѣ, былъ гербъ съ геральдическими атрибутами, носившій характеръ наслѣдственности, т. е. перехода изъ рода въ родъ безъ измѣненія [474]. До конца XVII столѣтія, въ Россіи не было гербовъ, потому что не было и въ нравахъ высшаго класса людей употребленіе геральдическихъ знаковъ, какъ пишетъ объ этомъ Котошихинъ [475]. Вообще же отсутствіе гербовъ естественно объясняется еще и тѣмъ, что идея о гербѣ, какъ необходимомъ, видимомъ и осязательномъ отличіи каждаго дворянскаго рода, могла явиться не ранѣе самой идеи о дворянствѣ, какъ сословіи, имѣющемъ извѣстныя права личныя и имущественныя, а такія права стали развиваться, какъ уже выше объяснено, лишь въ царствованіе Петра Великаго, и ограждены, наконецъ, положительнымъ закономъ, изданнымъ въ 1722 году подъ именемъ табели о рангахъ [476]. Гербъ, какъ внѣшній символъ дворянства той личности, которая имъ владѣетъ, былъ жалуемъ каждому благородному, достигшему опредѣленныхъ чиновъ, за заслуги и подвиги [477]. Петръ Великій прямо говоритъ, что возводить въ дворянство и жаловать гербомъ можетъ одинъ только государь. Между тѣмъ, въ началѣ XVIII вѣка, употребленіе дворянствомъ гербовъ развилось до того, что нѣкоторыя личности своевольно изобрѣтали себѣ гербы, которыхъ предки ихъ не имѣли, а иныя приняли смѣлость употреблять даже гербы коронованныхъ государей и знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій, дѣйствительно ихъ имѣющихъ; поэтому необходимо было регулировать употребленіе гербовъ. Обративъ на это вниманіе, табель о рангахъ поручила учрежденному

при сенатѣ, на мѣсто уничтоженнаго разряда, герольдмейстеру для завѣдыванія дворянскими и служебными дѣлами, требовать отъ дворянъ доказательствъ ихъ благородства, а отъ тѣхъ, которые имѣютъ гербы, требовать свѣдѣній, отъ кого и когда имъ пожалованы. Дозволялось же давать гербы: лицамъ, дослужившимся до оберъ-офицерства; иностранцамъ изъ дворянъ; равно какъ не служившимъ, но могущимъ доказать свое дворянство за сто лѣтъ [478].

Пожалованіе титуловъ: князя, графа, барона.

Одновременно съ образованіемъ, изъ разныхъ старинныхъ чиновныхъ людей, сословія — шляхетства и съ установленіемъ гербовъ для его членовъ, введены Петромъ Великимъ дворянскіе титулы—княжескій, графскій, баронскій. Титулы таковые никому не жаловались въ Россіи до царствованія этого государя. Одинъ только княжескій титулъ существовалъ въ древней Россіи, но онъ не былъ пожалованіемъ, а принадлежалъ или рюриковичамъ — потомкамъ великихъ и удѣльныхъ русскихъ князей, или гедиминовичамъ—потомкамъ великихъ князей литовскихъ, или азіатскимъ владѣльцамъ—потомкамъ грузинскихъ, татарскихъ и горскихъ владыкъ. Что жъ касается графовъ и бароновъ, ихъ тогда вовсе не было въ Россіи; титулы эти заимствованы Петромъ Великимъ у западной Европы, которой онъ старался уподобиться и въ этомъ отношеніи, при преобразованіи Россіи. Онъ первый сталъ отличать сановниковъ, за ихъ заслуги, этими аристократическими названіями [479]. Первоначально, сказанные иностранные титулы, русскіе дворяне, по ходатайству петербургскаго двора, получали отъ германскихъ императоровъ, и, первымъ русскимъ графомъ, возведеннымъ въ это достоинство германско-римскимъ императоромъ въ 1694 году, былъ Мусинъ-Пушкинъ [480]. Но скоро, потомъ, Петръ Великій самъ началъ жаловать графскіе и баронскіе титулы. Прежде другихъ, удостоились отъ него графскаго отличія родъ Шереметевыхъ въ 1706 году, и баронскаго—Шафировъ въ 1710 году [481]. Титулъ княжескій, какъ выше сказано, былъ породнымъ титуломъ многихъ русскихъ дворянскихъ фамилій (Горчаковыхъ, Одоевскихъ, Вяземскихъ, Волконскихъ, Репниныхъ, Щербатовыхъ и др.). Меншиковъ, первый возведенъ былъ государемъ въ княжеское достоинство, и

сдѣланъ былъ сначала княземъ римской имперіи въ 1705 году, а потомъ Петръ Великій возвелъ его въ свѣтлѣйшіе князья Ижорскіе въ 1707 году [482]. Пожалованные, такимъ образомъ, княжескими и графскими титулами съ Петра Великаго начали именоваться «сіятельствомъ,» «свѣтлостію.» Наименованія эти перенесены были и на породныя княжескія фамиліи, которыхъ онѣ, до царствованія сего государя, не имѣли. «Свѣтлость» сравнительно съ «сіятельствомъ»—наименованіе болѣе почетное, и спеціально давалось государями нѣкоторымъ княжескимъ фамиліямъ, которыя поэтому назывались «свѣтлѣйшими.» Что же касается титула баронскаго, то онъ особеннымъ какимъ либо наименованіемъ (прилагательнымъ) но пользовался [483].

и *Б.* О преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими.

Нѣсколькими годами раньше изданія табели о рангахъ, именно въ 1712 году, выданъ былъ Петромъ Великимъ указъ, которымъ повелѣвалось: «сказать всему шляхетству, чтобъ каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ (какой бы фамиліи не былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, а ежели кто противъ сего не почтитъ офицера, положить штрафъ, треть его жалованья» [484]. Въ самой же той табели постановлено было, что военный чинъ имѣетъ преимущество предъ чиномъ гражданскимъ соотвѣтствующаго класса [485]. Въ постановленіи этомъ ясно выразилось преобладающее качество Петра Великаго: на сколько внутреннее управленіе государствомъ составляло до него назначеніе царей, на столько воинственность, со времени этого государя, получила первенство. Воинственность—характеръ Петра Великаго и источникъ всѣхъ его дѣяній: внѣшняя безопасность Россіи, торжество надъ врагами, тріумфы военные—вотъ чего искалъ государь и къ чему велъ онъ Россію, которую любилъ пламенно! Притомъ же Петръ Великій думалъ, что государство только тогда можетъ процвѣтать, когда усовершенствуется ратное дѣло, въ коемъ видѣлъ, кромѣ ручательства внѣшней безопасности, источникъ порядка и образованія. Отъ того онъ высоко цѣнилъ службу военную и, на дѣлѣ, никогда не слагалъ съ себя зва-

нія главнокомандующаго, между тѣмъ какъ внутреннее управленіе часто предоставлялъ сенату, или другимъ лицамъ съ титуломъ вице-королей и царей. Почитая себя первымъ слугою государства, первымъ русскимъ чиновникомъ и творцемъ чиновничества (бюрократіи) вообще, самъ онъ служилъ государству, — а проходя послѣдовательно всѣ классы своей табели о рангахъ, начиная отъ самыхъ низшихъ военныхъ чиновъ, не только гордился чиномъ полковника, но установилъ закономъ, что чинъ офицера даетъ право на дворянство и имѣетъ предпочтеніе предъ равнымъ чиномъ гражданскимъ. Сверхъ того, разрѣшеніе вопроса о такомъ предпочтеніи могло основываться еще и на томъ соображеніи, что военно-служащій подвергается безпрестанному передвиженію и безпрестанному риску самою жизнію, во время походовъ и въ самыя минуты битвы съ непріятелемъ [486].

Вотъ краткое изложеніе классификаціи, показанныхъ въ табели о рангахъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, а также и правилъ, относящихся къ пріобрѣтенію соединеннаго съ чими дворянства и къ сравнительному между ними значенію!

Значеніе табели о рангахъ въ служебномъ и сословномъ отношеніи.

Теперь, кажется, ясно, что табель о рангахъ 1722 года, надъ составленіемъ которой работалъ самъ Петръ Великій [487], есть законодательный актъ весьма радикальнаго свойства, открывшій достоинству и заслугамъ свободное поприще, отъ котораго заслоняли ихъ знатность и порода, — есть законъ перешедшій въ нравы и укоренившійся на той почвѣ, для которой онъ созданъ, — есть, наконецъ, краеугольный камень нашей государственной службы, и, хотя позднѣйшія постановленія измѣнили табель о рангахъ въ нѣкоторыхъ ея статьяхъ, все-таки она остается въ русскомъ законодательствѣ основнымъ памятникомъ до нашихъ дней. Будь направленіе данное табелью о рангахъ, неестественнымъ, оно и кончилось бы со смертію Петра Великаго, между прочимъ, потому, что большинство современниковъ смотрѣло враждебно на его нововведенія. Но царь-преобразователь, установляя табель о рангахъ, зналъ, что, изъ всѣхъ личныхъ эгоистическихъ побужденій, у военно-служащаго остается одно честолюбіе, вызывающее стать на высшую степень въ своей средѣ, и, что, потому, чинъ,

дававшій извѣстныя права лицу, его имѣвшему, есть самый могущественный рычагъ, — одинъ изъ главныхъ двигателей, возбуждающій энергію дѣятельности въ служебной жизни.—И дѣйствительно, противъ чина можно многое и многое сказать; но нельзя не признать, что учрежденіе чиновъ было вполнѣ раціональное, никакъ нельзя утверждать, чтобъ они не были притягательной силой[488].

Въ табели о рангахъ знаменательно въ особенности то, что она окончательно опредѣлила преимущество чина предъ породой и обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличій. Это преимущество проявилось и въ частныхъ общественныхъ отношеніяхъ: рангъ мужей распространился и на ихъ женъ; дѣвицы, которыхъ отцы выше рангомъ, получали преимущество предъ дамами, которыхъ мужья ниже рангомъ[489]. Но важнѣйшее дѣло табели о рангахъ, повліявшее на послѣдующія судьбы дворянства, состоитъ въ томъ, что она, установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, свела въ одну общественную группу и людей знатнаго происхожденія, богатыхъ обширными помѣстьями, и потомковъ военныхъ офицеровъ, и гражданскихъ чиновниковъ отъ коллежскаго ассесора, и, такимъ образомъ положила твердое основаніе зарожденію отдѣльнаго сословія, понятіе о которомъ развивается постепенно между его членами при преемникахъ Петра Великаго и достигаетъ опредѣленной выработки въ послѣдней четверти разсматриваемаго XVIII столѣтія, какъ покажетъ читателю предстоящее послѣдовательное объ этомъ предметѣ изложеніе[490].

Извѣстно, что въ старину у насъ не было сословій въ теперешнемъ смыслѣ этого слова. Крестьяне, посадскіе, гости, служилые люди, не составляли сословій; это были многочисленныя и отдѣльныя группы людей, различавшихся между собою болѣе или менѣе видною общественною дѣятельностію, извѣстнаго рода занятіями, промыслами, профессіей. Поэтому высшій классъ современнаго русскаго общества, заключавшій въ себѣ всѣхъ поименованныхъ въ третьемъ періодѣ чиновныхъ людей — отъ боярина до сына боярскаго и жильца, — мало отличался въ обыкновеніяхъ отъ низшихъ классовъ — горожанъ и всѣхъ родовъ поселянъ[491]. Но, когда въ составъ

высшаго класса, по волѣ Петра Великаго, вошли и древнія русскія служилыя фамиліи, существовавшія до установленныхъ имъ преимуществъ службы, и новыя, образовавшіяся въ слѣдствіе этихъ преимуществъ; то произошли въ то же время и значительныя измѣненія по отношенію къ этому, возникшему въ новой формѣ, классу. Въ видахъ сближенія членовъ его съ западною европейскою цивилизаціею, Петръ Великій употреблялъ мѣры къ образованію ихъ и, одновременно съ этимъ, приказалъ брить бороды и одѣваться въ европейское или нѣмецкое платье[492]. Эти требованія, обусловливавшія бытъ высшаго класса, его качество службы въ государствѣ, чрезъ которую онъ сдѣлался благороднымъ классомъ, положили рѣзкое разграниченіе между нимъ и остальной массой народа, и естественно повели къ сознанію необходимости организоваться въ видѣ обособленнаго сословія, съ сословною связью, съ понятіемъ объ общихъ сословныхъ интересахъ и о формальной сословной чести, преобразовавшейся изъ породной «отческой» чести въ честь личности человѣческой[493]. Новая организація людей этого разряда потребовала и новаго, опредѣленнаго, общаго для всѣхъ ихъ названія, которое отличало бы ихъ отъ остальнаго народонаселенія, и служило бы выраженіемъ ихъ сословнаго единства. И вотъ явилось названіе *шляхетство*, названіе, которое при Петрѣ Великомъ сдѣлалось офиціальнымъ и постоянно употреблялось потомъ, до половины XVIII вѣка, въ постановленіяхъ и правительственныхъ актахъ[494].

Появленіе въ шляхетствѣ сословнаго единства и сословныхъ интересовъ.

Новое сословіе, такимъ образомъ поставленное, не замедлило показать на дѣлѣ, что оно сознаетъ общность сословныхъ интересовъ и дорожитъ сословною честію. — Въ первый годъ царствованія Анны Іоанновны, сенатъ представилъ ей всеподданнѣйшій докладъ о томъ, что «по закону о майоратѣ, изданному Петромъ Великимъ 23 марта 1714 года для шляхетства, старшій сынъ получаетъ деревни, а младшіе, его братья, движимое имущество, и тѣмъ же закономъ вмѣнено послѣднимъ въ обязанность искать себѣ хлѣба службой, ученіемъ, торговлей и прочимъ; но на самомъ дѣлѣ требованіе это не исполняется, потому что всѣ шляхетскія дѣти берутся въ сухопутную и морскую военную службу нижними чинами,

и, будучи лишены участія въ наслѣдованіи недвижимымъ отцовскимъ имѣніемъ, подвергаются продолжительной въ нижнихъ чинахъ военной службѣ и приходятъ, наконецъ, въ такое положеніе, что уже всѣ свои шляхетные поступки теряютъ». Въ слѣдствіе сего, сенатъ ходатайствовалъ объ уничтоженіи майората, на что императрица и изъявила высочайшую волю свою 31 декабря 1730 года[495]. — Позднѣе, въ 1737 году, когда было сдѣлано распоряженіе о приготовленіи молодыхъ дворянъ къ гражданской службѣ при правительственныхъ мѣстахъ, особымъ сенатскимъ указомъ запрещено было приказнымъ служителямъ озлоблять тѣхъ дворянъ какимъ-нибудь невѣжествомъ; самимъ же этимъ дворянамъ предписано было «оказывать свою природу (шляхетство) добрыми поступками, честнымъ обхожденіемъ и учтивостію, соблюдать чистоту въ платьѣ и бѣльѣ, чтобы не безчестно было являться предъ честными (благородными) людьми»[496].

Эти два акта—докладъ и указъ сената — служатъ яснымъ доказательствомъ проявленія уже тогда сословныхъ понятій въ высшемъ классѣ русскаго общества: кромѣ того, что продолжаютъ употреблять слово «шляхетство», для означенія цѣлаго сословія, говорятъ уже о шляхетныхъ поступкахъ, жалуются, что младшіе дворянскіе сыновья, при обязательной службѣ въ нижнихъ чинахъ, теряютъ шляхетные поступки; а отъ тѣхъ, которые готовились къ гражданской службѣ, требуютъ оказывать свою природу добрыми поступками, честнымъ обхожденіемъ и учтивостію. Важно и ново здѣсь то, что поддерживаются не личные, не одного какого нибудь рода, интересы, а интересы всего сословія, и оскорбляются тѣмъ, что нѣкоторые изъ членовъ его, со введенія майората, подвергаются искушеніямъ вести себя въ жизни не такъ, какъ прилично члену благороднаго сословія. Понятіе о своихъ интересахъ, о своихъ обязанностяхъ, стали уже прилагать не къ старинному родовому союзу, а къ членамъ союза сословнаго, получившаго свое начало лишь только съ первой четверти XVIII столѣтія[497].

Петръ Великія, вдвинувъ въ ряды шляхетства старые чины — и бояръ и дѣтей боярскихъ, а послѣ замѣны старыхъ

Стремленіе старинной родовой

знати обособиться отъ новаго чиновнаго шляхетства.

новыми — и генераловъ и прапорщиковъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и коллежскихъ ассесоровъ, — распространилъ общность личныхъ и служебныхъ правъ и обязанностей на все сословіе и на каждаго его члена въ отдѣльности, такъ какъ, по мысли царя-преобразователя, передъ лицомъ государства послѣдній, выслужившійся дворянинъ не разнился отъ знатныхъ родичей — потомковъ Мономаха[498]. — Понятно, что реформа въ такомъ направленіи, достаточно уже окрѣпшемъ, была тяжкимъ ударомъ исключительному положенію исконной родовой знати, строго хранившей могущественныя нѣкогда начала родоваго единства и родовой чести[499]. Знатныя фамиліи, проникнутыя воспоминаніемъ о прежнемъ своемъ значеніи и положеніи въ государствѣ, не могли равнодушно видѣть, какъ, пріобрѣтеніемъ новыхъ чиновъ военной и гражданской службы, принижались и затемнялись древнія права ихъ и преимущества. Въ слѣдствіе сего, старыя, знатныя, богатыя фамиліи, и новыя, — изъ генеральскихъ чиновъ и крупной бюрократіи, обезпеченныя также матеріально, — обособились отъ фамилій низшаго чиновнаго дворянства бѣднаго матеріальными средствами. Люди родословные отвергли людей чиновныхъ. Такимъ образомъ, изъ первыхъ возникла особая группа, назвавшая себя *аристократіею*,—изъ послѣднихъ составилась также группа подъ именемъ *рядоваго* или *чиновнаго дворянства*[500].

Это раздвоеніе родоваго и чиновнаго шляхетства, проявившееся почти въ одно время съ его образованіемъ при Петрѣ Великомъ, не имѣвшее, впрочемъ, ни какихъ юридическихъ отличій, замѣтно обозначилось уже при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны (1730—1740), и продолжало фактически существовать до временъ Екатерины II, какъ это обнаружилось и въ коммиссіи, составленной, по манифесту 14 декабря 1766 года, ихъ депутатовъ со всего государства, для сочиненія проекта новаго уложенія.—Шляхетство, чрезъ своихъ представителей (ярославское — чрезъ князя Щербатова, романовское — чрезъ князя Давыдова, курское — чрезъ Стромилова и др.) заявило въ этой коммиссіи о томъ, чтобы право на дворянство пріобрѣталось не чинами, но только происхожденіемъ и пожало-

ваніемъ отъ монарха, и чтобы дворянство раздѣлено было на шесть разрядовъ, для доставленія родовому и титулованному дворянству возможности обособиться отъ дворянства чиновнаго и жалованнаго, и замкнуться въ отдѣльные разряды [501]. Заявленія эти не вполнѣ, однако, удовлетворены были правительствомъ. Требованіе дворянскихъ депутатовъ, чтобы чинъ не давалъ дворянства, какъ такое требованіе, которое подрывало коренныя начала табели о рангахъ, не было уважено; но правительство иначе отнеслось къ раздѣленію дворянства на разряды.

Дворянскія родословныя книги.

Еще при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, уничтожившемъ мѣстничество 12 января 1682 года, заведена была, по его повелѣнію, родословная книга, для разрѣшенія вопросовъ о томъ, какія лица принадлежатъ къ дворянскому состоянію. Внесенныя въ эту книгу фамиліи раздѣлялись на пять степеней: первая—принадлежала знатнѣйшимъ фамиліямъ княжескимъ и инымъ честнымъ родамъ, бывшимъ въ боярахъ, окольничихъ и думныхъ дворянахъ; вторая—лицамъ, бывшимъ въ послахъ и на воеводствахъ при Іоаннѣ Васильевичѣ; третья—лицамъ, бывшимъ въ такихъ же чинахъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, четвертая—бывшимъ въ среднихъ чинахъ; и пятая—произведеннымъ изъ нижнихъ чиновъ въ московскіе чины за службы отцовъ ихъ [502]. Эта родословная книга, по указамъ 1686 и 1687 годовъ, пополнена была новыми фамиліями, въ концѣ XVII столѣтія [503]. Но такъ какъ нѣкоторыя, вписанныя въ эту книгу фамиліи угасли, а между тѣмъ явилось множество новыхъ фамилій изъ пожалованныхъ дворянствомъ и изъ заслужившихъ оное чинами; то, по повелѣнію Елисаветы Петровны, данному въ 1761 году, составлена вновь родословная о дворянахъ книга, въ которой, впрочемъ, дворянство не было раздѣлено на разряды, и самая книга на части [504].

Императрица Екатерина II, предписавъ сенату указами 1767 и 1773 годовъ докладывать ей о лицахъ, предназначенныхъ къ внесенію фамилій ихъ въ помянутую родословную книгу [505], очевидно придавала важное значеніе этому офиціальному акту; въ послѣдствіи же установила новый способъ веденія дворянской родословной книги. Жалованная императрицей

дворянству грамата 21 апрѣля 1785 года, перечисливъ 15 неопровергаемыхъ доказательствъ дворянскаго состоянія, предоставила самому дворянскому обществу каждой губерніи какъ веденіе, посредствомъ депутатскаго собранія, дворянской родословной книги губерніи, такъ и рѣшеніе, по разобраніи депутатскимъ собраніемъ представленныхъ дворяниномъ доказательствъ, вопроса: кто можетъ быть его членомъ и какого разряда.—Въ силу той же граматы, потомственное или наслѣдственное дворянство (тамъ названное, потому что мужъ сообщаетъ оное женѣ и отецъ дѣтямъ) раздѣлено на шесть разрядовъ, размѣщенныхъ отдѣльно въ *шести частяхъ дворянской родословной книги*. Въ *первую* часть вносится дворянство дѣйствительное или пожалованное, т. е. такіе роды, право которыхъ основано на возведеніи въ дворянство граматою, или на владѣніи населеннымъ имѣніемъ, если только давность этого владѣнія не превышаетъ того срока (100 лѣтъ), который установленъ для причисленія къ древнему дворянству; во *вторую*—роды дворянства военнаго, пріобрѣтеннаго чиномъ военной службы, или тѣ военные дворяне, которые, не происходя отъ дворянскихъ родовъ, пріобрѣли дворянство себѣ и своему потомству военными заслугами, по постановленію Петра Великаго, вошедшему въ Табель о рангахъ 24 января 1772 года; въ *третью* роды дворянства бюрократическаго, пріобрѣтеннаго чиномъ гражданской службы, или тѣ дворяне, которые достигли службою первыхъ восьми классовъ государственныхъ чиновъ, а равно и тѣ, которые получили право потомственнаго дворянства чрезъ пожалованіе однимъ изъ россійскихъ орденовъ, дающихъ это право; въ *четвертую*—всѣ иностранные дворянскіе роды; въ *пятую*—дворянство, украшенное титулами какъ родовыми, такъ и пожалованными (князья, графы, бароны); въ *шестую*—древніе благородные дворянскіе роды, доказательства дворянскаго достоинства которыхъ восходятъ за сто лѣтъ до изданія дворянской граматы 21 апрѣля 1785 года, благородное же начало ихъ покрыто неизвѣстностію [506].

По смыслу граматы, пожалованной Екатериною II 21 апрѣля 1785 года, дворянство русское составляло одно признанное закономъ общество, въ которомъ всѣ члены были между собою

юридически равноправны и пользовались одинакими, точно опредѣленными, правами. Но, проводя этотъ принципъ послѣдовательно, и открывъ, подобно табели о рангахъ, доступъ въ сословіе дворянъ всякому, отличившемуся своими познаніями и достигшему весьма не высокихъ чиновъ по военной и гражданской службѣ, дворянская грамота 1785 года и не думала создавать какую либо юридическую аристократію, къ составленію которой такъ усердно, какъ показываютъ факты, стремились люди родословные, или же вводить такъ названное въ общежитіи рядовое дворянство, устраняемое послѣдними отъ своего круга. Правда, что титулы, гербы, вотчинное право, придавали нашему дворянству видъ феодальнаго дворянства, изъ котораго сложилась западная аристократія; но кто же первый сталъ отличать наше дворянство этими аристократическими атрибутами? Петръ Великій—государь, который, жалуя нѣкоторымъ заслуженнымъ личностямъ титулы и гербы, въ то же время призналъ дворяниномъ каждаго простолюдина, безукоризненно исполнявшаго свои обязанности на самыхъ скромныхъ ступеняхъ царской службы.—Правда, что, при организаціи дворянства граматою 21 апрѣля 1785 года, введены нѣкоторые родословные оттѣнки: въ силу этой граматы, потомственное дворянство раздѣлено на шесть разрядовъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ изданномъ того жъ числа манифестѣ постановлено, что всѣ эти разряды дворянства составляютъ одно и то же сословіе.—Неоспоримо также и то, что породистое дворянство выдѣлено было въ шестую часть родословной книги, и *благородными* главнымъ образомъ названы тѣ дворянскіе роды, которые внесены въ эту часть родословной книги; но все это не давало ему особыхъ, исключительныхъ правъ по отношенію къ дворянству прочихъ разрядовъ. Дворянинъ, записанный въ первую часть родословной книги, такъ же могъ занимать, напримѣръ, постъ губернскаго предводителя дворянства, какъ и дворянинъ шестой части. Только для дворянства, внесеннаго въ шестую часть, облегчено помѣщеніе дѣтей, въ случаѣ безчиновности дворянина, въ нѣкоторыя учебныя заведенія, для поступленія въ которыя требуется, чтобы отецъ принимаемаго или принимаемой состоялъ по крайней мѣрѣ

въ чинѣ полковника или статскаго совѣтника, если онъ не записанъ въ шестую часть. Далѣе этого не идутъ родословныя права нашего дворянства [507].

При всемъ томъ, мнѣніе самаго дворянства относилось не безразлично къ шестой части. Шестой разрядъ дворянства всегда считалъ себя по преимуществу дворянствомъ, какъ заявляли это и дворянскіе депутаты въ коммиссіи 1767 года, а на первые три разряда всегда смотрѣлъ какъ на дворянъ—выскочекъ. Напротивъ, титулованное дворянство пользовалось особеннымъ уваженіемъ дворянства родоваго; послѣднее и сходилось съ нимъ въ стремленіи обособиться отъ дворянства чиновно-военнаго и гражданскаго. Примѣру въ этомъ отношеніи роднаго и титулованнаго дворянства послѣдовали высшіе военные и гражданскіе чины, хотя и внесенные во вторую и третью части дворянской родословной книги.

Итакъ, ни однимъ законодательнымъ актомъ не разрѣшалось образовать, въ средѣ самаго шляхетства, двѣ отдѣльныя группы съ противоположнымъ итересами, такъ называвшуюся аристократію и рядовое или чиновное дворянство.

Присвоеніе всему высшему сословію титуловъ: «дворянство и благородство».

Нельзя, однако жъ, обходить молчаніемъ тѣ наименованія и титулы, которые закономъ и обычаемъ приданы были въ XVIII вѣкѣ высшему классу, какъ корпораціи, какъ цѣлому сословію; титулы эти суть: *дворянство* и *благородство*.

Слово *дворянинъ*—слово старинное—впервые встрѣчается въ суздальской лѣтописи 1175 года. Названіе это современно было великому князю Андрею Боголюбскому (1169—1174). Изъ числа изслѣдователей русской старины, одни объясняютъ, что слово «дворянинъ» или «дворянство» было тогда не сословіемъ, но чиномъ, даннымъ не наслѣдственно, а на одно лицо, и имѣвшимъ тотъ смыслъ, что человѣкъ, именовавшійся имъ, первоначально былъ придворный слуга, принадлежавшій ко двору или дому княжескому, и пользовавшійся правомъ свободнаго въ оный доступа [508]. Другіе изслѣдователи дополняютъ такое описаніе этого названія, сдѣланное въ общихъ чертахъ, болѣе точнымъ объ немъ свѣденіемъ, утверждая, что «дворяне» въ древнѣйшія времена первоначально имѣли какое-то судебное значеніе и составляли собою дворъ князя; потомъ,

въ слѣдствіе постепеннаго упраздненія княжескихъ столовъ, всѣ они, какъ принадлежащіе ко двору князя, продолжали, и по присоединеніи княжествъ къ Москвѣ, именоваться дворянами, но нисколько не въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ слово это употребляется нынѣ [509]. Въ московскій періодъ, продолжавшійся болѣе двухъ вѣковъ, названіе «дворянинъ» означало чинъ и притомъ низшій. Поэтому Петръ Великій, при преобразованіи высшаго класса русскаго общества, или класса служилыхъ людей, въ сословіе, не могъ распространить на него коллективнаго названія «дворянство»: въ его время, съ этимъ старымъ словомъ жили еще и старыя понятія; и потому, можно было опасаться, что считалось бы порухой (уменьшеніемъ) для чести боярина или окольничаго, если бы ихъ стали называть «дворянами». Пришлось волею-неволею, для обозначенія сословія, принять названіе «шляхетство» — названіе не русское, а польско-нѣмецкое,—какъ потому, что образцомъ въ преобразовательной своей дѣятельности Петръ Великій имѣлъ передъ собою западную Европу—страну человѣческой цивилизаціи и всемірнаго интереса, такъ и потому, что тогда не нашлось еще русскаго слова для возникшаго новаго сословія, ибо не существовало и самаго понятія, словомъ этимъ выражаемаго, т. е. понятія о корпораціи лицъ, съ значеніемъ высшаго въ государствѣ сословія, съ характеромъ наслѣдственнымъ или потомственнымъ [510]. Въ послѣдствіи, когда изгладилось изъ памяти, что наименованіе «дворянинъ» или «дворянство» означало одну изъ невысокихъ чиновныхъ степеней, а со смертію прежнихъ чиновныхъ людей упразднились и носимые ими чины,—названіе «дворянство» возраждается и распространяется на все сословіе. Названіе это установляется преимущественно съ манифеста, изданнаго Петромъ III 18 февраля 1762 года, о дарованіи вольности и свободы россійскому дворянству [511]. Потомъ стали говорить о сословіи, подъ этимъ названіемъ, и дворянскіе депутаты въ комиссіи 1767 года [512]; а спустя нѣсколько лѣтъ, оно получило утвержденіе и въ жалованной дворянству 21 апрѣля 1785 года граматѣ [513]. Такимъ образомъ, слово «дворянство», какъ слово отечественное, болѣе подходящеее къ нашему высшему классу общества, на основаніи

прошедшей его исторіи, окончательно вытѣснило при Екатеринѣ II старинное названіе «служилые люди», и новѣйшее «шляхетство». Въ слѣдствіе сего, высшему разряду людей, именовавшемуся до временъ Іоанна III то княжеской дружиной, то княжескимъ дворомъ, а съ его времени служилыми людьми, дано опредѣленное названіе «дворянство», постоянно употребляемое донынѣ не только въ чиновномъ быту, въ обыкновенной рѣчи и въ литературѣ, но и во всѣхъ правительственныхъ актахъ и офиціальныхъ сношеніяхъ.

Титулъ же «благородство», усвоенный высшему классу русскаго общества, начинаетъ развиваться почти одновременно съ превращеніемъ послѣдняго въ сословіе — въ шляхетство. Это сословіе, принявшее, при преобразовательной дѣятельности Петровой, иноземный военный строй и иноземныя внѣшнія формы — одежду, бритье, нравы, обычаи, — подчинившееся, въ слѣдствіе сего, вліянію идей феодальнаго западно-европейскаго дворянства, надѣленное геральдическими атрибутами и другими привилегіями, отличавшими его отъ прочихъ общественныхъ классовъ, — сословіе это начинаетъ обособляться отъ массы народной, замыкается въ одѣльную группу, дѣлается классомъ благороднымъ, въ противоположность другимъ общественнымъ классамъ неблагороднымъ, или, какъ выражались въ то время, подлымъ (послѣднее слово имѣло тогда значеніе низшаго разряда людей по отношенію къ высшему и вовсе не заключало въ себѣ унизительнаго нравственнаго смысла)[514]. — Когда жъ Петръ Великій принялъ верховный титулъ императора, то рождался вопросъ о титулѣ супруги его и дѣтей. Синодъ и Сенатъ имѣли 23 декабря 1721 года по этому случаю конференцію и согласились «именовать ея величество императрицею или цесаревою, а тамъ, гдѣ въ титулахъ вспоминалось великому князю и цесаревнамъ «благородство», признали приличнѣе употреблять слово «благовѣрные», потому что титуловаться благородствомъ ихъ высочествамъ, по нынѣшнему употребленію, низко, ибо благородство и шляхетству дается». Петръ согласился съ этимъ рѣшеніемъ, только вмѣсто цесаревой, велѣлъ возглашать: императрицѣ ея цесаревину величеству[515]. — Послѣ этого измѣненія титуловъ особъ император-

ской фамиліи, шляхетство, по примѣру иноземному, начало именоваться *благороднымъ*, и, такимъ образомъ, первое офиціальное наименованіе сословія благороднымъ произошло въ 1721 году. Вскорѣ послѣ того, издана была табель о рангахъ, по правиламъ которой всѣ удостоенные оберъ-офицерскихъ чиновъ, считаются хорошо рожденными и получаютъ право титуловаться «благородіемъ», а имѣющіе штабъ-офицерскіе чины—весьма хорошо рожденными и получаютъ титулъ «высокоблагородія». — По присвоеніи «благородства» чину, титулъ этотъ присвоенъ былъ уже и всему сословію шляхетства, какъ видно изъ указа Елисаветы Петровны 1754 года [516].—Манифестъ, изданный Петромъ III 18 февраля 1762 года, именуетъ также дворянство «яко главный въ государствѣ членъ» россійскимъ «благороднымъ» дворянствомъ [517].—Затѣмъ, жалованная Екатериною II грамата 21 апрѣля 1785 года окончательно утвердила за дворянствомъ, какъ сословіемъ, названіе «благороднаго» [518].

Обязанности герольдмейстера по отношенію къ членамъ дворянскаго сословія.

Въ заключеніе изложенной краткой исторіи дворянскаго сословія, образовавшагося въ XVIII вѣкѣ, скажемъ еще нѣсколько словъ о герольдмейстерѣ. — При разсмотрѣніи правилъ табели о рангахъ, уже упомянуто, что для завѣдыванія дворянствомъ всего государства, учреждена была въ 1721 году при сенатѣ Петромъ Великимъ должность герольдмейстера. Обязанность его, по отношенію къ этому сословію, кромѣ удостовѣренія въ правахъ каждаго члена его на дворянство и на употребленіе герба, состояла въ томъ, чтобы, въ силу данной ему въ 1722 году инструкціи, вести троякіе списки дворянъ: а) генеральные именные и порознь по чинамъ; б) кто изъ нихъ годится къ дѣламъ и кто находится у дѣлъ; в) сколько у кого дѣтей и какихъ лѣтъ. — Для составленія этихъ списковъ послужили слѣдующіе офиціальные документы: шляхетскіе списки, остававшіеся при сенатѣ, по упраздненіи старинаго разряда, вмѣсто котораго учреждена должность герольдмейстера; списки о всѣхъ дослужившихся до оберъ-офицерскаго чина; и вѣдомости, доставляемыя ежегодно герольдмейстеру изъ центральныхъ и областныхъ учрежденій, о дворянахъ, находящихся у дѣлъ, или въ домахъ, а также о дворя-

нахъ, родившихся и умершихъ [519]. Веденіе списковъ нужно было, между прочимъ, и для того, чтобы, зная наличную численность дворянства, въ данномъ случаѣ можно было разрѣшать сомнѣнія о принадлежности лица къ дворянскому сословію.

ГЛАВА II.

Постоянно-обязательная для шляхетства военная служба и установленіе смотровъ. — Распредѣленіе шляхетскихъ дѣтей на службу гражданскую. — Назначеніе по штатамъ жалованья за службу военную и гражданскую. — Обязательное для шляхетства знаніе извѣстныхъ наукъ, требующихся въ военной и гражданской службѣ. — Отправленіе шляхетскихъ дѣтей за границу для образованія, и учрежденіе съ этою цѣлью школъ. — Открытіе Академіи Наукъ. — Учрежденіе Кадетскаго Корпуса. — Приготовленіе шляхетскихъ дѣтей къ гражданской службѣ. — Продолженіе установленныхъ смотровъ. — Мѣры къ образованію спеціальныхъ людей для службы. — Основаніе въ Москвѣ Университета. — Продолженіе заботы правительства о образованіи шляхетскихъ дѣтей.

Постоянно-обязательная для шляхетства военная служба и установленіе смотровъ.

Обязательная военная служба государству составляла непремѣнную личную обязанность и для возникшаго съ XVIII вѣка *шляхетства* точно такъ же, какъ и для прежнихъ служилыхъ людей, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что служба военная отправлялась послѣдними не постоянно, а лишь тогда только, когда призывались они царскимъ указомъ къ ратному дѣлу, въ ополченіе, между тѣмъ какъ военная служба членовъ шляхетства, въ образованныхъ уже тогда Петромъ Великимъ регулярныхъ полкахъ, сдѣлалась *постоянною*; въ ней надлежало находиться на лицо, при знамени, во всю жизнь, какъ потому что постоянное войско было уже неизбѣжною потребностію государства, такъ равно и по той причинѣ, что отставка допускалась только за старостію, ранами, увѣчьемъ и неизлѣчимыми болѣзнями [520].

Военная служба шляхетскихъ дѣтей начиналась тогда съ самыхъ молодыхъ лѣтъ (обыкновенно съ 15) и не иначе, какъ съ рядоваго, съ тою цѣлью, чтобъ они, послуживши въ нижнихъ чинахъ, могли узнать солдатское дѣло въ его фундаментѣ и пріучались бы къ тягостямъ военной службы, такъ какъ эта сторона, при прежнихъ правительствахъ, всегда была наиболѣе слабою въ военной повинности служилыхъ людей. — По достиженіи опредѣленнаго возраста, шляхетскіе молодые

люди, еще не записанные на службу, должны были являться изъ всѣхъ мѣстъ въ Москву, или въ Петербургъ, къ Петру Великому, гдѣ онъ, какъ человѣкъ, обладавшій проницаніемъ и даромъ угадывать людей, разбиралъ явившихся на смотръ, по способностямъ, и, смотря по тому, чѣмъ кто изъ нихъ можетъ быть полезенъ, давалъ каждому назначеніе: однихъ записывалъ въ солдаты, другихъ въ матросы, третьихъ опредѣлялъ къ дѣламъ гражданскимъ, четвертыхъ посылалъ для науки за границу, остальныхъ училъ воинскому строю, готовя ихъ къ занятію разныхъ должностей по арміи, гдѣ каждый молодой человѣкъ, изъ шляхетства, при исправномъ выполненіи обязанностей солдата, производился въ унтеръ-офицеры и въ оберъ-офицеры [521]. — На одномъ изъ такихъ смотровъ, бывшемъ въ 1704 году, явилось болѣе 8,000 шляхетскихъ недорослей изъ которыхъ набраны были два драгунскіе полка и, сверхъ того, записано до 380 человѣкъ въ преображенскій полкъ солдатами, въ числѣ которыхъ много было дѣтей изъ княжескихъ и старинныхъ знатныхъ фамилій.

По первоначальному плану Петра Великаго, шляхетство непремѣнно должно было служить въ гвардіи. Служба въ гвардіи—единственный былъ тогда путь къ производству въ офицеры; поэтому первые гвардейскіе полки, преображенскій и семеновскій, были наполнены рядовыми изъ шляхетства [522]. А такъ какъ по вліянію покровительства и родовыхъ связей, начальства производили иногда въ оберъ-офицеры молодыхъ людей, не служившихъ въ нижнихъ чинахъ, то указомъ, даннымъ въ 1714 году и подтвержденнымъ въ 1719 году, запрещено было производить въ офицеры такихъ изъ знатныхъ шляхетскихъ родовъ недорослей, которые не служили солдатами въ гвардіи [523]. Позднѣе, шляхетство распредѣлялось по военной службѣ между гвардіею, армейскими и гарнизонными полками; въ послѣдніе поступали небогатыя шляхетскія дѣти.

Распредѣленіе шляхетскихъ дѣтей на службу гражданскую.

Изъ числа служилыхъ людей древней Россіи несли обязательную постоянную службу только тѣ, которые посылались въ города на воеводство, назначались судьями въ приказы, были при дворѣ стольниками, стряпчими и проч., а также тѣ, которые наряжались во временныя посылки, т. е. въ службу,

называемую нынѣ службою гражданскою или штатскою [524]. — Со времени обнародованія Петромъ Великимъ генеральнаго регламента (1720 г.), а вскорѣ послѣ того и табели о рангахъ (1722 г.), эта штатская служба, отбываемая также и вновь созданнымъ шляхетствомъ, и штатскія дѣла вообще, получили государственное значеніе, и потому членъ шляхетства — по прежнему порядку только воинъ — теперь, по новымъ уставамъ, сдѣлался и чиновникомъ гражданскимъ. — Прохожденіе гражданской службы, признанной не менѣе потребною въ государствѣ, какъ и военная, законодатель считалъ дѣломъ не только приличнымъ шляхетству, но и дающимъ возможность, чрезъ достиженіе извѣстныхъ гражданскихъ чиновъ, получить и самое шляхетское достоинство, если кто прежде его не имѣлъ [525]. — Относительно гражданской службы сдѣлано было только одно ограниченіе: требовалось, чтобы не всѣ сыновья какой нибудь шляхетской фамиліи были въ гражданской службѣ, а только одна треть ихъ, остальные же должны служить въ военной; за чѣмъ и обязанъ былъ смотрѣть герольдмейстеръ [526].

Шляхетскіе недоросли, оказавшіеся на смотрахъ по достиженіи ими 16-ти лѣтняго возраста, болѣе способными къ гражданской службѣ, по распоряженію герольдмейстера, распредѣлялись въ коллегіи и въ надворные суды, съ тою, какъ опредѣлено въ генеральномъ регламентѣ, цѣлью, чтобы состоявшія при коллегіяхъ и канцеляріяхъ шляхетскія дѣти обучались, подъ управленіемъ секретарей, канцелярскому дѣлопроизводству, дабы со временемъ они могли по градусамъ (въ порядкѣ постепенности) быть произведены въ высшіе чины, какъ-то: въ ассесоры, совѣтники [527] и т. д. — Въ послѣдствіи, въ дополненіе къ этому закону, издано было въ 1739 году утвержденное Анной Іоанновной сенатское постановленіе, по которому грамотные шляхетскіе недоросли (15 — 17 лѣтъ), находившіеся въ Петербургѣ, распредѣлялись между сенатомъ, коллегіями и канцеляріями, съ соблюденіемъ, однако, слѣдующихъ условій: въ сенатъ назначались тѣ, за которыми было не менѣе 100, въ коллегіи и канцеляріи, за которыми числилось не менѣе 25 душъ крестьянъ. Обезпеченіе это требовалось, какъ сказано въ постановленіи, на тотъ конецъ, дабы

они собственными средствами и жалованьемъ могли содержать себя честно, чисто и неубого. Для различія же отъ приказныхъ служителей, предоставлялось имъ именоваться дворянами того мѣста, къ которому были приписаны, какъ-то: дворянами сенатскими и т. д. — Проходя постепенно должности копіистовъ, подканцеляристовъ, канцеляристовъ, достойные изъ этихъ дворянъ, по прослуженіи въ сихъ званіяхъ 5-ти лѣтъ, повышались въ секретари; оказавшіеся же, въ продолженіе этого срока, неспособными къ штатскимъ дѣламъ посылались въ военную коллегію для опредѣленія въ полевые полки солдатами [528].

При всемъ томъ, заботы правительства привлечь шляхетство къ гражданской службѣ были безуспѣшны. Замѣчено уже въ третьемъ періодѣ, что въ средѣ служилаго класса людей служба мечемъ всегда считалась честнѣе службы перомъ. Взглядъ этотъ на службу обоего рода продолжалъ существовать и послѣ Петра Великаго; и потому шляхетство всегда уклонялось отъ гражданской службы, не смотря на всѣ усилія правительства подохотить его къ ней. Въ слѣдствіе сего, въ 1740 году сенатъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: изъ опредѣленныхъ къ гражданскимъ дѣламъ, 27 человѣкъ, за непонятливостію въ наукахъ и въ приказныхъ дѣлахъ, отдать въ солдаты; 28 человѣкъ, къ наукамъ прилежныхъ, но не имѣющихъ склонности къ гражданскимъ дѣламъ и просящихся въ военную службу, отдать въ кадетскій корпусъ и въ морскую академію, для приготовленія къ сухопутной и морской службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ постановилъ: въ гражданскую службу опредѣлять только такихъ (изъ шляхетства), которые пожелаютъ, а не неволею [529].

Позднѣе, въ царствованіе Екатерины II, дворянство не переставало уклоняться отъ гражданской службы, служило въ военной и преимущественно въ гвардіи; если же и служило въ гражданской службѣ, то по переходѣ въ оную изъ военной, стремясь къ занятію видныхъ мѣстъ — президентовъ коллегій, губернаторовъ и т. д.; но должности второстепенныя — членовъ коллегій, совѣтниковъ въ губерніяхъ и т. д. продолжали замѣщаться большею частію недворянами [530].

Назначеніе по штатамъ жалованья за службу военную и гражданскую.

Въ продолженіе московскаго періода, всѣ служилые люди какъ военные, такъ равно и тѣ, которые наряжались во временныя дѣла (для веденія дѣлъ гражданскихъ), получали помѣстья и вотчины, размѣръ которыхъ опредѣлялся чинами, заслугами и продолжительностію службы—помѣстья и вотчины, которыя были прочнымъ своего рода фондомъ, обезпечивавшимъ для нихъ возможность не только существовать, но и служить, т. е. доставлять правительству всею своею массою войско для защиты государства отъ внѣшнихъ враговъ. Но, съ Петра Великаго, преобразовавшаго военную и гражданскую службу, измѣнилась и система вознагражденія за нее. Члены шляхетства стали уже нести эту службу не за помѣстья, раздача которыхъ прекращена съ 1714 года [531], розданныя же прежде во владѣніе бывшихъ служилыхъ людей, вошедшихъ въ составъ шляхетства, предоставлены каждому изъ нихъ въ потомственную собственность [532], а за опредѣленное въ 1711 году штатами жалованье, замѣнившее помѣстные оклады [533].—Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ жалованья, не только рушился прежній порядокъ отбыванія военной повинности, но совершенно уничтожилось и различіе между помѣстными и вотчинными имѣніями.—Вознагражденіе шляхетства за службу гражданскую Петръ Великій опредѣлилъ также штатами, вышедшими для чиновъ областныхъ въ 1715 [534], а для коллегіальныхъ—въ 1725 годахъ [535]; но, по недостатку въ казнѣ денегъ, онъ предположилъ ввести доходы съ дѣлъ, что и исполнено уже при Екатеринѣ I.—Она повелѣла, въ 1726 году, выдавать жалованье членамъ учрежденій; а канцелярскимъ чинамъ довольствоваться доходами съ дѣлъ. При послѣдующихъ царствованіяхъ установлена была даже норма этихъ доходовъ не только въ пользу канцелярій, но и въ пользу судей, пока, наконецъ, Екатерина II не возстановила, въ 1763 году, жалованья для всѣхъ служащихъ гражданскихъ чиновниковъ [536].

Обязательное для шляхетства знаніе извѣстныхъ наукъ, требующихся въ военной и гражданской службѣ.

Сущность изложенныхъ выше свѣдѣній о дѣятельности русскаго шляхетства, въ эпоху преобразованія Петра Великаго, сводится къ тому, что главною государственною повинностію его была служба военная и гражданская, первая обязательная и постоянная. Но обязательность эта вытекала уже не

изъ основныхъ правилъ помѣстной системы, по которой каждый членъ шляхетскаго сословія, получившій въ прежнее время, въ вознагражденіе за службу, помѣстья или вотчины, отданныя уже съ 1714 года въ его собственность, продолжалъ носить званіе землевладѣльца,—а изъ того новаго начала, что онъ родился въ этомъ сословіи и, слѣдовательно, принадлежитъ къ высшему благородному классу людей [537].

Въ силу такихъ реформъ Петра Великаго, обновленная шляхетская служба стала обусловливаться и новыми требованіями: практическое выполненіе ея должно было уже совершаться по европейскимъ образцамъ, т. е. надлежало прежде всего научиться тому, что́ знали уже наши сосѣди, опередившіе насъ на поприщѣ общественной цивилизаціи; а отсюда возникла для шляхетства необходимость научной подготовки его къ службѣ, новая *обязательная повинность—учиться*. Скоро обнаружилось, что имѣть только постоянное войско—было мало; надобно, чтобъ это постоянное войско, по предначертанію великаго преобразователя Россіи, не уступало войскамъ другихъ европейскихъ государствъ. Въ описываемую эпоху уже немыслимо было выставлять противъ европейскихъ армій старинное русское ополченіе дворянъ и дѣтей боярскихъ во всемъ ихъ составѣ, съ толпою безоруженныхъ челядинцевъ; время и обстоятельства требовали преобразовать таковое ополченіе въ стройную армію; а это естественно указывало шляхетству на необходимость знать извѣстныя науки, имѣть спеціальную подготовку къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что, безъ соблюденія этого условія, оно теряло свое значеніе, такъ какъ понятіе о службѣ государственной тѣсно соединялось уже тогда съ понятіемъ объ извѣстномъ искусствѣ, объ извѣстномъ приготовленіи [538]. Словомъ, возникли новыя условія служебнаго дѣла; надобно было имѣть и новыхъ людей. Поэтому, Петръ Великій потребовалъ отъ шляхетства основательнаго общаго образованія, какъ такого руководящаго начала, которое, пробуждая духовныя силы въ человѣкѣ, поднимаетъ его умственный и нравственный уровень [539]; онъ потребовалъ, чтобы дворянинъ или членъ шляхетскаго сословія учился, неутомимо работалъ и старался бы получить такія свѣдѣнія, которыя приспособляютъ

его къ практической, полезной дѣятельности. По обстоятельствамъ времени, военная служба преимущественно требовалась отъ дворянина: дворянинъ имѣлъ право на начальническія мѣста въ войскѣ; но для этого онъ долженъ былъ имѣть, во-первыхъ, общее первоначальное образованіе, а потомъ спеціальное военное — знать службу. Понятно, что требованіе такихъ положительныхъ условій для успѣха службы, равно какъ и другихъ занятій, закрыло многимъ стариннымъ служилымъ людямъ доступъ въ службу и лишило правъ на чины такихъ лицъ, которыя хотя и благородны по рожденію, но не доросли умственно и нравственно, и назывались поэтому до старости *недорослями*[540].

Между тѣмъ, удовлетвореніе настоятельныхъ потребностей государства, какъ то: устройство арміи, флота, правительственныхъ, судебныхъ и другихъ учрежденій—такихъ потребностей, которыя стояли у Петра Великаго на первомъ планѣ, заставило его привлечь къ дѣламъ военной и гражданской службы, кромѣ прирожденнаго шляхетства, и людей привычныхъ къ этимъ дѣламъ и образованныхъ, безъ различія происхожденія и званія, лишь во имя таланта, познаній и энергіи къ труду[541]. Въ слѣдствіе сего, эти личныя человѣческія достоинства выдвигали изъ обыкновенныхъ рядовъ замѣчательныхъ дѣятелей, и дѣлали ихъ вполнѣ заслуживающими названіе благородныхъ русскихъ людей, такъ какъ преобразователь высшаго класса русскаго общества отождествлялъ понятіе благородства съ понятіемъ службы государству и образованія, или, другими словами: членъ высшаго класса дѣлался человѣкомъ служащимъ, служащій же долженъ былъ сдѣлаться образованнымъ, и, въ силу всего этого, онъ становился благороднымъ—благороднымъ по своимъ личнымъ достоинствамъ, проложившимъ ему путь къ высшей дѣятельности[542].

Такимъ образомъ, высшій классъ, призванный къ жизни новыми постановленіями Петра Великаго, сталъ соединять въ составѣ своемъ двѣ характерическія черты: гарантію родоваго происхожденія и гарантію способностей и знанія. Какъ въ старину, до Петра Великаго, такъ и при новомъ созданномъ имъ порядкѣ, являются на начальническихъ мѣстахъ, по воен-

ному и гражданскому вѣдомствамъ, представители знатныхъ фамилій, извѣстныхъ древностію рода и богатствомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что прежде допускались они къ занятію мѣстъ и при отсутствіи въ нихъ образованія, по одной лишь принадлежности къ служилому разряду, и потому почти всѣ они, даже бояре — люди породистые, обладавшіе запасомъ здраваго смысла и опытности во всемъ, что̀ касалось условій ихъ служебной обязанности, — не только были безъ всякой научной подготовки, но не умѣли и писать [543]; а теперь — при новомъ порядкѣ — съ обязанностію службы, требовавшейся отъ шляхетства по табели о рангахъ, неразрывно связана была обязанность образованія, до того безусловная, что если кто не удовлетворялъ этой первенствующей для шляхетства потребности, тотъ, каково бы ни было его прошедшее въ отношеніи аристократическаго его происхожденія, не могъ предъявить пра̀ва на настоящее — на то, что̀ даровала шляхетству знаменательная табель о рангахъ [544]. А потому, безъ преувеличенія можно сказать, что если когда либо, то въ особенности въ эпоху всеобъемлющихъ реформъ Петра Великаго, за людьми образованными, честно трудившимися на общую пользу, всегда оставалось то естественное превосходство, которое принадлежитъ самой важной человѣческой привилегіи — умственному развитію, дающему возможность оказать въ полномъ смыслѣ полезныя услуги странѣ.

Отправленіе шляхетскихъ дѣтей за границу для образованія, и учрежденіе съ этою цѣлью школъ.

Положивъ въ основу государственныхъ реформъ образованіе, безъ котораго нельзя уже было обойтись въ арміи, во флотѣ, въ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, и, высказавъ опредѣлительно свои въ этомъ отношеніи требованія, Петръ Великій представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность удовлетворить этимъ требованіямъ. Въ началѣ 1697 г., онъ отправилъ въ первый разъ за границу, учиться всему нужному для Россіи, молодыхъ шляхетскихъ дѣтей, изъ комнатныхъ стольниковъ, именно: въ Италію 28, въ Англію и Голландію 22 чел.; это были люди лучшихъ фамилій, прославившіеся, въ послѣдствіи, талантами и знаніемъ на всѣхъ путяхъ государственной дѣятельности [545]. Школою для сухопутной военной службы служили иностранныя войска, предво-

дительствуемыя знаменитѣйшими полководцами; а школою для изученія морской службы были иностранные флоты, для чего и посланы были въ 1717 году гардемарины — во Францію 20 и въ Венецію 27 человѣкъ[546].

Но, отправляя шляхетскихъ дѣтей для обязательнаго обученія за границу, Петръ Великій не забывалъ и оставшихся въ отечествѣ своемъ, постоянно понуждая ихъ учиться и принимая необходимыя мѣры къ распространенію и утвержденію между ними какъ начальнаго, такъ и высшаго образованія. Онъ основалъ спеціальныя училища, морское и инженерное, завелъ въ Москвѣ математическія школы, учредилъ провинціальныя элементарныя школы, гдѣ преподавателями были воспитанники тѣхъ математическихъ школъ на основаніи указа 20 января 1714 года, которымъ было предписано: «послать во всѣ губерніи по нѣсколько учениковъ изъ математическихъ школъ, чтобъ учить дворянскихъ дѣтей цыфири и геометріи.» Сверхъ того, дѣти знатныхъ фамилій, отъ 10-ти лѣтняго возраста, высылались въ учрежденныя въ Петербургѣ при гвардейскихъ полкахъ школы, въ которыхъ обучались шляхетскіе малолѣтки, записанные въ полки[547].

По части гражданской, для подготовки въ коллегіи и канцеляріи дѣльцовъ, учреждено было Петромъ Великимъ, въ ноябрѣ 1721 года, училище, въ которомъ обучали подъячихъ ариѳметикѣ, письменному изложенію предметовъ и проч.; сюда обязаны были отдавать своихъ дѣтей какъ приказные люди (техническое выраженіе, употреблявшееся въ древней Россіи въ служебной сферѣ по части гражданской), такъ и тѣ изъ постороннихъ лицъ, которыя пожелаютъ, чтобъ дѣти ихъ были приказными. Сверхъ того, для опредѣленныхъ въ коллегіи шляхетскихъ недорослей (молодыхъ людей), учреждена была краткая школа, порученная завѣдыванію герольдмейстера; здѣсь дѣти знатныхъ и среднихъ шляхетскихъ фамилій обучались экономіи и гражданству, какъ необходимымъ предметамъ для гражданской службы[548].

Наконецъ, указомъ 28 января 1724 года положено было Петромъ Великимъ основаніе и академіи наукъ въ Россіи[549].

Такимъ образомъ, Петръ Великій смотрѣлъ на образованіе,

какъ на средство усиленія государства, и употреблялъ, очевидно, всѣ дѣятельныя мѣры, чтобы реформа высшаго класса русскаго общества дала желаемые результаты, и чтобы благотворный законъ объ этой реформѣ не остался мертвою буквою. Геніальность этого монарха въ томъ и состоитъ, что онъ понялъ національную потребность въ просвѣщеніи такъ широко, какъ не понималъ ея ни одинъ человѣкъ и до него, и въ его время, и, схвативъ основный принципъ развитія, посвятилъ ему всю свою дѣятельность. — Правда, что съ кончиной Петра Великаго, послѣдовавшей 28 января 1725 года, многія лучшія его начинанія остались безъ исполненія, нѣкоторые планы подверглись измѣненію; но, съ жизнію сего государя, не угасла существенная сила реформы, его главная идея, его настоятельное объ образованіи шляхетскихъ дѣтей требованіе, основанное сколько на здравомъ смыслѣ, столько и на пользѣ русской страны. Преемники Петра, хотя съ меньшей энергіей, продолжали его заботы объ обученіи шляхетства, въ томъ же направленіи, которое усвоено было въ эпоху преобразованія [550].

Разскажемъ же послѣдовательно краткую исторію этого важнаго отечественнаго дѣла.

Открывая для шляхетскихъ дѣтей одинаково, какъ и при Петрѣ Великомъ, оба служебныя поприща, и военное и гражданское, правительства послѣдующія съ прежнею строгостію требовали, чтобъ они приготовлялись къ тому и другому образованіемъ, и никогда не отдѣляли области знаній отъ области государственной службы [551].

Открытіе академіи наукъ.

Такъ, въ царствованіе Екатерины I, почти черезъ годъ по смерти Петра Великаго, открыта была, въ декабрѣ 1725 года, основанная имъ академія наукъ [552], главная цѣль и назначеніе которой заключалось въ приготовленіи на службу молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ, т. е. съ строго опредѣленною испытаніемъ суммою знаній извѣстнаго уровня, ниже котораго не можетъ быть испытуемый. Позднѣе, въ 1747 году, академія наукъ получила регламентъ, по которому это высшее учено-учебное учрежденіе въ Россіи заключало въ себѣ три части: а) собственно Академію, т. е. собраніе ученыхъ людей, академиковъ, занятыхъ составленіемъ уче-

ныхъ примѣчаній, чтеніемъ книгъ и сочиненіемъ ихъ; б) университетъ, или собраніе учащихъ и учащихся людей, изъ которыхъ первые названы профессорами, а вторые—студентами; и в) гимназію, въ которой содержимо было на академическій счетъ 20 молодыхъ людей для подготовки ихъ въ университетъ, но не воспрещалось поступать въ это учебное заведеніе и вольнымъ людямъ, для безплатнаго въ немъ обученія [553].

Учрежденіе кадетскаго корпуса.

По восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, учрежденъ былъ въ Петербургѣ, по плану фельдмаршала Миниха, кадетскій корпусъ, въ силу даннаго Сенату 29 іюня 1731 года указа, замѣчательнаго по слѣдующимъ выраженіямъ: «Весьма нужно», сказано было въ немъ, «дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были... А понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, также и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе; того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованію, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, по тому-бъ и къ ученію опредѣлять» [554]. По уставу, изданному въ ноябрѣ того жъ года, учебный курсъ въ корпусѣ раздѣлялся на четыре класса: въ низшемъ или четвертомъ классѣ кадеты обучались чистописанію и ариѳметикѣ; въ третьемъ геометріи, географіи и грамматикѣ; во второмъ — фортификаціи, артиллеріи, исторіи, правильному письменному изложенію, юриспруденціи, морали (нравоученію), геральдикѣ и прочимъ воинскимъ и политическимъ наукамъ; въ высшемъ или первомъ классѣ продолжали обучаться тѣмъ наукамъ, къ которымъ показали въ предшествовавшихъ классахъ больше склонности, прилежанія и понятія, —переводились же они въ этотъ классъ и выпускались изъ него военными и гражданскими чинами не иначе, какъ послѣ строгаго экзамена въ академіи наукъ. Русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, а также и латинскому — по охотѣ, кадеты обучались во всѣхъ классахъ, и каждый изъ нихъ, чтобы могъ получить основательныя познанія, долженъ быть въ ученіи въ высшихъ трехъ классахъ пять или шесть лѣтъ неотлучно [555].

Такимъ образомъ, кадетскій корпусъ — это высшее учебное заведеніе, представляя собою естественное развитіе въ исторіи дворянскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, носило, по современнымъ требованіямъ, двойственный характеръ — военный и гражданскій вмѣстѣ, и, сверхъ того, имѣло важное значеніе для шляхетскихъ дѣтей, въ томъ отношеніи, что они могли выходить изъ него, по правамъ своего рожденія и воспитанія, прямо офицерами, не подвергаясь предварительной службѣ въ солдатахъ. Отсюда выходили гвардейскіе и армейскіе офицеры. Здѣсь получили образованіе нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ: Румянцевъ, Каменскій, Ферзенъ и многіе другіе[556].

Приготовленіе шляхетскихъ дѣтей къ гражданской службѣ.

Независимо отъ кадетскаго корпуса, учрежденнаго въ столицѣ, заботливостію Анны Іоанновны и ея уважаемаго пособника Миниха, увеличено было въ губерніяхъ число школъ, въ которыхъ обучались малолѣтныя шляхетскія дѣти грамотѣ и воинской экзерциціи, а тѣмъ изъ нихъ, которыя были бѣдны, выдавалось и жалованье противъ солдатскихъ дѣтей[557].

Не прекращалось также приготовленіе молодыхъ людей и къ гражданской службѣ при правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ — въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и т. д. — Здѣсь отправляли они должности низшихъ канцелярскихъ служителей, а секретари учрежденій обязаны были обучать ихъ канцелярскому порядку, знанію указовъ и правъ государственныхъ кромѣ того, назначалось еще два дня въ недѣлю для обученія ихъ ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и грамматикѣ[558].

Продолженіе установленныхъ смотровъ.

Равнымъ образомъ продолжали существовать и установленные Петромъ Великимъ смотры шляхетскихъ недорослей, такъ какъ они давали правительству средство повѣрять, отбываетъ ли шляхетство лежащія на немъ повинности, состоявшія главнымъ образомъ въ *службѣ* и въ *обученіи*. Смотрамъ этимъ назначены были въ 1737 году однообразные сроки, и точнѣе опредѣлено ихъ значеніе. Недоросли являлись на смотры четыре раза, въ разные періоды своего возраста. На первомъ смотрѣ, начинавшемся съ 7-ми лѣтняго возраста малолѣтковъ, они только записывались въ Петербургѣ у герольдмейстера, въ

Москвѣ и въ губерніяхъ — у губернаторовъ, и по запискѣ, оставлялись на попеченіи родителей или родственниковъ, обязанныхъ обучать ихъ въ своихъ домахъ. На второмъ смотрѣ, въ возрастѣ 12 лѣтъ, малолѣтки эти уже должны были знать чтеніе и письмо. На третьемъ — недоросли въ 16 лѣтъ, кромѣ закона Божія, должны были основательно знать ариѳметику и геометрію; родители и родственники, имѣвшіе средства продолжать обученіе дѣтей дома, могли брать ихъ къ себѣ и съ третьяго смотра до 20-ти лѣтняго возраста, — въ противномъ случаѣ шляхетскіе недоросли отдавались до урочныхъ лѣтъ въ кадетскій корпусъ, въ школы артиллерійскую, инженерную и др.; изъ недорослей, явившихся на третій смотръ, болѣе способные опредѣлялись въ гражданскую службу, а прочіе, не выучившіеся до этого смотра закону Божію, ариѳметикѣ и геометріи, отдавались безъ выслуги въ матросы. Наконецъ, четвертая и послѣдняя явка недорослей изъ шляхетства въ герольдію, для опредѣленія въ службу военную, требовалась въ 20 лѣтъ ихъ возраста, и тѣ, которые болѣе успѣли въ наукахъ, скорѣе другихъ производимы были въ чины, въ награду за прилежаніе [559]. Очевидно изъ сказаннаго, что первые три смотра — въ 7, 12 и 16 лѣтъ — имѣли значеніе экзамена, а послѣдній — въ 20 лѣтъ — распредѣленія на службу.

Всѣ эти распоряженія правительства, по отношенію къ шляхетству, показываютъ, что при Аннѣ Іоанновнѣ, какъ и при Петрѣ Великомъ, строго различались между собою двѣ службы, военная и гражданская, не только своею спеціальностію, но и общественнымъ значеніемъ. Военные чины продолжали сохранять свои преимущества и теперь, какъ-то было при Петрѣ Великомъ; и потому, когда чиновники гражданскіе дозволяли себѣ для большаго почета называться соотвѣтствующими по табели о рангахъ военными чинами, то послѣдніе всячески противодѣйствовали такому стремленію первыхъ и достигли, наконецъ, того, что въ 1736 году состоялся именной указъ: «Найкрѣпчайше подтверждаемъ, чтобъ всѣ статскіе служители именовались тѣми статскими чинами, въ которыхъ они записаны, а военными чинами отнюдь не именовались бы, подъ опасеніемъ лишенія чина» [560].

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, приняты были мѣры къ образованію изъ шляхетства спеціальныхъ людей для государственной службы соотвѣтственно предначертаніямъ великаго ея родителя, по стопамъ котораго она сознательно слѣдовала[561]. Мѣры эти проявились въ слѣдующихъ правительственныхъ распоряженіяхъ: Мѣры къ образованію спеціальныхъ людей для службы.

Въ 1745 году отправлены были въ Англію трое русскихъ спеціалистовъ по морской части, для изученія англійскаго языка, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи, могли они и книги переводить съ англійскаго на отечественный языкъ по части мореплаванія, сильно развитаго у англичанъ, и учить молодыхъ дворянъ въ существовавшей тогда въ Петербургѣ морской академіи[562].

Въ 1753 году начали обучать въ бергъ-коллегіи, завѣдывавшей разными отраслями промышленности, горной наукѣ шляхетскихъ дѣтей изъ школъ артиллерійской и инженерной, а также повелѣно было помѣщать въ артиллерійскую школу малолѣтныхъ дворянъ въ комплектъ преимущественно предъ тѣми, которые могли быть на собственномъ иждивеніи.

Въ 1755 году предписано было обучать французскому и нѣмецкому языкамъ въ академіи наукъ молодыхъ дворянъ (юнкеровъ), находящихся при камеръ-коллегіи, завѣдывавшей доходами казны[563].

Основаніе въ Москвѣ университета.

Наконецъ, въ томъ же 1755 году 12 января, возникло въ Москвѣ, согласно съ мыслію Ломоносова — перваго русскаго ученаго, поборника цивилизаторскихъ идей Петра Великаго и талантливаго труженика, слѣдившаго за движеніемъ современнаго европейскаго общества, — капитальное, общеполезное и самостоятельное учрежденіе — университетъ, и открыты, для основательной подготовки въ оный слушателей, двѣ гимназіи — одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, исключая крѣпостныхъ крестьянъ[564].

Въ основаніи университета въ Москвѣ—сердцѣ народныхъ элементовъ, въ основаніи этого перваго чисто русскаго разсадника и хранилища роднаго просвѣщенія, мы встрѣчаемъ знаменательную эпоху мирныхъ преобразованій въ исторіи русскаго просвѣщенія, знаменательную потому, что это проч-

ное національное учрежденіе — нравственная сила Русской земли, подготовляя на службу страны молодое поколѣніе дворянъ, пріобрѣтавшихъ въ немъ дѣйствительное высшее научное образованіе, должно было проявить въ себѣ источникъ силы, мысли и честныхъ убѣжденій — проявить людей новыхъ, которые должны были дѣйствовать въ половинѣ XVIII вѣка, и въ которыхъ чувствовалась особенная потребность въ преддверіи блестящаго царствованія императрицы Екатерины II.

Между тѣмъ, вскорѣ по учрежденіи московскаго университета, встрѣтилось задрудненіе въ выполненіи одновременно двухъ лежавшихъ на шляхетствѣ обязанностей — обязанности службы и обязанности обученія. Шляхетскія дѣти, записанныя въ полки солдатами, а въ университетъ студентами, могли быть потребованы герольдмейстеромъ на службу во всякое время. По сему поводу, незабвенный основатель московскаго университета и первый его кураторъ (попечитель), дѣйствительный камергеръ Ив. И. Шуваловъ, донеся, въ 1756 году, сенату, что «главное препятствіе въ достиженіи способныхъ людей состоитъ въ томъ, что дворянскія дѣти въ молодыхъ лѣтахъ, когда должно приготовляться, чтобъ быть годными въ службѣ, на оную вступаютъ, имѣя многіе способы происходить по случаю, а не по достоинству», — ходатайствовалъ о томъ, чтобы дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, отпущались въ университетъ для обученія наукъ. — Уваживъ это представленіе, Сенатъ приказалъ: «Недорослей изъ шляхетства, которые были уже на смотрахъ, по желанію ихъ принимать въ университетъ возрастомъ отъ 7 до 8 лѣтъ, дозволивъ имъ обучаться въ университетѣ до 16, а смотря по склонностямъ къ наукамъ и до 20 лѣтъ; о числѣ принятыхъ и вновь вступающихъ дѣтей и юношей сообщать въ герольдію; а чтобы обучающіеся недоросли изъ шляхетства не могли чрезъ то потерять свое произвожденіе, то какъ въ воинскихъ, такъ и въ гражданскихъ командахъ, гдѣ они въ службу записаны, въ повышеніяхъ старшинствомъ не обходить, а произвожденіе имъ съ прочими въ тѣхъ командахъ чинить по указамъ» [565]. Вотъ гдѣ историческое основаніе тѣхъ классныхъ чиновъ, которые

даются нынѣ студентамъ университетовъ и воспитанникамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній!

Продолженіе заботы правительства о образованіи шляхетскихъ дѣтей.

Та же забота русскаго правительства, о доставленіи высшаго образованія шляхетскимъ дѣтямъ, ясно обнаружилась и въ кратковременное царствованіе преемника Елисаветы, Петра III. Въ знаменательномъ его манифестѣ 18 февраля 1762 г. постановлялось: «Родителямъ предоставляется право воспитывать дѣтей своихъ какъ внутри государства—въ училищахъ и домахъ, такъ и за границей, и они должны были только для свѣдѣнія, по миновaніи 12 лѣтняго возраста ихъ сыновей, предъявлять о нихъ въ герольдіи, въ губерніяхъ, провинціяхъ, и городахъ, гдѣ кому выгоднѣе и способнѣе; при чемъ родители, или заступающіе ихъ мѣсто, обязывались объявлять, чему дѣти ихъ обучены были, и чему, гдѣ будутъ обучаться». Во всякомъ же случаѣ строго внушалось «не оставлять дѣтей безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ». Для облегченія дворянамъ этой обязанности, тѣмъ, у которыхъ не болѣе 1000 душъ крестьянъ, предоставлялось опредѣлять дѣтей прямо въ кадетскій корпусъ, гдѣ «сыновья ихъ всему тому, что къ знанію благороднаго дворянства принадлежитъ, съ найприлежнѣйшимъ раченіемъ обучаемы будутъ, а по изученіи, всякой, по его достоинству, съ награжденіемъ чиновъ, выпустится» [566].

Императрица Екатерина II, въ первый годъ своего воцаренія на русскомъ престолѣ, учредила для 146 русскихъ дворянскихъ дѣтей артиллерійскій и инженерный шляхетскій корпусъ [567]. — Въ 1766 году изданъ былъ новый уставъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, и тогда же запрещено было принимать въ оный представляемыхъ дѣтей безъ достаточныхъ доказательствъ объ ихъ дворянствѣ [568]. — Но замѣчательнымъ является еще тотъ фактъ, что въ то время начали возникать уже и въ губерніяхъ учебныя заведенія на иждивеніи дворянскихъ обществъ; такъ, напримѣръ, въ 1777 году тверское дворянство основало училище на 180 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей [569]. — Въ особенности же заботилась Екатерина II объ основанной Петромъ Великимъ академіи наукъ, далеко не процвѣтавшей подъ управленіемъ Кирилла Разумовскаго, сдѣлавшагося президентомъ ея съ 21 мая 1746 года. Для под-

нятія этаго высокаго учено-учебнаго заведенія, императрица не пожалѣла ни какихъ средствъ и пригласила, для управленія имъ, знаменитаго Эйлера, выразивъ свое, по этому случаю, удовольствіе въ всѣдующихъ словахъ: «я увѣрена», пишетъ государыня, «что моя академія возродится изъ пепла отъ такого важнаго пріобрѣтенія, и заранѣе поздравляю себя съ тѣмъ, что возвратила Россіи этаго великаго человѣка» [570].

Такъ развивались, въ теченіе XVIII вѣка, два существенныя, введенныя Петромъ Великимъ, по отношенію къ шляхетству, начала: *обязательная служба и обязательное обученіе.*— Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію историческихъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ къ отмѣнѣ перваго изъ этихъ началъ, т. е. къ отмѣнѣ обязательной для шляхетства службы.

ГЛАВА III.

Уклоненіе шляхетства отъ обязательной службы.—Назначеніе для шляхетской службы 25 лѣтняго срока.—Развитіе высшими представителями шляхетства мысли о расширеніи его правъ.—Манифестъ 18 февраля 1762 года, объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы. — Начало привилегированнаго положенія дворянства.

Уклоненіе шляхетства отъ обязательной службы.

При разсмотрѣніи предмета, излагаемаго въ настоящей главѣ, надобно припомнить, что высшій классъ русскаго общества, со временъ Іоанна III, несъ вѣчно обязательную службу государству, и каждый членъ его получалъ вознагражденіе помѣстьями и вотчинами. Такимъ образомъ, классъ этотъ сдѣлался, въ одно и тоже время, и служилымъ, и землевладѣльческимъ. Какъ служилый, т. е. служащій государю, классъ этотъ стремился къ Москвѣ, гдѣ былъ царскій дворъ, жаловались чины, откуда посылали на воеводство и въ разныя посылки; какъ классъ землевладѣльческій — хозяинъ своихъ помѣстьевъ и вотчинъ — тянулъ къ деревнѣ. Между тѣмъ, къ концу XVII столѣтія, царская служба стала тяжелѣе, и тѣ изъ служилыхъ людей, которые увлечены были деревенскою жизнію и мирными занятіями хозяевъ, начали укрываться отъ службы, не смотря на строгое, положенное за это закономъ взысканіе— батоги, лишеніе имѣнія и проч. [571].

Мы видѣли, что Петръ Великій не давалъ новыхъ помѣстьевъ за службу; но отъ людей, владѣвшихъ уже помѣстьями, требовалъ по-прежнему службы обязательной, постоянной во всю жизнь, какъ было и до него. Поэтому, однѣ и тѣ же причины производили одинакія явленія: шляхетство, преобразованное имъ и составленное изъ служилыхъ людей, не переставало проявлять тѣ же двойственныя движенія и въ XVIII вѣкѣ — высшее стремилось въ столицу, низшее, тяготясь обязательною службою, продолжало всѣми средствами уклоняться отъ нея и прятаться въ деревни. Дворяне и дворянскіе недоросли, укрывавшіеся отъ службы, подвергались, по указамъ Петра Великаго и его преемниковъ, различнымъ взысканіямъ — денежнымъ штрафамъ, конфискаціи (отпискѣ на государя) имѣній, тѣлеснымъ наказаніямъ и т. п.; но, не смотря на то, побѣги не уменьшались, дворяне продолжали уклоняться отъ службы, и никакія правительственныя противъ этого мѣры не помогали [572].

Назначеніе для шляхетской службы 25 лѣтняго срока.

Такое положеніе дѣла существовало до избранія на всероссійскій престолъ Анны Іоанновны въ 1730 году. Шляхетство, въ главѣ котораго были тогда высокопоставленные по рожденію, рангамъ и образованію, дѣятели, Ив. Ив. Шуваловъ, В. Н. Татищевъ, Мусинъ—Пушкинъ и др., пользуясь обстоятельствами, заявило свой голосъ, объ облегченіи обязательной службы, чрезъ ограниченіе срока ея извѣстнымъ числомъ лѣтъ [573]. Въ слѣдствіе сего, признано было необходимымъ удовлетворить всеобщему желанію назначеніемъ урочныхъ лѣтъ службы. Въ манифестѣ, изданномъ по сему случаю 31 декабря 1736 года, между прочимъ, было постановлено: «Всѣмъ шляхтичамъ, отъ 7 до 20 лѣтъ возраста ихъ, быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу, и всякій долженъ служить въ воинской службѣ, отъ 20 лѣтъ возраста своего, 25 лѣтъ; а по прошествіи 25 лѣтъ, всѣхъ, хотя бы кто еще и въ службу былъ годенъ, отъ воинской и статской службы отставлять, съ повышеніемъ одного ранга, и отпускать въ домы, а кто изъ нихъ добровольно больше служить пожелаетъ, такимъ давать на ихъ волю; а которые шляхтичи, за болѣзнями или ранами, по свидѣтельствамъ, явятся къ службѣ неспособны,

могутъ быть отставлены и отпущены въ домы свои и до урочныхъ лѣтъ» [574].

Это былъ первый шагъ на пути освобожденія шляхетства отъ обязательной службы, тяготѣвшей надъ нимъ и его предшественниками, служилыми людьми, триста лѣтъ; второй и окончательный—сдѣланъ былъ при Петрѣ III.

Развитіе высшими представителями шляхетства мысли о расширеніи его правъ.

Сѣмена, брошенныя манифестомъ 1736 года, не исчезли безслѣдно; они дали всходъ и плодъ изобильный. Съ того времени, а въ особенности съ царствованія Елисаветы Петровны, шляхетство русское стало дѣлаться самостоятельнѣе, по мѣрѣ того,какъ лучшіе его представители болѣе и болѣе усвоивали себѣ знаніе политическихъ дѣлъ и разныхъ наукъ. Весьма естественно, что при такомъ умственномъ развитіи, въ шляхетствѣ росло сознаніе всей тягости своего постояннаго прикрѣпленія къ правительству—къ своей постоянной обязательности государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ государственныхъ людяхъ русской земли являлось понятное стремленіе освободить своихъ шляхетныхъ сочленовъ отъ этаго тяжкаго для нихъ бремени.—Такъ, одинъ изъ сподвижниковъ Петра Великаго, обязанный ему своимъ образованіемъ, трудолюбивый историкъ, Татищевъ, сильно хлопоталъ вмѣстѣ съ другими авторитетными личностями, объ опредѣленіи для шляхтичей срока службы [575]. Другой благороднѣйшій государственнный мужъ того времени, Ив. Ив. Шуваловъ, предлагалъ даровать дворянству, между прочимъ, слѣдующія преимущества: у дворянина, впавшаго въ преступленіе, конфисковать лишь благопріобрѣтенное, но не родовое имѣніе; онъ освобождается отъ безчестной политической казни и проч.—Подобныя же мысли, о необходимости расширенія правъ и преимуществъ шляхетства, издавна проводили: братья Воронцовы, другъ Шувалова генералъ-адъютантъ А. П. Мельгуновъ, тайный секретарь Петра III Дмитрій Васильевичъ Волковъ и другіе [576]. Всѣ эти лица были весьма близки ко двору Елисаветы Петровны и имѣли вліяніе на дѣла. Такимъ образомъ, твердая почва для реформы была уже достаточно подготовлена, когда, по смерти императрицы, вступилъ на престолъ племянникъ ея, Петръ III Ѳеодоровичъ [577].

Манифестъ 18 Въ одну недѣлю, со дня своего царствованія, государь сей

уволилъ отъ службы въ отставку болѣе 170 человѣкъ разныхъ чиновъ гвардіи (полковъ преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго и коннаго) до капитана включительно, съ производствомъ ихъ въ слѣдующіе высшіе чины. Ясно, что отставка явилась въ родѣ награды и давалась, безъ всякаго сомнѣнія, по просьбѣ желавшихъ оставить военную службу. — Затѣмъ, 18 февраля 1762 года изданъ былъ Петромъ III манифестъ, «о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству».

февраля 1762 года объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы.

Послѣдствія дворянской свободы и вольности, какъ гласитъ этотъ основный законодательный актъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Всѣ дворяне, на какой бы службѣ они ни находились, могутъ, въ силу этаго узаконенія, продолжать ее, или выйти въ отставку, съ такими ограниченіями: служащіе по военной части не могутъ просить отставки или отпуска, какъ во время кампаніи, такъ и за три мѣсяца предъ открытіемъ ея; а дворяне, состоявшіе въ военной службѣ въ нижнихъ чинахъ менѣе оберъ-офицерскаго, могли увольняться только тѣ, которые прослужили въ нижнихъ чинахъ болѣе 12 лѣтъ, остальные же, для полученія права на отставку, должны были служить до офицерскаго чина [578]; военные увольнялись отъ службы своими командующими, служащіе въ гражданской службѣ увольнялись отъ нея, по своему желанію, во всякое время — чиновники первыхъ восьми классовъ государемъ, а прочіе низшихъ классовъ подлежащими департаментами или начальствами; всѣ служащіе дворяне, при увольненіи въ отставку, буде служба ихъ была безпорочна и прослужили они въ одномъ чинѣ болѣе года, награждались однимъ слѣдующимъ рангомъ; переходившіе же изъ военной службы въ гражданскую повышались однимъ слѣдующимъ рангомъ только тогда, когда прослужили три года въ прежнемъ чинѣ.

2. Если дворяне, служившіе въ военной службѣ, по выходѣ въ отставку или по переходѣ въ гражданскую, вновь пожелаютъ вступить въ военную службу и окажутъ свои къ ней достоинства, то принимать таковыхъ тѣми же чинами, въ которыхъ они состоятъ, съ переименованіемъ военныхъ чиновъ, но старшинствомъ младшими предъ всѣми тѣми,

кои съ ними, когда они изъ военной службы уволены, въ однихъ рангахъ состояли; если жъ послѣдніе всѣ уже повышены будутъ въ чинахъ, то и опредѣляющійся въ военную службу старшинство получитъ съ того дня, какъ опредѣлится [579]; равнымъ образомъ, кто, будучи отъ статской службы отставленъ, и потомъ изъ сей отставки пожелаетъ въ статскую же, и, по его годности, можно будетъ принять, то поступать, какъ сказано выше, исключая одно переименованіе; это постановляется, какъ сказано въ манифестѣ, для того, чтобы служащіе передъ неслужащими имѣли выгоду и пользу.

и 3. Если дворянинъ, уволенный отъ службы, пожелаетъ уѣхать за границу въ другія европейскія государства, такому иностранная коллегія должна давать паспортъ безпрепятственно, но съ обязательствомъ, чтобъ онъ возвратился въ свое отечество по первому требованію правительства, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія; пребывающій же въ чужихъ краяхъ дворянинъ можетъ поступать на службу у другихъ коронованныхъ главъ, и затѣмъ, съ тѣмъ же чиномъ, на который предъявитъ иностранный патентъ, можетъ перейти въ русскую службу [580].

Начало привилегированнаго положенія дворянства.

Таковы права, предоставляемыя манифестомъ 18 февраля 1762 года всему россійскому благородному дворянству. По своему содержанію, манифестъ этотъ имѣетъ первостепенную важность въ исторіи русскаго дворянства. Онъ освободилъ дворянство отъ обязательной службы государству, и сдѣлалъ дворянство классомъ привилегированнымъ, отличающимся отъ другихъ, непривилегированныхъ классовъ, своими правами и преимуществами. Онъ впервые даровалъ дворянству юридическія права, которыхъ оно до того времени не имѣло, и окончательно опредѣлилъ то положеніе дворянъ въ государствѣ, какое сохранили они до настоящаго времени; положеніе же это обозначилось въ томъ, что обязательная служба, снятая съ дворянъ въ 1762 году, осталась нравственною обязанностію, требуемою правилами чести и чувствомъ личнаго достоинства благородныхъ людей. Съ этой точки зрѣнія обязанность службы для дворянина сохраняется въ общественномъ пониманіи, какъ необходимая принадлежность дворянства: она не исчезаетъ даже до нашихъ дней [581]. Словомъ, манифестъ 1762 г.

составляетъ полное отступничество отъ прежнихъ убѣжденій и правительственныхъ порядковъ, относительно дворянской службы государству, и ясно выражаетъ то, что̀ признано было лучшими государственными и частными людьми необходимымъ,— людьми, дорожившими интересомъ своей страны и стремившимися къ благу ея.

ГЛАВА IV.

Грамата, жалованная дворянству 21 апрѣля 1785 года.—Права, дарованныя дворянству: Вольность и свобода отъ обязательной службы.—Свобода отъ тѣлеснаго наказанія.—Право поземельной собственности.—Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговлею. — Свобода отъ личныхъ податей. — Неприкосновенность дворянскаго достоинства.

Императрица Екатерина II, по восшествіи своемъ на престолъ 28 іюня 1762 года, признавъ упомянутый манифестъ Петра III не вполнѣ соотвѣтствовавшимъ требованію времени и пользамъ государственнымъ, учредила при дворѣ своемъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ коммиссію, которой поручено было разсмотрѣть этотъ актъ и привести его содержаніе въ лучшее совершенство, расширеніемъ дарованныхъ имъ дворянству правъ [582]. Затѣмъ, когда коммиссія выполнила порученное ей дѣло, императрица, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и трудовъ коммиссіи, даровала дворянству жалованную грамату 21 апрѣля 1785 года — безсмертный памятникъ ея ума и великодушія [583].

Грамата, жалованная дворянству 21 апрѣля 1785 г.

Какъ женщина отлично образованная, стоявшая, по своему уму и развитію, далеко выше всѣхъ окружавшихъ ее сподвижниковъ — людей то же даровитыхъ, Екатерина II въ этой грамат̀ѣ, съ тактомъ и искусствомъ только ей свойственнымъ, съумѣла согласить законы и намѣренія геніальнаго предшественника своего, Петра Великаго, съ актомъ Петра III, и съ существенными потребностями государства. Она обратила вниманіе, главнымъ образомъ, на то, чтобъ установить найлучшую, по возможности, гармонію между интересами государства и интересами дворянства, т. е. чтобы интересы послѣдняго не шли въ разрѣзъ съ интересами перваго. Въ слѣдствіе сего,

опредѣливъ съ точностію, на основаніи табели о рангахъ 1722 года, составъ благороднаго сословія, значеніе его и степень въ государствѣ, императрица не только подтвердила все, что̀ даровано ему Петромъ III; но, уважая человѣческое достоинство, увеличила права того сословія другими, не менѣе важными преимуществами, послужившими основой для новаго порядка дѣлъ.

Въ знаменательной граматѣ 1785 года мы встрѣчаемъ въ первый разъ, что высшему классу людей, дворянству, даруются и обезпечиваются этимъ закономъ личныя права, — впервые выступаетъ въ этомъ классѣ на сцену лицо—человѣкъ, котораго безъ суда нельзя подвергнуть ни какому наказанію [584]. — Главнѣйшія же права и преимущества дворянства, о которыхъ говорится въ дворянской граматѣ, суть слѣдующія:

Вольность и свобода отъ обязательной службы [585].
Свобода отъ тѣлеснаго наказанія [586].
Право поземельной собственности [587]
Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговлею [588].
Свобода отъ личныхъ податей [589].
Неприкосновенность дворянскаго достоинства [590].

Въ этомъ порядкѣ мы и прослѣдимъ права и преимущества дворянства.

Вольность и свобода отъ обязательной службы.

Жалованная дворянству грамата не создаетъ для него новыхъ служебныхъ правилъ; она даетъ только полную и безусловную силу постановленіямъ по этому предмету манифеста 18 февраля 1762 года, именно подтверждаетъ на вѣчныя времена, въ потомственные роды, россійскому дворянству: а) вольность и юридическую свободу [591]; б) дозволеніе находиться на государственной службѣ, продолжать ее, или просить отъ нея увольненія, по установленнымъ на то правиламъ [592]; и в) право выѣзжать въ чужіе краи и вступать въ службу прочихъ европейскихъ, союзныхъ Россіи, державъ [593]. Такимъ образомъ, по смыслу этихъ постановленій, обязанность дворянства нести службу, имѣвшая характеръ принудительный, превращена въ право поступленія на службу—въ право служить отечеству, какъ въ чинахъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, и пользоваться

особыми, при производствѣ въ чины, преимуществами предъ прочими званіями [594].

Производство въ военные чины при Петрѣ Великомъ, какъ уже объяснено выше, не обусловливалось ни какимъ сословнымъ преимуществомъ, и, какъ знатные, такъ и простолюдины, должны были начинать военную службу солдатами; поэтому, въ первыхъ гвардейскихъ полкахъ нашихъ, преображенскомъ и семеновскомъ, всѣ почти солдаты были дворяне.—При Елисаветѣ Петровнѣ дѣти дворянъ опредѣлялись въ военную службу не иначе, какъ, сначала солдатами, а потомъ уже производились по линіи, по старшинству и достоинству, въ унтеръ-офицеры и въ оберъ-офицеры. Въ послѣдствіи, одни только дворяне производились въ капралы и въ унтеръ—офицеры гвардіи [595].—Не отмѣняя этихъ правилъ, Екатерина II первоначально, въ 1765 году, постановила, чтобъ для недворянъ оставался, согласно манифесту 18 февраля 1762 года, 12 лѣтній въ нижнихъ чинахъ срокъ для полученія оберъ-офицерства [596]; дворянамъ же, служившимъ въ военной службѣ, даваемы были бы чины подпрапорщика и младшаго сержанта, изъ которыхъ они должны были производиться въ офицеры предпочтительно предъ недворянами, не взирая на старшинство послѣднихъ [597]. Потомъ, императрица узаконила, чтобы, при опредѣленіи на службу въ полки гвардіи дворянскихъ сыновей, требуемы были свидѣтельства губернскихъ предводителей, о дворянской породѣ опредѣляющихся, а безъ таковыхъ свидѣтельствъ въ гвардію не принимать [598].—Такъ постоянно развивались начала сословной привилегіи дворянъ по службѣ военной.

Гражданскіе чиновники, въ царствованіе Петра Великаго, браты были изъ шляхетства; но такъ какъ не было положительнаго ограниченія для вступленія въ гражданскую службу и лицамъ другихъ состояній, то встрѣчаются примѣры, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ служили въ приказныхъ чинахъ, т. е. канцелярскими служителями, и крестьяне [599]. Ограниченіе — начинается при Екатеринѣ II, еще за нѣсколько лѣтъ до изданія ею дворянской граматы. Въ 1771 году положительно было воспрещено принимать въ статскую службу людей податнаго званія [600]. Съ этого времени право поступать въ граж-

данскую службу предоставлено было преимущественно дворянству, и ни какихъ изъятій въ этомъ отношеніи допускаемо не было, не смотря на большой недостатокъ канцелярскихъ служителей во многихъ губерніяхъ. Сроки для производства въ гражданскіе чины опредѣленны въ 1760 году; предписано было: жаловать канцеляристовъ регистраторскими чинами, а регистраторовъ секретарями, не прежде, какъ по прослуженіи ими 8 лѣтъ въ настоящихъ чинахъ [601]. Впрочемъ, какъ это предписаніе, такъ и позднѣйшій законъ 1767 года, установившій 7 лѣтній срокъ службы въ одномъ чинѣ, для производства въ другой, не даютъ еще при этомъ никакихъ привилегій для дворянъ [602]; только лишь въ 1772 году повелѣно было — въ представленіяхъ сенату о награжденіи чинами прописывать, изъ какого званія кто поступилъ въ службу [603]. Наконецъ, законъ 1790 года окончательно устанавливаетъ сословную привилегію въ чинопроизводствѣ по гражданской службѣ, назначеніемъ болѣе сокращенныхъ сроковъ для производства въ чины дворянъ, и повышеніемъ сроковъ для производства въ VIII классъ недворянъ. Закономъ этимъ повелѣвается: а) производить въ чины до VIII класса только тѣхъ, которые прослужили 3 года въ одномъ чинѣ; б) изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники, и изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры, недворянъ не иначе производить, какъ по прослуженіи ими 12 лѣтъ безпорочно, а о представляемыхъ до этого срока докладывать государынѣ; в) при отставкѣ повышать однимъ рангомъ только дворянъ, прослужившихъ въ послѣднемъ чинѣ одинъ годъ; и г) дворянамъ свободно переходить изъ статской службы въ военную на основаніи манифеста 18 февраля 1762 года, а статскимъ чинамъ недворянскаго происхожденія такой переходъ былъ возбраненъ [604]. Были примѣры, что переходъ изъ гражданской службы въ военную совершался съ тѣмъ же чиномъ; такъ, въ 1762 году, по воцареніи Екатерины II, нѣсколько титулярныхъ совѣтниковъ были переименованы капитанами кавалергардовъ [605]. Въ послѣдствіи, въ 1791 году, въ дополненіе къ вышеизложеннымъ правиламъ, постановлено было, чтобы, при представленіяхъ къ чину коллежскаго ассесора, на-

чальства прилагали и свидѣтельства о дворянствѣ представляемыхъ[606].

Очевидно, изъ всего сказаннаго, что по службѣ гражданской, равно какъ и по военной, установлены были Екатериною II, для чинопроизводства, начала сословной привилегіи; они не выводились изъ нашего законодательства и въ послѣдующія времена.

Свобода отъ тѣлеснаго наказанія.

Дворянство не пользовалось въ Россіи свободою отъ тѣлеснаго наказанія до изданія, въ 1785 году, дворянской граматы. Современникъ царя Алексѣя Михайловича, Котошихинъ, въ статьѣ своей о разбойномъ приказѣ пишетъ, что за разбой, поджогъ и другія преступленія пытали всякаго «какого чину ни буди — князь, или бояринъ, или простой человѣкъ»[607]. Такимъ образомъ, служилые люди всѣхъ безъ изъятія чиновъ подвергались въ древней Россіи тѣлеснымъ наказаніямъ; людей всѣхъ разрядовъ, за самые обыкновенные проступки, били батогами, несостоятельныхъ должниковъ ставили на «правежъ», т. е. ежедневно по нѣсколько часовъ колотили батогами по ногамъ впредь до уплаты долга, а за преступленія уголовныя были положены жестокія казни — висѣлица, обезглавленіе, сажаніе на колъ и т. п. — Наказанія эти продолжали существовать при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ; и потому, шляхетство подлежало въ тѣ времена тѣлеснымъ наказаніямъ наравнѣ со всѣми другими общественными классами, не исключая священниковъ и прочихъ лицъ духовнаго званія[608].

Присемъ надобно замѣтить, что до Петра Великаго тѣлесныя наказанія были дѣломъ обыкновеннымъ, ни мало не нарушающимъ обычнаго строя жизни. Они не лишали царскихъ чиновныхъ людей ни чести, ни гражданскихъ правъ прежняго состоянія; ихъ били кнутомъ, или плетьми, и, затѣмъ, возвращали къ прежней должности — къ должности судьи приказа, воеводы полка или города, стольника или стряпчаго, — а боярской, окольнической, стольнической или стряпческой чести ни какого позора (потерки) отъ того не было. Только Петръ Великій впервые установилъ, что «шельмованный» и публично на площади наказанный лишается своего титула и ранга, «безчестится», такъ какъ всякій членъ обще-

ства долженъ чуждаться его «мерзить» имъ, не долженъ ни здороваться, ни привѣтствовать его»[609].

Во второй половинѣ XVIII вѣка, возникли у насъ знаменательныя явленія, которыя не могли пройти безслѣдно. Между тѣмъ какъ съ одной стороны, умственное движеніе, начавшееся уже тогда въ привилегированной части нашего общества, совершало исподволь дѣло цивилизаціи, съ другой—кротость и привѣтливость — главныя отличительныя черты личнаго характера Елисаветы Петровны, высокій умъ и обширныя знанія Екатерины II, — сильно повліяли на смягченіе въ Россіи нравовъ, которые поэтому, въ промежутокъ времени царствованія императрицъ, много потеряли своей прежней грубости. Естественно, что, при такомъ направленіи, дворянство, вступившее на путь европейской цивилизаціи, стало уже смотрѣть на тѣлесныя наказанія, которымъ подвергались члены его, по установившемуся издавна въ московскій періодъ крѣпостному порядку, какъ на наказанія, позорящія честь и доброе имя дворянина — честь и достоинство сословія[610]. Такой взглядъ на предметъ не замедлилъ выразиться и въ законѣ 1756 года, которымъ постановлено было, что если сыщикамъ разбойниковъ не будутъ оказывать помощи управители, то тѣхъ изъ нихъ, которые не изъ дворянъ, бить плетьми, а которые изъ дворянъ содержать подъ карауломъ[611]. — Обнаружилось также, что лучшіе изъ дворянства русскаго люди, не могши уже переносить того, что односословниковъ ихъ подвергали унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, продолжали громко заявлять свои голоса, объ уничтоженіи ихъ. Такъ, Ив. Ив. Шуваловъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, проектируя въ 1750 году для своего отечества «фундаментальные и непремѣнные законы», требовалъ, чтобъ освободили дворянъ отъ безчестной политической казни — отъ кнута и плетей. А въ послѣдствіи времени, еще энергичнѣе заявлено было въ коммиссіи 1767 года дворянскими депутатами елецкимъ, медынскимъ, ярославскимъ и кашинскимъ, требованіе о томъ, чтобы всякій дворянинъ избавленъ былъ навсегда отъ тѣлеснаго наказанія въ какое ни впалъ бы онъ преступленіе[612].

Неизвѣстно, сдѣлано-ли что-нибудь Екатериною II на

практикѣ, для удовлетворенія этихъ заявленныхъ требованій, въ промежутокъ времени отъ закрытія означенной коммиссіи до изданія въ 1785 году дворянской граматы; но въ самой этой граматѣ уже постановлено было: «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго», а съ тѣмъ вмѣстѣ распространено это постановленіе и на служащихъ въ нижнихъ воинскихъ и гражданскихъ чинахъ дворянъ, которые до того времени подвергались всѣмъ тѣмъ наказаніямъ, что и рядовые изъ простолюдиновъ[613]. Безспорно, что уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній имѣло облагораживающее вліяніе на все дворянское сословіе.

Право поземельной собственности.

Въ третьемъ періодѣ настоящаго «очерка исторіи русскаго дворянства» уже объяснено, что въ московскомъ государствѣ поземельную собственность составляли два различные вида владѣнія — помѣстья и вотчины, различные потому, что первыя имѣли въ началѣ характеръ государственный, вторыя — частный гражданскій; упомянуто было также и о томъ, что, съ теченіемъ времени, къ концу XVII вѣка, помѣстья и вотчины фактически слились въ одинъ видъ поземельнаго владѣнія, составляя собственность владѣльцевъ, и владѣнія таковыя обусловливались непремѣнною обязательною службою государству, слѣдовательно принадлежали только лицамъ служилаго класса — царскимъ чиновнымъ людямъ; и что, наконецъ, владѣніе помѣстьями и вотчинами, такимъ недвижимымъ имуществомъ, на которое распространялось регальное право государства, въ сущности представляло въ рукахъ владѣльцевъ неполную или несвободную поземельную собственность, такъ какъ имущество это возможно было только подъ условіемъ службы государству, а въ случаѣ уклоненія отъ нея, отбирались отъ владѣльцевъ безразлично помѣстья и вотчины.

Оставивъ владѣніе поземельною собственностію въ своей силѣ и при преобразованіи служилыхъ людей въ шляхетство, Петръ Великій закономъ, изданнымъ 23 марта 1714 года, о майоратѣ, установилъ одинъ и тотъ же порядокъ единонаслѣдія, какъ въ помѣстьяхъ, такъ и въ вотчинахъ[614]; и тѣмъ самымъ соединилъ ихъ и юридически подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ имуществъ, т. е. облекъ въ форму закона то,

что уже до него существовало на дѣлѣ[615]. Но это уравненіе помѣстьевъ съ вотчинами не измѣнило древняго начала поземельнаго права въ Россіи, по которому *«одинъ только государь есть полный хозяинъ и вотчинникъ всей поземельной собственности въ русской странѣ»*[616]. Этотъ вотчинный взглядъ древней Россіи на недвижимыя имущества ясно выразился и при Петрѣ Великомъ въ его извѣстномъ распоряженіи, въ силу котораго, города Копорье и Ямбургъ[617] переданы были въ частное владѣніе свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову[618].

На основаніи того же регальнаго начала, несвободная поземльная собственность шляхетства превратилась при Петрѣ Великомъ въ весьма ограниченное владѣніе по предмету: А. *пользованія*, и Б. *распоряженія ею*, какъ показываютъ это нижеслѣдующіе, болѣе крупные факты, почерпнутые изъ современныхъ законоположеній.

А. По предмету ограниченія права *пользованія* недвижимыми имуществами:

Въ 1700 году повелѣно было воеводамъ и особымъ чиновникамъ отыскать руды на земляхъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, которые до того времени могли свободно добывать металлы и минералы въ нѣдрахъ своихъ земель. «Намъ однимъ, яко монарху», говоритъ Петръ Великій въ указѣ объ учрежденіи оберъ-коллегіума, «принадлежатъ рудокопные заводы; но мы, по любви къ нашимъ подданнымъ, милостиво соизволяемъ употребленіе ихъ каждому и всѣмъ вообще, кто имѣетъ къ тому охоту». Въ слѣдствіе сего, всякому дано было право, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ, искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы[619]. Въ 1703 году запрещено было владѣльцамъ земель, на пространствѣ 50 верстъ отъ большихъ и 20 отъ малыхъ рѣкъ, удобныхъ для сплавки лѣсовъ, рубить дубъ, кленъ, большую сосну и др. — Въ 1704 году нѣкоторыя угодья на владѣльческихъ земляхъ причислены были къ казеннымъ оброчнымъ статьямъ; къ нимъ относились: пчельники, обложенные оброкомъ, какъ казенныя статьи; рыбныя ловли, отдаваемыя въ содержаніе изъ-за платежа въ казну оброка; охота или ловля звѣрей и птицъ въ окрестностяхъ

Петербурга и Москвы; а съ мельницъ, принадлежащихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, повелѣно было брать, въ видѣ оброка, одну четвертую часть дохода[620].

Всѣ эти ограниченія оставались въ силѣ до царствованія Екатерины II. Манифестомъ ея, изданнымъ 28 іюня 1782 года[621], право собственности владѣльцевъ распространено на всѣ произведенія земли, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея содержащіяся, — на лѣса, на рыбныя ловли, на все имѣніе, со всѣми угодьями въ немъ находящимися, съ отмѣною также еще въ 1775 году сбора съ владѣльческихъ мельницъ, сдѣлавшихся затѣмъ полною собственностію ихъ владѣльцевъ. Права эти вполнѣ подтверждены благороднымъ и въ жалованной дворянству граматѣ 21 апрѣля 1785 года[622].

Б. По предмету ограниченія права *распоряженія* недвижимыми имуществами:

Въ преобразовательной своей дѣятельности Петръ Великій, обративъ вниманіе на матеріальный бытъ служащихъ дворянъ, нашелъ, что раздѣленіемъ недвижимыхъ имѣній между всѣми наслѣдниками наносится великій вредъ интересамъ государственнымъ и самимъ дворянскимъ фамиліямъ, потому что члены ихъ впадаютъ въ бѣдность и, не имѣя средствъ съ достоинствомъ поддержать свои фамиліи, дѣлаются часто поселянами[623]. Въ слѣдствіе сего, дабы предупредить раздробленіе дворянскихъ вотчинъ и, устраненіемъ раздробленія, еще болѣе возвысить дворянское достоинство, Петръ Великій издалъ, 23 марта 1714 года, законъ о майоратѣ, или единонаслѣдіи въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ. Въ силу этого закона, дворянинъ не имѣлъ права ни продать, ни заложить своей недвижимой собственности (помѣстьевъ и вотчинъ), а долженъ передать ее, посредствомъ завѣщанія, одному изъ сыновей по своему благоусмотрѣнію; прочіе же сыновья, которымъ, по раздѣлу, достанется только часть движимаго имущества, должны были, по словамъ закона, собственными трудами, службою, ученіемъ, искусствомъ, торгами, снискивать себѣ пропитаніе и пріобрѣтать уваженіе общества[624].

Но майоратъ, введенный Петромъ Великимъ, какъ показалъ опытъ, сдѣлался страшнымъ бременемъ для русскаго

шляхетства рядоваго. Оно сильно тяготилось, строго исполнявшимся, въ теченіе 15 лѣтъ (1714 — 1730), майоратомъ, который съ одной стороны вызвалъ значительное разстройство сельскихъ хозяйствъ, отъ того, что наслѣдникъ получалъ деревни и земли безъ зернового хлѣба и скота, а съ другой — ввергалъ членовъ шляхетства въ бѣдность и заставлялъ ихъ терять шляхетскіе поступки. Посему, и въ слѣдствіе представленія сената, императрица Анна Іоанновна отмѣнила (31 декабря 1730 г.) законъ о майоратѣ, и, возстановивъ тотъ порядокъ наслѣдованія, который опредѣленъ былъ въ уложеніи (1649 г.), сняла съ шляхетства ограниченное право распоряжаться своими недвижимыми имѣніями [625]. Затѣмъ Екатерина II жалованною граматою 1785 года подтвердила дворянству полную свободу распоряжаться благопріобрѣтенными имѣніями, ограничивъ только право распоряженія имѣніями родовыми [626].

Замѣчено уже въ подлежащихъ мѣстахъ настоящаго историческаго изложенія, что помѣстья и вотчины, слившіяся въ одинъ видъ владѣнія, извѣстный со временъ Петра Великаго подъ именемъ недвижимыхъ поземельныхъ владѣній, лежащихъ въ уѣздахъ, принадлежали исключительно служилымъ чиновнымъ людямъ отъ самаго начала установленія въ Россіи помѣстной системы. Между тѣмъ, въ царствованіе Петра Великаго, образовалось сословіе, названное шляхетствомъ, въ составъ котораго вошли прежніе служилые люди и новыя личности, въ силу пріобрѣтенія послѣдними чиновъ, введенныхъ Петромъ Великимъ [627]. — Шляхетство это, по табели о рангахъ, раздѣлялось на потомственное и личное [628]. Не подлежало никакому сомнѣнію, что члены потомственнаго шляхетства имѣли право владѣть недвижимою поземельною собственностію въ уѣздахъ, и право это основывалось на томъ соображеніи, что на нихъ лежала обязательная служба государству, за отбываніе которой владѣли они помѣстными и вотчинными землями, съ прикрѣпленными къ этимъ землямъ крестьянами. Но при этомъ естественно возникалъ вопросъ о томъ, въ правѣ ли вновь созданное табелью о рангахъ личное шляхетство владѣть подобнымъ недвижимымъ имуществомъ? Законодательство

Петра Великаго не разрѣшило этого вопроса. — Потомъ, въ законахъ, изданныхъ Анной Іоанновной и Елисаветой Петровной, постановлено, что личное шляхетство можетъ владѣть тою только поземельною собственностію, которою оно уже прежде владѣло, но пріобрѣтать подобную собственность вновь не въ правѣ [629]. Наконецъ, Екатерина II, жалованною граматою 1785 года, право на поземельную собственность, населенную крестьянами, положительно утвердила за однимъ только потомственнымъ дворянствомъ, предоставивъ ему именоваться и и писаться помѣщиками своихъ помѣстьевъ и вотчинъ, родовыхъ, благопріобрѣтенныхъ, жалованныхъ [630].

Не должно упускать изъ вида, при разсмотрѣніи права поземельной собственности, еще и того, что у насъ существовалъ установившійся столѣтіями обычай, по которому служилые люди, въ продолженіе всего московскаго періода, и шляхетство, въ теченіе первой половины XVIII вѣка, за всякое преступленіе или нарушеніе служебныхъ обязанностей, подвергались отнятію у нихъ помѣстьевъ и вотчинъ, съ отпискою (конфискаціею) ихъ на государя, и съ устраненіемъ отъ таковыхъ имѣній наслѣдниковъ [631]. Обычай этотъ вытекалъ изъ одного и того же стариннаго вотчиннаго начала — изъ регальнаго права правительства на землю, по которому служилые люди до-петровскихъ временъ и шляхетство первой половины XVIII вѣка владѣли землями не на правѣ полной собственности, а владѣли ими какъ жалованьемъ за обязательную службу государству; но, какъ скоро обязательная служба дворянства была отмѣнена и поземельное владѣніе признано было полною собственностію его, то и отписка, за преступленіе дворянина, имѣнія его на государя, явилась несостоятельною и необходимо должна была упразднiться. Вотъ почему жалованною граматою 1785 года узаконено: «наслѣдственное имѣніе благороднаго, въ случаѣ осужденія его за преступленіе, отдавать его законнымъ наслѣдникамъ» [632]. Итакъ, жалованная дворянству грамата уничтожила конфискацію дворянскихъ имѣній; конфискація удержана только, какъ исключеніе, за политическія преступленія, но, во всякомъ случаѣ, по повелѣнію верховной власти [633].

Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговлею.

Главная и существенная повинность служилыхъ чиновныхъ людей, названныхъ въ царствованіе Петра Великаго шляхетствомъ, состояла въ постоянной обязательной службѣ государству, и потому заниматься торговлею и промыслами считалось вообще несовмѣстнымъ съ этою, лежавшею на шляхетствѣ, службою. Но такъ какъ члены шляхетства, кромѣ значенія служебнаго, имѣли еще значеніе помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, то имъ, какъ сельскимъ хозяевамъ, дозволена была продажа произведеній своихъ деревень. При томъ же шляхетство, имѣя исключительное право винокуренія на своихъ земляхъ, предоставленное ему указомъ Петра Великаго 1716 года, дѣйствіе котораго подтверждено было и при преемницѣ его, Екатеринѣ I, въ 1726 году, вмѣстѣ съ этой привилегіей, пріобрѣтало и право подряда на поставку вина [634]—право присвоенное также законодательствомъ Елисаветы Петровны и Екатерины II однимъ только дворянамъ [635].

Екатерина II держалась господствовавшаго, въ ея время, въ западной Европѣ общественнаго мнѣнія о томъ, что занятіе торговлей считалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ человѣка благороднаго, дворянина [636]. Поэтому и въ жалованной ею, въ 1785 году, дворянству граматѣ, она подтвердила только прежнее право дворянъ продавать произведенія ихъ дворянскихъ хозяйствъ, дозволивъ произведенія эти отпускать оптомъ даже за границу [637]. И хотя, въ слѣдующемъ 1786 году, подтверждено также ею право дворянъ вступать въ подряды всякаго рода, свойственные дворянской собственности, съ распространеніемъ его на всѣхъ служащихъ дворянъ въ какихъ бы должностяхъ они ни были [638]; однако начало, по которому существенное достоинство дворянина заключалось не въ торговомъ оборотѣ, а главнымъ образомъ въ службѣ военной и гражданской, оставалось неизмѣннымъ, какъ видно изъ постановленія сената 1790 года, положительно воспрещавшаго дворянамъ записываться въ гильдіи [639].

Свобода отъ личныхъ податей.

Обязательная служба государству составляла личную повинность какъ служилаго класса, существовавшаго въ до-петровской Россіи, такъ и зародившагося, въ началѣ XVIII вѣка, шляхетства; къ личнымъ же податямъ привлечены были другіе

классы русскаго общества—купцы, жители городовъ, слободъ и крестьяне разныхъ наименованій.—Въ послѣдствіи, по указу Петра Великаго 1718 года, произведена была первая ревизія, для введенія подушной подати, на содержаніе полковъ [640], и въ ревизскія сказки внесены были классы, обложенные личными податями; классъ же служилыхъ людей, т. е. шляхетство, на которомъ лежала обязательная служба государству, въ эти сказки не было внесено. Отсюда начинается строгое юридическое различіе между податными и неподатными классами. Къ послѣдней категоріи принадлежало именно шляхетство, какъ такой классъ, который постоянно отбывалъ обязательную службу государству.

Между тѣмъ, когда эта обязательная служба снята была съ шляхетства въ 1762 году, оно не подвергалось и тогда личнымъ податямъ и, такимъ образомъ, оставленная за нимъ свобода отъ этаго рода повинностей сдѣлалась уже чисто сословной привилегіей, основанной единственно на достоинствѣ дворянскаго состоянія — сдѣлалась внѣшнимъ юридическимъ разграниченіемъ благородныхъ отъ худородныхъ [641]. При такомъ направленіи дѣла, жалованная въ 1785 году дворянству грамата не дѣлаетъ ни какихъ измѣненій въ этомъ отношеніи и узаконяетъ только то, что уже, до изданія граматы, исторически сложилось въ пользу дворянства, т. е. освобождаетъ это сословіе отъ личныхъ податей, которыми обложенъ исключительно простой народъ [642].

Неприкосновенность дворянскаго достоинства.

До эпохи славнаго царствованія Екатерины II, люди высшаго класса русскаго общества, каковыми считались въ старину служилые чиновники, а съ XVIII вѣка, члены шляхетства, въ случаѣ преступленій или какихъ нибудь провинностей, подвергались наказаніямъ, часто по одному слову государеву и его личному взгляду, безъ всякаго предварительнаго судебнаго разбирательства противузаконныхъ дѣйствій ихъ. Въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, приводится множество примѣровъ въ подтвержденіе того, что чиновные люди, безъ суда, лишались чести, чиновъ, недвижимыхъ имѣній, съ отпискою ихъ на государя, перечислялись изъ высшаго разряда въ низшій и т. п. Первый законода-

тельный актъ, установившій защиту дворянства посредствомъ суда, есть грамата, пожалованная Екатериною II всему россійскому дворянству въ 1785 году. Грамата желаетъ, чтобы «почтительное состояніе благороднаго дворянства сохранялось непоколебимо и ненарушимо». Она требуетъ, чтобы дворяне не лишались дворянскаго достоинства, пока сами не лишатъ себя онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ. Къ такимъ преступленіямъ грамата относитъ: нарушеніе клятвы, измѣну, разбой, воровство всякаго рода, лживые поступки, преступленія, за кои по закону слѣдуетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, подговоръ другихъ къ подобнымъ преступленіямъ.

Но каковы бы ни были преступленія дворянина, безъ суда, и притомъ суда своими равными, онъ не могъ лишиться ни дворянскаго достоиства, ни жизни, ни имѣнія. Притомъ, дѣло дворянина, подвергающагося за свои преступленія лишенію дворянскаго достоинства или жизни, не вершилось безъ внесенія въ сенатъ, откуда поступало на высочайшую конфирмацію [643]. — Начала эти, впервые выраженныя въ жалованной дворянству граматѣ и внесенныя, въ послѣдствіи, въ сводъ законовъ, являются въ нашемъ законодательствѣ совершенно новыми началами: ихъ не знала Россія до царствованія Екатерины II.

ГЛАВА V.

Намѣреніе Петра Великаго привлечь мѣстное уѣздное шляхетство къ участію въ земскомъ управленіи.—Политическое раздѣленіе Россіи на части и составъ мѣстныхъ учрежденій.—Принятіе мѣръ къ снабженію мѣстныхъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій чиновниками изъ среды дворянства. — Право дворянства имѣть сословное самоуправленіе. — Право дворянства участвовать чрезъ своихъ выборныхъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ.—Заключительныя слова объ эпохѣ царствованія Екатерины II.

Намѣреніе Петра Великаго привлечь мѣстное уѣздное шляхетство къ участію въ земскомъ управленіи.

Въ первой главѣ разсматриваемаго періода уже сказано, что Петръ Великій образовалъ изъ старинныхъ служилыхъ людей—помѣщиковъ и вотчинниковъ—сословіе, названное шляхетствомъ [644]. Въ начальныхъ своихъ реформахъ, онъ предполагалъ дать этому сословію землевладѣльческое значеніе, связать его съ интересами владѣемыхъ имъ помѣстьевъ и,

собравъ, такимъ образомъ, изъ него корпоративное общество, предоставить ему, чрезъ выборныхъ изъ среды его людей, участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Но такое намѣреніе царя-преобразователя не имѣло успѣха. — Причина неуспѣшности глубоко коренилась въ тогдашнемъ государственномъ и общественномъ строѣ — въ крѣпостномъ правѣ, по духу и формѣ котораго складывались естественнымъ образомъ и всѣ другія общественныя отношенія въ странѣ. Новое шляхетство такъ же, какъ и прежніе помѣстные служилые люди, должно было нести обязательную службу во всю свою жизнь. Въ немъ крѣпко засѣли старыя привычки; оно по прежнему смотрѣло на государственную службу какъ на прирожденную свою обязанность, и потому, въ немъ преобладалъ интересъ центральнаго правительства—дѣло государево, а не мѣстный интересъ—дѣло своихъ деревень, изъ которыхъ оно, въ большинствѣ своего состава, отсутствовало въ службахъ и отпускахъ, а если иногда и бывало въ родныхъ мѣстностяхъ, то временнымъ гостемъ. Такимъ образомъ, въ обоихъ сихъ случаяхъ шляхетство, оставаясь разобщеннымъ съ своими собратами, землевладѣльцами, не могло сложиться въ мѣстное корпоративное общество [645].

Между тѣмъ, непреклонное теченіе исторіи должно было необходимо устранить препятствія, съ которыми пришлось встрѣтиться Петру Великому въ дѣлѣ организаціи шляхетства въ мѣстныя корпоративныя общества. Манифестъ 18 февраля 1762 года, отмѣнивъ обязательную службу дворянства въ полкахъ и канцеляріяхъ, распустилъ его по деревнямъ. Пользуясь свободою отъ служебнаго многовѣковаго тягла, дворянство массами перемѣстилось въ родныя помѣстья и вотчины, и, опустѣлые до того уѣзды, наполнились помѣщиками, осѣвшими въ своихъ имѣніяхъ и связавшимися съ интересами мѣстности. Сознаніе же этихъ зародившихся интересовъ, безъ сомнѣнія необходимыхъ и полезныхъ, вызвало потребность сближенія между собою членовъ одного и того же высшаго сословія чрезъ обмѣнъ мыслей, изученіе взаимныхъ выгодъ и т. п.; но, такъ какъ достиженіе такого сближенія представлялось возможнымъ лишь только въ совѣщательныхъ дворян-

скихъ обществахъ, то организація этихъ обществъ дѣйствительно и совершилась въ послѣдствіи времени, въ формѣ дворянскихъ собраній.

Политическое раздѣленіе Россіи на части и составъ мѣстныхъ учрежденій.

Въ началѣ XVIII столѣтія, главныя части Россіи были: великая, малая и бѣлая Россія; царства казанское, астраханское и сибирское; земли балтійскія — Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія, Карелія, и часть Финляндіи [646]. Эти главныя составныя части Россіи раздѣлены были Петромъ Великимъ на 16 губерній [647], каковое дѣленіе началось въ 1708 году и кончилось въ 1719 году; губерніи опять подраздѣлялись на провинціи (уѣзды) [648], и, въ такомъ видѣ, существовали до царствованія Екатерины II.

Мѣстное управленіе въ то время было: общее, военное, финансовое и судебное. Общее управленіе составляли: въ губерніяхъ — генералъ-губернаторы, губернаторы [649] и вице-губернаторы; въ провинціяхъ—воеводы; въ городахъ—коменданты. Военное—находилось или въ рукахъ полковниковъ, если армія расположена была въ провинціяхъ, или у комендантовъ, если она размѣщена была въ городахъ. Финансовое—состояло въ губерніяхъ изъ камериpовъ (сборщиковъ податей) и казначеевъ, а въ городахъ и селахъ—изъ коммисаровъ. Судебныя учрежденія были: высшіе и низшіе надворные суды—первые въ губерніяхъ, вторые—въ городахъ [650].

Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II начала законодательную свою дѣятельность открытіемъ въ 1767 коммиссіи для составленія общаго земскаго уложенія. Коммиссія эта, не окончивъ своей задачи, была распущена; но, изъ трудовъ и заявленій членовъ ея, возникло все законодательство относительно губернскаго управленія. Екатерина II задумала планъ этаго управленія на болѣе широкихъ, въ сравненіи съ прежними, началахъ, и осуществила свой преобразовательный планъ обнародованіемъ «учрежденія для управленія губерній всероссійской имперіи», изданнаго 7 ноября 1775 года [651].—Затѣмъ, по указу 13 іюня 1781 года, государство россійское раздѣлено было на 40 губерній, изъ которыхъ каждая подраздѣлена была на уѣзды [652] Пріобрѣтеніе же, въ послѣдствіи, Курляндіи, Литвы и польской Украйны,

умножило число губерній еще шестью, такъ что, къ концу царствованія Екатерины II, Россія раздѣлена была на 46 губерній и 2 области[653].

Актъ по предмету управленія губерній содержитъ въ себѣ правила, о новомъ устройствѣ губернскаго и уѣзднаго управленія и судебныхъ инстанцій, посредствомъ единоличныхъ и коллегіальныхъ учрежденій. Эти учрежденія были слѣдующія:

Въ *губерніи:* гражданскій губернаторъ съ губернскимъ правленіемъ и съ его двумя совѣтниками; казенная палата съ вице-губернаторомъ какъ предсѣдателемъ, съ казначеемъ и двумя ассесорами какъ членами; палата гражданскаго суда съ предсѣдателемъ, двумя совѣтниками и двумя ассесорами; палата уголовнаго суда съ предсѣдателемъ, двумя совѣтниками и двумя ассесорами; совѣстный судъ съ предсѣдателемъ и засѣдателями; верхній земскій судъ съ предсѣдателемъ и пятью засѣдателями; губернскій землемѣръ; прокуроръ съ двумя стряпчими казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ.

Въ *уѣздѣ:* капитанъ — исправникъ съ своимъ нижнимъ земскимъ судомъ; городничій или комендантъ съ своимъ городническимъ правленіемъ; казначей; уѣздный судъ съ судьей и двумя засѣдателями; землемѣръ; докторъ; уѣздный стряпчій[654].

Принятіе мѣръ къ снабженію мѣстныхъ учрежденій чиновниками изъ среды дворянства.

Понятно, что, для замѣщенія вакансій въ названныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, долженъ былъ открыться у правительства значительный недостатокъ въ снабженіи губерній способными чиновниками, которыхъ требовалось для каждой болѣе 500 человѣкъ. Единственный, раціональный способъ восполнить этотъ недостатокъ въ чиновникахъ для губернской службы былъ тотъ, чтобы привлечь къ участію въ мѣстномъ управленіи сословія и преимущественно дворянство, какъ потому, что оно всегда было сравнительно болѣе образованнымъ и матеріально обезпеченнымъ служилымъ классомъ, изъ котораго главнымъ образомъ выходили офицеры и чиновники, такъ и по тѣмъ соображеніямъ, что манифестъ 18 февраля 1762 года, давшій дворянству свободу служить и не служить, не принялъ мѣръ къ пробужденію въ немъ благороднаго честолюбія, долженствовавшаго замѣнить прежніе

понудительные законы; слѣдовательно, надлежало опасаться всеобщаго уклоненія дворянъ отъ государственной службы [655].

Могущія быть, отъ таковыхъ случайныхъ проявленій, вредныя для государства послѣдствія Екатерина II старалась отвратить предупредительными мѣрами. Постановивъ общимъ правиломъ, какъ увидимъ ниже, что каждый дворянинъ могъ присутствовать въ дворянскомъ собраніи, но участвовать въ выборѣ имѣлъ право только тотъ, кто въ государственной службѣ достигъ военнаго или гражданскаго *чина*, безъ чего, самые богатые помѣщики не только лишены были возможности быть избранными въ какую нибудь общественную должность, но даже голоса при выборахъ и совѣщаніяхъ,—Екатерина II коснулась, такимъ образомъ, личнаго самолюбія человѣка, т. е. самаго сильнаго въ немъ побужденія къ заботѣ о своемъ личномъ значеніи, а слѣдовательно и къ дѣятельности въ сферѣ гражданской своей жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создала одно изъ дѣйствительныхъ средствъ, противодѣйствовавшее покушенію нѣкоторыхъ лицъ уклониться отъ службы отечеству, тѣмъ болѣе, что чинъ, даваемый въ государственной службѣ, продолжалъ быть важнымъ пріобрѣтеніемъ, и послѣ отмѣны обязательной службы [656].—Независимо отъ соединенія съ чинами новыхъ выгодъ, Екатерина II вымышляла орденскіе знаки отличій [657], и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшенныхъ этими знаками. «Крестъ св. Георгія», говоритъ Карамзинъ,» не рождалъ, однако же усиливалъ храбрость; многіе служили, чтобъ не лишиться мѣста и голоса въ дворянскихъ собраніяхъ; многіе, не смотря на успѣхи роскоши, любили чины и ленты гораздо болѣе корысти» [658]. Это простая истина; ее знала Екатерина II и не забывала, что человѣкъ—есть человѣкъ.

Держась мысли великаго преобразователя Россіи—поставить дворянъ въ необходимость служить государству, но уже въ формѣ болѣе мягкой и соотвѣтствующей цивилизаціи вѣка, Етатерина II, сверхъ всего выше сказаннаго, двумя законодательными актами—«учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года» и «жалованною дворянству граматою 1785 года»—даровала дворянству еще слѣдующія права: *право имѣть сословное само-*

управленіе; и право участвовать, чрезъ своихъ выборныхъ, въ мѣстномъ управленіи и судѣ.

Право дворянства имѣть сословное самоуправленіе.

Право дворянства имѣть сословное самоуправленіе выразилось въ постановленіяхъ, приводимыхъ здѣсь изъ жалованной ему, въ 1785 году, граматы.

Въ силу этой граматы, дворянство каждой губерніи, сложившееся мало по малу въ отдѣльное дворянское общество, окончательно получило юридическое устройство. — Органомъ этого общества установилось въ каждой губерніи свое дворянское губернское собраніе, соединившее всѣхъ мѣстныхъ дворянъ въ одно цѣлое—въ корпорацію, и дававшее направленіе ихъ предназначенію [659]. — Собраніе это было или обыкновенное, созываемое одинъ разъ въ три года, для выбора разныхъ должностныхъ лицъ, носившихъ земскій характеръ, или чрезвычайное, созываемое въ неопредѣленное время, для выслушанія предложеній начальника губерніи [660]. — Въ собраніи этомъ могъ присутствовать каждый дворянинъ, достигшій 25 лѣтняго возраста, но, подавать голосъ, быть избираемымъ въ должности и, вообще, пользоваться корпоративными правами въ составѣ дворянскаго общества, могъ только тогда, когда имѣлъ помѣстье и получилъ въ военной или гражданской службѣ оберъ-офицерскій чинъ [661].

Дворянскому губернскому собранію, какъ обществу съ совѣщательнымъ характеромъ, предоставлены были слѣдующіе предметы: а) выборъ чрезъ каждые три года довѣренныхъ должностныхъ лицъ, какъ для внутренняго сословнаго управленія и веденія дѣлъ, такъ и для мѣстнаго управленія и суда въ губерніи и въ уѣздахъ; б) принесеніе всеподданнѣйшихъ прошеній государю императору, чрезъ своихъ депутатовъ, и дѣланіе представленій сенату; в) ходатайство предъ правительствомъ, чрезъ начальника губерніи, о своихъ нуждахъ и пользахъ; г) составленіе особенной казны добровольными складками дворянства; д) повѣрка дворянской родословной книги, составляемой дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ [662]. — Дворянское губернское собраніе ни по какому дѣлу не можетъ быть потребовано къ суду; ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ и имѣетъ право исключать изъ своего собранія, по-

средствомъ баллотированія, дворянина, который опороченъ судомъ, или, хотя бы онъ и судимъ не былъ, котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ, пока не оправдается[663].

Для внутренняго самоуправленія и веденія дѣлъ дворянскаго общества, избирались его представителями въ каждой губерніи: предводители губернскій и уѣздные, депутаты дворянства и секретарь.

Предводители, какъ главные дѣятели дворянства—губернскіе, появившіеся съ 1778 года,[664] и уѣздные, существовавшіе уже съ 1766 года[665], обязаны были, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, въ качествѣ старшихъ между равными, руководить или предводительствовать дворянствомъ, при обсужденіи тѣхъ вопросовъ, по которымъ требовалось его мнѣніе, а также имѣть попеченіе о пользахъ дворянства и охранять въ семъ обществѣ порядокъ.—Кромѣ такого предводительства дворянскими собраніями, къ прямымъ обязанностямъ предводителей отнесены:—губернскаго—вмѣстѣ съ дворянскими депутатами, разсматривать предъявленныя на дворянство доказательства и наблюдать надъ составленіемъ дворянской родословной книги[666];—и уѣзднаго—завѣдывать дѣлами учрежденной при уѣздномъ судѣ дворянской опеки, малолѣтними дворянами—сиротами и ихъ имѣніемъ, а также вдовами и ихъ дѣтьми[667].

Депутаты дворянства образуютъ собою постоянный органъ губернскаго собранія, замѣняющій его въ теченіе трехлѣтія. Главною обязанностію ихъ было составленіе дворянской родословной книги,—для чего дворянское губернское собраніе и выбирало изъ дворянъ каждаго уѣзда по одному депутату, на три года[668]. Составляя въ губернскомъ городѣ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, коллегіальное сословное учрежденіе, подъ названіемъ «дворянское депутатское собраніе», депутаты, какъ уполномоченные губернскимъ собраніемъ избранники, разсматривали представленныя дворяниномъ доказательства на потомственное дворянство, и, если эти доказательства найдены ими достаточными, то родъ того дворянина вносили въ родословную книгу губерніи, а ему выдавали грамату, съ прописаніемъ, что родъ его внесенъ въ

такую-то часть той книги [669]; сверхъ того, выдавали недорослямъ изъ дворянъ, по ихъ просьбамъ, списки съ опредѣленій, по коимъ родъ ихъ внесенъ въ родословную книгу.—Очевидно, что право, предоставленное дворянскому депутатскому собранію, въ отношеніи разсмотрѣнія дворянскихъ доказательствъ, заключается въ томъ единственно, чтобъ признать собратомъ по сословію и пріобщить къ своей средѣ того, кто доказалъ уже, что онъ дворянинъ,—но не вновь возводить, или возстановлять въ сіе достоинство.

Секретарь избирался также на три года, для завѣдыванія канцелярскою частію какъ дворянскаго, такъ и депутатскаго собранія [670]

Право дворянства участвовать чрезъ своихъ выборныхъ, въ мѣстномъ управленіи и судѣ началось одновременно съ изданіемъ въ 1775 году «учрежденія о губерніяхъ».

Право дворянства участвовать чрезъ своихъ выборныхъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ.

Согласно этому узаконенію, главная цѣль преобразованія Екатериною II губернскаго или областнаго управленія состояла въ томъ, чтобъ отдѣлить судъ отъ администраціи, и всякое особое дѣло поручить своему особому учрежденію. Въ слѣдствіе сего, явилось, какъ выше сказано, много присутственныхъ мѣстъ и единоличныхъ управленій, для которыхъ, по поводу увеличенія числа губерній, потребовалось множество должностныхъ лицъ. Эта государственная потребность повлекла за собою обязанность дворянскихъ обществъ тянуть почти такое же служебное тягло, какое лежало на немъ до манифеста 18 февраля 1762 года, только съ тѣмъ измѣненіемъ, что оно преобразовано было изъ обязательной службы—военной въ арміи и флотѣ и гражданской при сенатѣ и коллегіяхъ—въ мѣстную обязательную же, но только выборную гражданскую службу въ губерніяхъ и уѣздахъ, въ такихъ должностяхъ, замѣщеніе которыхъ предоставлено было «учрежденіемъ о губерніяхъ» и «жалованною граматою» дворянскому сословію [671].

Въ силу этихъ законоположеній, правительство ограничивалось снабженіемъ чиновниками только губернскихъ правленій, казенныхъ палатъ съ подчиненными имъ уѣздными казначействами, и городскихъ полицій, да сверхъ того предоставило себѣ право назначать производителей дѣлъ канцелярій по всѣмъ

вѣдомствамъ и чиновниковъ, облеченныхъ правомъ надзора за правосудіемъ и законностію всего въ губерніи, каковы прокуроръ и стряпчіе, а также губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, губернскихъ и уѣздныхъ докторовъ [672]. Затѣмъ постановлено было, чтобы дворянскія общества назначали изъ своей среды, посредствомъ выбора, повѣренныхъ лицъ для суда и управленія въ слѣдующія мѣста: въ обѣ судныя палаты предсѣдателей и засѣдателей; въ совѣстный и верхній земскій суды засѣдателей; въ уѣздный судъ судью съ засѣдателями; и въ нижній земскій судъ капитанъ-исправника съ засѣдателями [673].

Всѣмъ же названнымъ должностнымъ лицамъ, какъ служившимъ отъ короны, такъ равно и по выборамъ, полагалось денежное содержаніе по штатамъ временъ Екатерины II [674].

Но дѣйствительная жизнь и стремленія русскаго дворянства показали, что оно всегда предпочитало службу государственную выборной. По крайней мѣрѣ, одна изъ двухъ общественныхъ группъ, на которыя, какъ мы видѣли, фактически раздѣлилось дворянство со временъ Петра Великаго,—группа знатнаго и богатаго дворянства не захотѣла тянуть одну и ту же выборную службу съ группою другою—съ такъ названнымъ рядовымъ дворянствомъ, состоявшимъ изъ офицеровъ и чиновниковъ. Не было совмѣстной дѣятельности между этими группами: первая отшатнулась отъ послѣдней; поэтому офицеры и чиновники становились главными дѣятелями выборной службы; а члены тѣхъ фамилій, которыя причисляли себя къ знатному дворянству или къ аристократіи — потомки удѣльныхъ князей, бояръ, окольничихъ, и дослужившіеся высшихъ, по табели о рангахъ, чиновъ,—встрѣчаются въ должностяхъ высшихъ начальниковъ, по военному и гражданскому вѣдомствамъ, чаще, чѣмъ въ должностяхъ предводителей, депутатовъ, судей и прочихъ чиновниковъ по службѣ выборной [675].—Да и самое рядовое дворянство, котораго члены тянули преимущественно тягло мѣстной службы, поступая на должности по выбору своего сословія, необходимо тяготились этою повинностію, которая отрывала ихъ отъ семьи, отъ сельскаго хозяйства, и, вообще отъ занятій, доставлявшихъ имъ матеріальныя выгоды [676].

При такомъ порядкѣ вещей, дворяне сдѣлались равнодушными къ выборамъ и къ своимъ прямымъ обязанностямъ, дозволяя себѣ частыя отъ возложенныхъ на нихъ выборныхъ должностей отлучки. Такія дѣйствія представителей дворянства не могли не обратить вниманіе правительства и, въ слѣдствіе сего, состоялся въ 1784 году законъ, которымъ, для пресѣченія зла, постановлено: за самовольную отлучку отъ должностей лицъ, избранныхъ дворянствомъ, подвергать ихъ взысканіямъ—за первый и вторый разъ дѣлать вычетъ изъ жалованья, за третій,—пробывшихъ въ отпуску болѣе семи дней, предавать суду [677].

Заключительныя слова объ эпохѣ царствованія Екатерины II.

Изложеніемъ содержанія законодательныхъ актовъ царствованія Екатерины II—«учрежденія о губерніяхъ» и «жалованной дворянству граматы»—мы завершаемъ «Очеркъ исторіи русскаго дворянства»—очеркъ политическаго и общественнаго положенія его въ Русской землѣ, съ древнѣйшихъ временъ до исхода XVIII столѣтія.—Оба эти законодательные памятника свидѣтельствуютъ, что Екатерина II продолжала дѣло преобразованія новой Россіи, начатое Петромъ Великимъ, и старалась вывести внутреннюю политику своей страны на путь значительнаго прогресса. Самый рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ ею въ этомъ отношеніи изданіемъ двухъ названныхъ важнѣйшихъ актовъ, проникнутыхъ глубокимъ знаніемъ дѣла и высшими идеями о пользахъ государственныхъ, — актовъ, принадлежащихъ неотъемлемо ей.

Такой подвигъ державной Екатерины послужилъ къ возвышенію ея славы и къ благу Россіи. Поэтому нашъ государственный историографъ Карамзинъ, глубоко знакомый съ дѣломъ отечественной исторіи, имѣлъ полное основаніе занести на страницы одного изъ своихъ историческихъ трудовъ слѣдующія знаменательныя слова: «сравнивая», говоритъ онъ,« всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякой изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи, и едва ли не всякой изъ насъ пожелалъ бы жить тогда» [678].

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ И ССЫЛКИ.

1. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. М. Соловьева. т. 1 стр. 62. 67. 105—108. 116. — Исторія государства Россійскаго. Н. М. Карамзина, изданіе Эйнерлинга. 1842 г. т. 1, стр. 69. 70. 142.

2. Соловьевъ, И. Р. т. 3. стр. 4. — Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, Калачова. 1846 г. стр. 76.

3. Соловьевъ, И. Р. т. 1. стр. 242. — Начало единодержавія въ древней Руси. Костомарова. Вѣст. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 46. — Отеч. Зап. январь 1869 г. «соврем. обозр.» стр. 28. — Историкъ Соловьевъ говоритъ, что названіе «дружина» заключаетъ въ себѣ понятіе товарищества, компаніи, и что въ этой формѣ, въ формѣ товарищества или братства съ военнымъ характеромъ, появилась она на русской землѣ и существовала нѣсколько вѣковъ (т. 13 стр. 15. 79). — Другой писатель, имѣвшій основательныя и глубокія познанія въ русскихъ древностяхъ, бывшій профессоръ русской исторіи въ казанскомъ и дерптскомъ университетахъ, Н. А. Ивановъ, даетъ общее понятіе о словѣ «дружина» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: въ славянскомъ языкѣ, говоритъ онъ, дружиною называлось вообще каждое ополченіе, составленное изъ людей близкихъ другъ къ другу, земляковъ, одноплеменниковъ, соединенныхъ дружбою или, правильнѣе, клятвою помогать себѣ взаимно, не оставлять на полѣ битвы и дѣлиться совѣстно добычей; правильность же организаціи дружины проявлялась въ томъ, что она всегда имѣла своего начальника, и что, наконецъ, въ дружину княжескую принимались лица изъ людей, отличныхъ породою, искусствомъ въ военномъ дѣлѣ и высокою храбростію, (Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ. С. П. Б. 1837 г. въ четырехъ частяхъ. ч. 4 стр. 201. 202 *).

4. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 249—251. 307; т. 13 стр. 43. — Историческія письма. Соловьева. Рус. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1 стр. 10. 20. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4 стр. 201—203. — Преданія первонач. русской лѣтописи. Костомарова. Вѣст. Евр. февраль 1873 г. стр. 595. — Русскіе богатыри. Отеч. Зап. сентябрь 1868 г. стр. 322.

5. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 244. 281. 308; т. 13 стр. 22. — Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей, Чичерина. Русск. Вѣст.

*) Дѣйствительнымъ авторомъ сочиненія «Росс. въ ист., стат. геогр. и литер. отнош.», напечатаннаго въ 1837 г. Ѳ. Булгаринымъ подъ своимъ, изъ корыстныхъ видовъ, именемъ, былъ профессоръ Николай Алексѣевичъ Ивановъ, какъ заявилъ объ этомъ г. Котляревскій въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ 14 апрѣля 1869 г. № 103.

мартъ 1857 г. стр. 15. 54.—Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣст. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 13. 46. — Русскіе богатыри. Отеч. Зап. сентябрь 1868 г. стр. 322—324.

6) Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 34. 236. 240. 243. 414. 415; т. 3 стр. 14—17. т. 4 стр. 195; т. 13 стр. 15. 22. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4 стр. 142. примѣч. 304; т. 5 стр. 3. 23. 219. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣст. февр. 1857 г. стр. 693; мартъ 1857 г. стр. 54.

7. Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 19. — Русская Исторія. Устрялова, въ пяти частяхъ. С. Петербургъ, 1839—1841 г. ч. 2 стр. 323. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4 стр. 219—222.

8. Карамзинъ поясняетъ, что названіе «бояринъ» происходитъ отъ слова «бой» и, въ началѣ своемъ, могло знаменовать воина отличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство (И. Г. Р. т. 1 стр. 45), но самое происхожденіе, говоритъ онъ, бояръ теряется въ глубокой древности. Извѣстно только, что достоинство сіе, означая витязей и гражданъ знатнѣйшихъ, употреблялось уже у сѣверныхъ славянъ задолго до прибытія въ новгородскую область варяго — русскихъ князей въ 862 году (И. Г. Р т. 5 стр. 218. 219). Такъ, существовавшіе, до этой эпохи, въ Новгородѣ и Псковѣ вѣчевые совѣты были собственно изъ бояръ (Вѣче и вѣчевое устройство. Костомарова. Журналъ «Дѣло и Отдыхъ», январь 1865 г. стр. 28). Этимъ народнымъ въ древнихъ городахъ чиновникамъ, достигавшимъ достоинства боярскаго не по праву наслѣдства или родоваго происхожденія, но личными дарованіями и опытностію въ дѣлахъ, давалось современниками высокое значеніе (И. Г. Р. т. 5 стр. 219. примѣч. 391).

9. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 116. 127. 207. 244. 259; т. 2 стр. 249; т. 3 стр. 18; т. 13 стр. 15. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1 стр. 82. примѣч. 317, стр. 124 128. 137. 146. примѣч. 510; т. 2 стр. 80.

10. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5 стр. 219. 226.

11. Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 34. 266; т. 6 стр. 384. —Костомаровъ, Нач. единод. въ древ. Руси. Вѣст. Евр. нояб. 1870 г. стр. 47.

12. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1 стр. 135; т. 5 примѣч. 391.

13. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 Примѣч. 3; т. 5 примѣч. 391.

14. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 247. 248; т. 2 стр. 398; т. 3 стр. 187.

15. По мнѣнію Рейца (Опытъ, стр. 33 прим. 2) и Розенкампфа (О кормчей книгѣ стр. 315), слово «гридь» происходитъ отъ скандинавскаго Grith, означающаго господскій, княжескій дворъ, а затѣмъ придворнаго слугу или царедворца.—Такое же значеніе скандинавскому названію «гридь» придаетъ и профессоръ Н. А. Ивановъ, видя въ немъ отрядъ тѣлохранителей или внутреннюю стражу палатъ княжескихъ (Россія и проч. ч. 2 стр. 219. 221). —Карамзинъ, соглашаясь съ приведеннымъ мнѣніемъ, что названіе «гридь» есть скандинавское, производитъ, однако, его отъ другаго скандинавскаго же или шведскаго слова Gred, т. е. мечъ, присовокупляя къ тому, что княжескіе воины, дружинники, дѣйствительно назывались послѣ, въ княженіе Андрея Боголюбскаго (1169—1174), мечниками (И. Г. Р. т. 1 примѣч. 476; т. 3 стр. 19).—Наконецъ, авторъ «Исторіи Россіи», основываясь на сочиненіи г. Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка», говоритъ, что «гридь» слово славянское; хорутанское трида значитъ громада, сборище, толпа, слѣдовательно дружина (т. 1 примѣч. 346).

16. Ивановъ, Россія и проч. ч. 4 стр. 219.

17. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 207. 208. 274. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1 стр. 136, примѣч. 501; т. 2 примѣч. 411.

18. Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 18.

19. Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 18. 164. 280.

20. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3 стр. 29. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 307. 308; т. 4 стр. 202. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отдыхъ, январь 1865 г. стр. 8.

21. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 249, примѣч. 355; т. 2 стр. 31. 220. 262 267; т. 3 стр. 18. 19.

22. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 159, прим. 353. 354 и 355; т. 2 стр. 39. 40.

23. Соловьевъ, И. Р. т. 1 примѣч. 353; т. 2 стр. 43; т. 3 стр. 24.

24. Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 336. 363. 413—415. — Устряловъ. Р. И. ч. 5 стр. 197. 198.

25. Карамзинъ И. Г. Р. т. 3 стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 248; т. 2 стр. 341; т. 3 стр. 19. — Устряловъ, Р. И. ч. 2 стр. 323. — Ивановъ Россія и проч. ч. 4 стр. 219—221.

26. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 67. 107. 235. 259. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣст. май 1858 г. кн. 2 стр. 225. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отд. янв. 1865 г. стр. 21. 31. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣс. Евр. нояб. 1870 г. стр. 44. — Костомаровъ, Пред. перв. рус. лѣт. Вѣс. Евр. февр. 1873 г. стр. 604.

27. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1 стр. 144; т. 2 стр. 37. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 259; т. 3 стр. 8. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2 стр. 225. 226. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси, Вѣст. Евр. нояб. 1870 г. стр. 44—46.

28. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 примѣч. 384. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 116. 121. 240—244. 307; т. 3 стр. 33. — Русская колонизація сѣверо-восточнаго края. Ешевскаго, Вѣст. Евр. мартъ 1866 г. стр. 233.

29. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5 стр. 201; т. 6 стр. 17. — Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 33. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 2 стр. 120.

30. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3 стр. 25. — Соловьевъ. И. Р. т. 3 стр. 19 34. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отд. январь 1865 г. стр. 29.

31. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 232. 250, 251; т. 2 стр. 36; т. 3 стр. 19. 39. 322. — Соловьевъ, Ист. нис. Рус. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1 стр. 21. — Древности Москвы. Забѣлина. Вѣс. Евр. мартъ 1867 г. стр. 382. 383.

32. Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 39. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отд. янв. 1865 г. стр. 27. 29,

33. Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 164.

34. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 примѣч. 106. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 31. 116; т. 2 стр. 306.

35. Слово «тіунъ», по мнѣнію Карамзина, есть скандинавское, или древне-нѣмецкое Thaegn, Thiangn, Diakn, означающее — мужъ честный (И. Г. Р. т. 2 стр. 27). Но званіе это, званіе «тіунъ», существовавшее у сѣверныхъ славянъ еще до пришествія въ Новгородъ Рюрика въ 862 г. (Ивановъ, Россія, ч. 2 стр. 310), и упомянутое въ первомъ законодательномъ письменномъ памятникѣ—Русской Правдѣ Ярослава 1 (Калачовъ, изсл. о Рус. Правд. стр. 77), можно означить словомъ «приставникъ», который

смотрѣлъ за принадлежавшими князю домомъ, конюшнею, сборомъ доходовъ, селомъ и судомъ. Поэтому встрѣчаемъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ названіе «тіунъ—конюшій», тіунъ—сельскій и т. д. (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 стр. 25. 26. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 249). Слѣдовательно, тіунъ, или приставникъ княжескій при судѣ, котораго прямая обязанность поясняется смотрѣніемъ за исполненіемъ судебнаго устава, имѣлъ важное значеніе при судѣ, потому что отъ него зависѣло рѣшить дѣло право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пеню. (Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 269). — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 стр. 27, примѣч. 103. — Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 365; т. 3 стр. 8. 19. 39. — Соловьевъ, Истор. письма Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1 стр. 9.

36. Слово «вирникъ» происходитъ отъ слова «вира», а послѣднее есть германское Wehrgeld, употребляемое въ саксонскихъ законахъ и означавшее у германцевъ денежную судную пеню за убійство. Отъ варяговъ же это слово (по шведски Ога) перешло и въ древнее русское законодательство (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, примѣч. 478). — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, стр. 337; т. 3, примѣч. 243. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 269. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 216.

37. О названіи «мѣтельникъ» Карамзинъ приводитъ объясненіе издателей Русской Правды, которые толкуютъ, что въ старину, когда еще не было письма въ обыкновеніи, помощникъ судейскій мѣтилъ на биркахъ, сколько взято денегъ съ виновныхъ, и для того названъ «мѣтельникомъ»: можетъ быть и для того, что онъ мѣтилъ на хартіи или записывалъ доносы, свидѣтельства, взысканія. (Карамз. И. Г. Р. т. 2, примѣч. 104). — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, стр. 66. 153; т. 2, стр. 37. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 269. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 19. 20. 217.

38. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 325; т. 5, стр. 227. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 116. 117. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отд. янв. 1865 г. стр. 22. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 217. — Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ, о ихъ древнемъ происхожденіи, о старинныхъ чинахъ и проч. Сочинилъ Ф. Миллеръ. С.-Петерб. 1796 г., стр. 225.

39. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 25; т. 8, стр. 67. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 80; т. 5, стр. 450. 454.

40. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 235. 365; т. 3, стр. 19.

41. Ясы, народъ, обитавшій среди горъ кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и близъ устья Волги (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, стр. 105. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 246. 285). —

42. Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Побѣдоносцева. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 473.

43. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 19.

44. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 123. 242; т. 2, стр. 136.

45. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 245; т. 3, стр. 15; т. 6, стр. 384. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 216. — Аристократія и интересы дворянства. Безобразова, Русск. Вѣстн. январь 1859 г. кн. 1, стр. 111,

46. Хоромами назывались бревенчатые дома, устраиваемые въ городахъ.

47. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 365; т. 3, стр. 19.

48. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 9. 40. примѣч. 87; т. 4, стр. 238. — Бе-

зобразовъ, Аристокр. и интересы двор. Рус. Вѣстн. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112.

49. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 389. 392; т. 3, стр. 42. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси, Вѣстн. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 48.

50. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 350.

51. Въ древней Россіи, кромѣ горожанъ и сельчанъ—людей свободныхъ, были люди зависимые — закупни или наймиты. Закупнемъ или наймитомъ назывался работникъ, нанимавшійся на извѣстный срокъ и за извѣстную плату, которую онъ получалъ впередъ, въ видѣ займа. Если наймитъ сбѣжалъ отъ господина до срока, то становился за это ему полнымъ (обѣльнымъ) холопомъ (Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 257). — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 365; т. 3, стр. 40.

52. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 389. 392; т. 3, стр. 42.

53. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 123. 279. 280; т. 13, стр. 14. — Безобразовъ, Арист. и инт. двор. Рус. Вѣс. янв. 1859 г. кн. 1, стр. 112. — Первая обязанность народа русскаго въ древнія времена состояла въ платежѣ дани. Всѣ жители страны, состоявшей во власти князя, назывались данниками. Отъ этого слова произошло въ послѣдствіи слово подданный, т. е. состоящій подъ данью. (Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 227. 228).

54. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 391; т. 13, стр. 14. 15. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 217. — Отеч. Зап. «соврем. обозр.» январь 1860 г. стр. 28.

55. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, примѣч. 103; т. 5, стр. 201; т. 6, стр. 17.— Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 240. 242. 370; т. 3, стр. 8. 33.

56. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 323. 324. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.

57. Рецензія г. Градовскаго на соч. «монастырскій приказъ». Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 612. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 335.

58. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 136; т. 6, стр. 219, примѣч. 609; т. 8, стр. 161. — Побѣдоносцевъ, Зам. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 473. Чичеринъ, Дух. и дох. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 67. — Раздѣленіе Россіи на губерніи по указамъ Петра Великаго и Екатерины II. Лешкова, Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 330.

59. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 199. 240. 241.

60. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. стр. 9.—Мысли и замѣтки о русской исторіи. Кавелина, Вѣс. Евр. іюнь 1866 г. кн. 2, стр. 369. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 201—204. 283.

61. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 226. 415. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кв. 1, стр. 10.—Устряловъ. Р. И. ч. 2, стр. 279.— Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 118.

62. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 199—201. 235—238; т. 3, стр. 80.—Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 323. 324.

63. Соловьевъ, Историческія письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 217. 225.

64. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 380. 408. 409. — Рѣка Калка, нынѣ Калеца, въ екатеринославской губерніи, близъ Маріуполя, впадаетъ въ Азовское море (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 143, примѣч. 300).

65. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 322. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 174—177.

66. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 26—28; т. 3, стр. 24.

67. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 70; т. 2, стр. 240. 410. 415; т. 3, стр. 16; т. 6, стр. 383. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 21.

68. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 7; т. 2, стр. 240. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 12.

69. Слово «волость» имѣетъ разное значеніе. Представляя единицу поземельнаго владѣнія, оно содержитъ въ себѣ всегда понятіе о зависимости извѣстнаго участка земли отъ князя или главнаго города. Такъ, напримѣръ, древлянская земля, находившаяся подъ властію кіевскаго князя, означала не самостоятельную землю, а волость ему принадлежащую. — Точно такъ же новгородскія земли — Вологда, Югра, Пермь и др. — означали волости, подвѣдомственныя Новгороду великому. — Волость означаетъ также въ древнемъ русскомъ языкѣ «удѣлъ», принадлежавшій какому нибудь князю въ періодъ господства удѣльной системы. Въ болѣе позднее время господства этой системы, когда, подъ татарскимъ вліяніемъ, вѣчевой строй упадалъ, а княжеская власть возвышалась, «волость» означала подраздѣленіе княженій, такъ что каждое княженіе подраздѣлялось на волости. — Затѣмъ «волостями» назывались также округи, управляемые княжескими чиновниками, получившими отъ этого официальное названіе «волостелей». — Наконецъ, «волостію» называлось всякое имѣніе; и потому въ числѣ волостей показывались города, села, деревни, слободы и всякаго рода отдѣльныя имѣнія. (Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 26. 40. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Рус. Вѣс. ноябрь 1870 г. стр. 19. 20. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1867 г. стр. 687).

70. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 58; т. 13, стр. 10. 15.

71. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 220. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, предисл. стр. 7; т. 2, стр. 11. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 10. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 279. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 118 — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февр. 1857 г. стр. 692; мартъ 1857 г. стр. 21.

72. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 164—169. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣс. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 34.

73. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 78. 240. 316; т. 13, стр. 10. 11. 15. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 693.

74. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 24.

75. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 242. 244. 249. 271. 305. 413; т. 3, стр. 190. примѣч. 293; т. 13, стр. 22. 28. 74.

76. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 238. — Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 78. 90. 100.

77. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 34; т. 2, стр. 136. 245; т. 3, стр. 229. — Ешевскій, Русск. колониз. Вѣс. Евр. мартъ 1866 г. кн. 2, стр. 234. — Сказаніе о началѣ Москвы. Бѣляева, Вѣс. Евр. мартъ 1869 г.

78. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 244. 249. 413; т. 13, стр. 21. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 13. — Костомаровъ, На-

чало единод. въ др. Руси, Вѣс. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 50. — Ешевскій, Русск. колониз. Рус. Вѣс. мартъ 1866 г. стр. 234.

79. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 242. 244—246. 249; т. 13, стр. 21. 22.

80. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 184. 190. 207.

81. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 190.

82. Александръ Ярославичъ, съ 1252 года великій князь владимірскій, побѣдитель шведовъ, нанесшій имъ 15 іюля 1240 года, при устьѣ р. Ижоры, впадающей въ р. Неву, пораженіе, за которое получилъ славное прозваніе «Невскаго», — умеръ 14 ноября 1263 года и погребенъ былъ въ стольномъ своемъ городѣ Владимірѣ. (Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 186 — 199).

83. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 191. 199.

84. Тамъ же, стр. 193. 199.

85. Тамъ же, стр. 191.

86. Тамъ же, стр. 203.

87. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 240. 410; т. 3, стр. 190, 203. 207, примѣч. 417.

88. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 184. 190, примѣч. 293; т. 4, стр. 240.

89. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 293. — Соловьевъ, Истор. письм., Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 216. 235; мартъ 1859 года. кн. 1 стр. 19. 22.

90. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 243. 380. примѣч. 417. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 655—693.

91. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 193. 203. 236—243. 266. 285. 299. т. 13, стр. 28. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 47.

92. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 287. 329; т. 13, стр. 28. — Костомаровъ, «Вѣче» Дѣло и отд., январь 1865 г. стр. 14.

93. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 184. 242. 243.

94. Тамъ же, стр. 245. 268.

95. Тамъ же, стр. 283. примѣч. 415.

96. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 286. 299; т. 5, стр. 207. — Устряловъ, Р. И. ч. 5. стр. 178.—Очеркъ историческаго быта велико-русскихъ крестьянъ XVII вѣка. Калачова, Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 50.

97. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 256; т. 3, стр. 299. 306. 307.

98. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 299. 320.

99. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 326. 327. 340. 341. 380. примѣч. 417. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр 656.

100. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 346. 351 — 354.

101. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 379. — Карамзинъ. И. Г. Р. т. 5, стр. 42.

102. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 5. 6. 19. 21.

103. Тамъ же, стр. 75 — 77.

104. Тамъ же, стр. 85. 86. 88. 90. 96. 98. 99.

105. Тамъ же, стр. 53. 59. 81. 82. 86. 88. 89.

106. Тамъ же. стр. 91. 97.

107. Тамъ же, стр. 123.

108. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 122. 123. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 666.

109. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 194.

110. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 293. 321; т. 4, стр. 194.

111. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 224. 238. 239.

112. Тамъ же, стр. 195. 198. 202.

113. Тамъ же, стр 240. 241.

114. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 241; т. 13, стр. 14. 15. — Соловьевъ, Историч. пис. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 22 — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣстн. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 46.—Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.

115. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 304; т. 5, стр. 3. 23. 219. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 17. 342; т. 4, стр. 197. 201. 202. примѣч. 349 и 350; т. 13, стр. 28. 29.

116. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 196.

117. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 194; т. 13, стр. 14. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. к. 2 стр. 217.

118. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 197.

119. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 321. 327. 329. 381; т. 4 стр. 56. 195.

120. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 21. 199; т. 5, стр. 81.

121. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214.—Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 243. т. 4, стр. 21. 91. 97. 156. 206; т. 5, стр. 220. 221.

122. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 267; т. 4, стр. 50. 206. 394; т. 5, стр. 220. 221.

123. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 21. 206; т. 5, стр. 81; т. 13, стр. 30.

124. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 123 — 125.

125. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, примѣч. 273. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 50. 72. 124; т. 5, стр. 220. 221.

126. Соловьевъ. И. Р. т. 3, стр. 328; т. 4, стр. 199. 200. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.—Градовскій, Реценз. на соч. «монастырскій приказъ». Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 613. 617. — Отеч. Зап. октябрь 1868 г. стр. 211. 213.

127. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, примѣч. 291. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 222. — Исторія Петра Великаго. Полеваго, 1843 г. ч. 1, стр. 34.

128. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 229. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201. 202.

129. Критическая замѣтка на статью, напечатанную въ Военномъ журналѣ 1856 г. № 1 — 3, подъ заглавіемъ: Состояніе военнаго искусства въ Россіи отъ основанія ея до царствованія Алексѣя Михайловича. (С.-Петерб. Вѣдом. 16 октября 1857 г. № 224).

130. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201. 202.

131. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 229; т. 6, стр. 12; т. 10, стр. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 206. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 224. — Миллеръ, изв. о двор. росс., стр. 32. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣстн. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 47.

132. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 247; т. 3, стр. 187; т. 4, стр. 202.

133. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 123; т. 5, стр. 229. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 248; т. 4, стр. 201.

134. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 130. 131, примѣч. 106; т. 3, стр. 18. 19, примѣч. 23. — Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 260 — 264. — Забѣлинъ, Древности Москвы, Вѣс. Евр. мартъ 1867 г. стр. 381 — 383. — Бѣляевъ, Сказаніе о нач. Москвы, Рус. Вѣс. мартъ 1868 г.

135. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 123, примѣч. 23. — Соловьевъ, И.

Р. т. 13, стр. 66. 79. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 225. 226. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 323.

136. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 339; т. 4, стр. 205; т. 13, стр. 29. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 21.

137. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 205. 242.—Въ грамотѣ великаго князя Іоанна Даніиловича Калиты 1 марта 1331 года, въ первый разъ употреблено было имя дьяка въ смыслѣ секретаря (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 325).

138. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 76. 200 — 205. 242.

139. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 199. 240. 241.

140. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 198. 199. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 304.—Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 67.

141. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 426; т. 13, стр. 28. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 666.

142. Князья: Шуйскіе, Сицкіе, Воротынскіе, Ростовскіе, Телятевскіе, Патрикѣевы, Ряполовскіе и др. (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 132.— Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 54).

143. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 81; т. 6, стр. 54.

144. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 246; т. 5, стр. 67. 206. 223; т. 13, стр. 31. 32. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 216. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣстн. Евр. декабрь 1870 года, стр. 543.

145. Исторія царствованія Петра Великаго. Устрялова, 1858 г. т. 1, введеніе, стр. 20. 21.

146. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 425. 426.

147. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 77 — 80. — Софія, дочь Ѳомы Палеолога, правителя морейскаго, роднаго брата послѣдняго императора греческаго Константина Палеолога, убитаго въ 1503 г. при взятіи турками Константинополя, — скончалась 7 апрѣля 1503 г.

148. Карамзинъ, И. Р. т. 6, стр. 43. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 81, 82. 223. 435; т. 13, стр. 32. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 48. 120. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 55. — Рецензія на соч. «монаст. приказъ». Отеч. Зап. октябрь 1868 г. стр. 217.

149. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 219; т. 12, «О древней и новой Россіи» стр. LXII. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 425; т. 6, стр. 54. 55; т. 8, стр. 63; т. 13. стр. 32. 33. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 217. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и отд. январь 1865 г. стр. 2.

150. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 209; т. 9, стр. 359; т. 13, стр. 30. 32. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 227.

151. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 217; т. 9, стр. 359. 360; т. 13, стр. 30—32. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. — Калачовъ, Очеркъ истор. быта велик. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. кн. 1, стр. 51.

152. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 10. 11; т. 13, стр. 30. 32. 57. 66. 68. 79. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс май 1858 г. кн. 2, стр. 224. 225.

153. Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 385; т. 8, стр. 63. 64; т. 9, стр. 356. 357; т. 13, стр. 32. 65. 66. 79. 323. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 226.

154. О Россіи, какою оставилъ её Петръ I. Щебальскаго. Русс. Вѣст. январь 1858 г. кн., 1, стр. 14.

155. Къ *центральнымъ* приказамъ относились: а) Приказъ большаго дворца — родъ дворцовой конторы и кабинета (Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 396; т. 13, стр. 89. Лешковъ, Разд. Росс. на губер. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2 стр. 326); б) Приказъ посольскій, замѣнявшій министерство иностранныхъ дѣлъ (Солов. И. Р. т. 13, стр. 94. Лешк. Разд. Рос. на губ. Русс. Вѣс. нояб. 1859 г. кн. 2, стр. 326); в) Приказъ разрядный — то же, что инспекторскій департаментъ (Солов. И. Р. т. 9, стр. 375; т. 13, стр. 66, 94); г) Приказы оружейный, стрѣлецкій, пушкарскій, рейтарскій и иноземный составляли родъ военнаго министерства (Солов. И. Р. т. 13, стр. 95. Лешк. Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 326): д) Приказъ помѣстный раздавалъ, по установленнымъ правиламъ, помѣстья и вотчины служилымъ людямъ, въ видѣ жалованья за службу (Солов. Р. И. т. 13, стр. 95. Лешк. Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. нояб. 1859 г. кн. 2, стр. 326). е) Приказы большой казны, большаго прихода, печатный и счетный — всѣ были финансовыя учрежденія (Солов. И. Р. т. 13 стр 95. Лешк. Разд. Росс., на губ. Русс. Вѣс. нояб. 1859 г. кн. 2, стр. 326, 327); ж) Приказъ разбойный, вѣдавшій уголовныя дѣла всего государства (Солов. И. Р. т. 13, стр. 95); и з) Приказы московскій и владимірскій — учрежденія судныя, разбиравшія и рѣшавшія споры между всѣми служилыми людьми разныхъ степеней и наименованій по дѣламъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ (Солов. И. Р. т. 13 стр. 95. Лешк. Разд. Рос. на губ. Русс. Вѣс. нояб. 1859 г. кн. 2, стр. 327). Къ *областнымъ* приказамъ принадлежали: Приказы — казанскаго дворца, сибирскій, смоленскій, а также приказы или чети новгородская, владимірская, устюжская, костромская и галицкая. Учрежденія эти завѣдывали извѣстными мѣстностями только въ финансовомъ отношеніи, съ правомъ собирать доходы, подати и пошлины. (Солов. И. Р. т. 13, стр. 95. Лешк. Разд. Рос. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кв. 2, стр. 326, 327.

156. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 449. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 262. — Начертаніе Статистики Россійскаго Государства Арсеньева, въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1818 и 1819 г. ч. 2, стр. 164—166.

157. Въ отношеніи областнаго управленія страна дѣлилась на уѣзды (происшедшіе изъ удѣловъ по уѣздѣ, т. е. по отъѣздѣ изъ нихъ князей), а уѣзды—на станы.

158. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 463; т. 13, стр. 98. — Лешковъ, Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 328—330.

159. Соловьевъ, И. Р. т. 5 стр. 302; т. 7 стр. 15; т. 13 стр. 98.

160. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 399, 400; т. 13, стр. 98.

161. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 123; т. 10, стр. 142. — Соловьевъ. И. Р. т. 5, стр. 449.

162. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 262, 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 187; т. 13, стр. 67. — Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 225, 226. — Миллеръ, Извѣст. о двор. росс., стр. 255.

163. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 263; т. 10, стр. 142. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 7, 395. — Соловьевъ, Истор. пис. Русс. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 225. — Миллеръ, Извѣст. о дворян. росс., стр. 225, 229. — Арсеньевъ, Начерт. статис. Р. Г. ч. 2, стр. 165.

164. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5 стр. 227, т. 6, стр. 167, 218, 219; т. 8 примѣч. 444; т. 9, стр. 47, 67. 262, 263; т. 10, стр. 142; т. 11, стр. 14. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 385; т. 7, стр. 7. — Соловьевъ, Истор. письма, Русс. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 225. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣс. Евр. декаб. 1870 г., стр. 557. — Русская Геральдика. Лакіера. въ двухъ книгахъ. С.-Петербургъ. 1855 г. кн. 1, стр. 225.

165. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 108; т. 11, стр. 10. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5; т. 9, стр. 371; т. 13, стр. 67, 68, 96.—Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣс. май 1858 г. кн, 2, стр. 225.—Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣс. Евр. декаб. 1870 г., стр. 556, 557. — Под. Собр. Зак. № 1569.

166. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 262, 163; т. 10. стр. 142.—Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 61. 89. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 225. 229. 230. 233. — Арсеньевъ, Начер. стат. Р. Г. ч. 2, стр. 29. 165. — Лакіеръ, Русск. Геральд. кн. 1, стр. 225.

167. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 373. 458.

468. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5.

169. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214. — Соловьевъ, И. Р. т., 5 стр. 225. 226.

170. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 39. примѣч. 110. —Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр, 446.

171. Для поясненія выраженій: »Бояре земскіе и опричные», надобно припомнить, что Іоаннъ IV, учредивъ для себя особый новый дворъ, въ 1565 году, съ особыми чинами всѣхъ степеней — боярами, окольничими и др., назвалъ его «опричниною», а все остальное, т. е. все государство, земщиною. Поэтому и бояре, вошедшіе въ составъ новаго двора, названы опричными, а бояре прежніе, которымъ поручилъ онъ управленіе государствомъ, земскими боярами; но эти два названія, съ уничтоженіемъ въ 1572 году «опричнины», упразднены (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 47. 122. примѣч. 336. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 194. 195; т. 13, стр. 33).

172. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5—8; т. 9, стр 355. 372.

173. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 13. примѣч. 24 и 155.—Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 273.

174. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 72. 76.

175. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 223; т. 13, стр. 68. — Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 220. — Лешковъ, Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 335. — Лакіеръ, Русск. Геральд., стр. 95.

176. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, стр. 25. — Смутное время Московскаго государства. Костомарова. — Вѣст. Евр. сентябрь 1866 г., стр. 52.

177. Фамиліи эти были: Черкаскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы и Урусовы (Соловьевъ, И. Р. т. 12, стр. 349; т. 13, стр. 71. 72).

178. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214; т. 8, стр. 6; т. 10, стр. 13. примѣч. 23. — Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 86.

179. Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 85; т. 16, стр 2.

180. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 89.

181. Миллеръ, Изв. о дворян. росс., стр. 85. 86.

182. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 141. 142.

183. Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 86.

184. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5; т. 10, стр. 143.

185. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 59. 61. 64.

186. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 170. 171.

187. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 111; т. 11, стр. 130.

188. Боярскій обычай содержать при себѣ многочисленную дворню, отъ 100 до 1000 человѣкъ, относится къ глубокой старинѣ, и происходитъ отъ условій и потребностей дружиннаго быта. Переходя отъ одного князя къ другому, бояре необходимо должны были имѣть свою крѣпостную дружину (челядь), т. е. достаточное число даже вооруженныхъ слугъ, готовыхъ, въ случаѣ нужды, и къ защитѣ и къ нападенію. Этотъ крѣпостной разрядъ боярскихъ слугъ именовали то же дворомъ человѣка богатаго и знатнаго. Въ древнее время онъ имѣлъ значеніе по преимуществу военное; но, утративъ таковое съ эпохи преобразованія московскаго государства, боярскій дворъ получилъ, такъ сказать, декоративное значеніе. Вообще, богатые вотчинные и помѣстные владѣльцы щеголяли многочисленностію своей свиты и прислуги, и поставляли честь свою въ томъ, чтобы имѣть около себя множество слугъ подъ разными наименованіями. (Большой бояринъ къ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ XVII вѣка. Забѣлина Вѣст. Евр. январь 1871 г., стр. 13. — Побѣдоносцевъ, замѣт. для ист. крѣп. права. Русс. Вѣст. 1858 г. іюнь кн. 2, стр. 473. 474; августъ кн. 2, стр. 548).

189. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 131, примѣч. 399.

190. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 264; т. 12, стр. 335.

191. Полевой, истор. Петра Великаго, ч. 1, стр. 350.

192. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 171 и 186. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 200.

193. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 331. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 200.

194. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 28.— Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 204.

195. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 62.—Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 200. 201.

196. Карамзинъ, Родословная роспись VI степень 17; т. 5, стр. 103. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 200. 201.

197. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 229, примѣч. 47. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201; т. 5, стр. 445. 446; т. 6, стр. 32; т. 7, стр. 6; т. 13, стр. 64. 68.— Костомаровъ, Смутн. вр. моск. госуд. Вѣстн. Евр. Іюнь 1866 г. стр. 16.— Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 74. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 327.

198. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 171; т. 9, стр. 67. 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 6; т. 13, стр. 77.

199. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 28; т. 10, стр. 142. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5. 17. 395; т. 13, стр. 89. 96. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр, 74. — Устряловъ, И. Р. ч. 2, стр. 327.

200. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, примѣч. 115. — Соловьевъ, И. Р. т. 12, стр. 336; т. 13, стр. 68.

201. Въ числѣ этихъ 15 фамилій состояли: Куракины, Долгорукіе, Бу-

турлины, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы, Стрѣшневы, Барятинскіе, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы (Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 71. 72).

202. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214.—Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 51.

203. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355; т. 10, стр. 142. 143; т. 12, стр. 336. т. 13, стр. 30. 60. 64—69. 89. 96. 320. 321; т. 15, стр. 86. 87.

204. Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 3, стр. 256.

205. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 248; т. 4, стр. 20. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 49. 50. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 219 — 222. — Лакіеръ, Русск. Геральд. стр. 69.

206. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 31; т. 7, стр. 5; т. 13, стр. 68. — Соловьевъ, Ист. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 221. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 67. — Объ учрежденіи Іоанномъ IV дворянъ—большихъ, первой статьи, второй статьи, сверстныхъ и младшихъ, см. Исторію госуд. Росс. Карамзина т. 6, стр. 214. 215; т. 9, стр. 67. 212, примѣч. 623.—Исторію Россіи Соловьева, т. 7, стр. 5—8; т. 8, стр. 63. 164. 165; т. 9, стр. 371.

207. Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 431; т. 13, стр. 68.

208. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 77.

209. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 6; т. 13, стр. 60. 61. 64.

210. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, стр. 24. — Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 431; т. 9, стр. 372; т. 12, стр. 335; т. 13, стр. 89. 96. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 2, стр. 8.

211. Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 86. 87. 135. 136.

212. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 190. 191, примѣч. 425. — Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 223. — Побѣдоносцевъ. Зам. для истор. кр. права. Русскій Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 473.

213. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 202, примѣч. 350 и 351.

214. Къ этимъ промышленнымъ людямъ относились: ситники, конюхи, кречетники, сокольники, охотники, бортники, садовники, псари и др. (Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 202; т. 8, стр. 55; т. 9, стр. 369).

215. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 202. 204. 225.

216. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 226.

217. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214, примѣч 609.—Кавелинъ, Мысли и зам. о рус. ист. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. кн. 2, стр. 366.—Градовскій, Реценз. на соч. мон. прик. Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 622,

218. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 139. — Лешковъ, Разд. Рос. на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. стр. 327.

219. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 167; т. 12, стр. 25. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 7.

220. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 396. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 138. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

221. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 122.

222. Слово «гривна» имѣло разное значеніе. Гривна означала: а) украшеніе золотое, носимое князьями и вельможами на шеѣ; и б) вѣсъ и монету числительную. Въ послѣднемъ значеніи гривна серебра имѣла въ себѣ

16 лотовъ, а гривна золота 56 червонцевъ (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, стр. 76, примѣч. 298.

223. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 162; т. 3, стр. 18; т. 4, стр. 169.

224. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 46. 265, примѣч. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 449; т. 7, стр. 7; т. 8, стр. 55.

225. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, примѣч. 98; т. 9, примѣч. 137. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

226. Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. крѣп. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. стр. 473.

227. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 151; т. 6, стр. 119. 214; т. 9, стр. 46. 47. 67. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5. 6; т. 8, стр. 386. 388; т. 9, стр. 355.

228. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 218. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 89. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 170. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

229. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 79. — Щебальскій, О Рос. какою остав. ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 20. 21.

230. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 267. 268.

231. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 118. 119. 188. 189.

232. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 110, примѣч. 353. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

233. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 250. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 166. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

234. Карамзинъ. И. Г. Р. т. 7, стр. 69, примѣч. 231; т. 11, стр. 9. 10 примѣч. 11.

235. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, примѣч. 412; т. 11, примѣч. 11. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

236. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 170 и 182; т. 10, стр. 123. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

237. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 25, 27, примѣч. 70. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 248.

238. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 122.

239. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 204.

240. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 67. — Соловьевъ. И. Р. т. 13, стр. 93. 94. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 157. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

241. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 50. 66, примѣч. 190; т. 9, примѣчаніе 614.

242. Карамзинъ. И. Г. Р. т. 10, стр. 13, примѣч. 24 и 155. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 273.

243. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 11, стр. 15.

244. Карамзинъ. И. Г. Р. т. 12, стр. 5. — Соловьевъ, И. Р. т. 13. стр. 93.

245. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214. 218. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225. 446. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 176. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

246. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 176. — Щебальскій, о Рос. какою остав. ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 21.

247. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7 примѣч. 231; т. 11, примѣч. 11. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

248. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 93.

249. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 275; т. 3, стр. 12. — Ивановъ, Росссія и проч. ч. 3, стр. 122.

250. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 279, 280; т. 3, стр. 17. — Костомаровъ, Предан. первонач. рус. лѣтоп. Вѣстн. Евр. февраль 1873 г. стр. 608.

251. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 97. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 12.

252. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 402.

253. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 104, примѣч. 206; т. 5, стр. 93.

254. Сокольниками назывались такіе люди, для которыхъ ловля дикихъ птицъ была охотничимъ промысломъ. Приэтомъ надобно замѣтить, что въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ идетъ рѣчь, вмѣсто слова «сокольники», употреблялось слово «ловцы», и потому встрѣчаются названія: ловцы гагачьи, ловцы залчьи и т. п. (Отеч. Зап. январь 1859 г. современ. обозрѣн. стр. 29).

255. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 187.

256. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 84. 85, примѣч. 167. — Соловьевъ И. Р. т. 3, стр. 263.

257. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 289. 290.

258. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 99. 100. 110, примѣч. 321 и 353. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446. 467.

259. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 52, примѣч. 162. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 393; т. 7, стр. 184.

260. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 63. 64. — Устряловъ, Р. И. ч, 2, стр. 289, 290.

261. Вѣстн. Евр. августъ 1871 г. стр. 693.

262. Полевой, Истор. Петра Вел. ч. 1, стр. 115. — Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ. Москва, 1872 г. стр. 84. 88.

263. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 94. — Потѣшный дворъ. Рус. Вѣс, декабрь 1867 г. стр. 473.

264. Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

265. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 15, примѣч. 20. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 211; т. 4, стр. 205. 206.

266. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 30. 31. — Соловьевъ, И. Р. т. стр. 280.

267. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 218. примѣч. 607.

268. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 67. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5. 7.

269. Сѣверія, Сѣверщина или Сѣверская земля находилась на рѣкахъ Деснѣ, Сеймѣ и Окѣ (Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отдыхъ, январь 1865 г. стр. 12). Ее составляли въ началѣ XVII вѣка слѣдующіе сѣверскіе города: Путивль, Моравскъ, Новгородъ — Сѣверскій, Стародубъ, Ливны, Кромы, Бѣлгородъ, Осколъ, Елецъ, (Костомаровъ, Смут. вр. моск. госуд. Вѣстн. Евр. сентябрь 1866 г. стр. 32).

270. Андрусовскій трактатъ 30 января 1667 г. въ Пол. Соб. Зак. № 398. — Устряловъ, Истор. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 104. — Соловьевъ, И. Р. т. 11, стр. 260. 261. — Послѣдніе годы рѣчи посполитой. Костомарова, Вѣстн. Евр. февраль 1869 г. стр. 704.

271. Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 87. — Никита Моисеевичъ Зотовъ, учитель Петра Великаго, при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ былъ подъячимъ приказа большаго прихода; а при Петрѣ—является сперва думнымъ дьякомъ, потомъ

думнымъ дворяниномъ и печатникомъ; въ послѣдствіи графомъ, тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-прокуроромъ ближней канцеляріи (Рус. Вѣс. апрѣль 1866 г. стр. 744).

272. Лакіеръ, Русск. Геральдика, кн. 1, стр. 253.

273. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66; т. 18, стр. 139. — Лакіеръ, Русск. Геральд. кн. 1, стр. 253. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 289.

274. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 15. примѣч. 20; т. 6. примѣч. 607. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5. 7.

275. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6. примѣч. 609.—Лакіеръ, Русск. Геральд. кн. 1, стр. 252. 233.

276. Лакіеръ, Русск. Геральд. исторія русск. гербовъ, стр. 78.

277. Такія печати имѣли, какъ видно изъ «Исторіи государства Россійскаго», Карамзина, князья: *Кіевскій* Мстиславъ Владиміровичъ (т. 2 примѣч. 256. По родословной владѣтельныхъ князей, составленной г. Строевымъ, см. Роспись VI степень 8); *Смоленскій* — Мстиславъ Давыдовичъ (т. 3 примѣч. 248. По той же родословной см. Роспись IX степень 11); *Тверскій* — Михаилъ Александровичъ (т. 4 примѣч. 187. По той родосл. см. Роспись XIII степень 14). *Московскіе*: Александръ Михайловичъ, княжившій въ 1327 году (т. 4 примѣч. 260. По той Родосл. см. Роспись XIII степ. 15); Симеонъ Іоанновичъ (т. 4 примѣч. 365. По той же Родосл. см. Роспись XI степ. 14); Іоаннъ Іоанновичъ (т. 4 примѣч. 386. По той же Родосл. см. Роспись XI степ. 14); Димитрій Іоанновичъ (т. 5 примѣч. 116. По той же Родосл. см. Роспись XI степ. 15); Василій Димитріевичъ (т. 5, стр. 129. По той же Родосл. см. Роспись XV степ. 16).

278. Арсеньевъ, Начер. Стат. Росс, госуд. ч. 2, стр. 21.

279. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 43. 46. примѣч. 98. — Арсеньевъ. Начер. Стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 21. — Римъ и Византія. Русск. Вѣстноябрь 1870 г., стр. 279.

280. Свѣдѣніе это заявлено Кеммереромъ на археологическомъ съѣздѣ въ засѣданіи 17 декабря 1871 года (С.-Петерб. Вѣдом. 21 декабря 1871 г. № 351).

281. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 354. 355.

282. Арсеньевъ, Начер Стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 22.

283. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 207; т. 7, стр. 110, примѣч. 353; т. 10 примѣч. 460. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

284. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 22. примѣч. 44. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 1; т. 7, стр. 7.

285. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8 примѣч. 134; т. 9, стр. 9; т. 10, стр. 156. примѣч. 460.

286. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 156.—Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 161. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.

287. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 9. — Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 16. — Вѣст. Евр. май 1870 г., стр. 433. 434.

288. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 22. примѣч. 281; т. 9, стр. 263; т. 10, стр. 42. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201. 204.

289. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 56. примѣч, 359; т. 11, стр. 10. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355. 364; т. 13, стр. 61—64. 78. 318.

290. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. — Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 56.

291. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 156. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 64. 66. — Костомаровъ, Смут. вр. моск. госуд. Вѣс. Евр. іюнь 1866 г., стр. 69. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.

292. Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 56. — Костомаровъ, Смут. вр. моск. госуд. Вѣс. Евр. іюнь 1866 г., стр. 69.

293. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4 примѣч. 20; т. 10 примѣч. 359. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. — Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 56. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 174. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. 328.

294. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. 249.

295. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201.

296. Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 163. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. — Вѣст. Евр. май 1870 г., стр. 433. 434.

297. Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 163. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.

298. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 122.

299. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 183, примѣч. 411; т. 3, стр. 18. 19, примѣч. 23.

300. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 167. 214; т. 8, стр. 136; т. 10, стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225; т. 13, стр. 60. 62. 249.

301. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 249. 250. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 173.

302. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, примѣч. 4; т. 10, стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 60, 63.

303. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, примѣч. 359. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.

304. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 136.—Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 2, стр. 97.

305. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 72. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 7. 168.

306. Соловьевъ, И. Р. т. 12, стр. 349; т. 13, стр. 71. 72.

307. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 35. 69, примѣч. 98 и 231.

308. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 45, примѣч. 137.

309. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 108.

310. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 11, стр. 10; т. 12, стр. 52.

311. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 385.

312. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 61 — 65.

313. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 318 — 322.

314. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, примѣч. 231. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 54. — Устряловъ, Ист. цар. Петра Вел. Т. 1, стр. 268, примѣч. 31. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. 328.

315. Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 53. 54. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. 328. — Костомаровъ, Смут. время моск. госуд. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. стр. 69; сентябрь 1867 г. стр. 43.

316. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 370. 371.

317. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 53. 54. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. 328. 329.

318. Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.

319. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 39. 41, примѣч. 76. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 353; т. 4, стр. 204.

320. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 110, примѣч. 355; т. 10, стр. 21. 156, примѣч. 58. — Костомаровъ, Смутн. вр. моск. госуд. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. стр. 66 — 87.

321. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 110, примѣч. 231. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

322. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 110, примѣч. 231. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 370. 371.

323. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225; т. 13, стр. 66. — Устряловъ, Ист. царс. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 70.

324. Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 347.

325. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355. 372; т. 13, стр. 61 — 67. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 49. 50. — Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 178. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 328. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. рус. двор. стр. 70. 71.

326. Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1. стр. 187. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 329. 347.

327. Соловьевъ, И. Р. т. 14, стр. 86. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 49. 50. — Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 70. 71.

328. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. 67. 79.

329. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 229; т. 6, стр. 88. 213; т. 7, стр. 121; т. 8, стр. 161; т. 10, стр. 137. — Соловьевъ, И. Р. т 9, стр. 360. 381. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 32. — Побѣдоносцевъ, Зам. для ист. крѣп. права. Русск. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578.

330. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, примѣч. 490. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225; т. 7, стр. 17. — Лакіеръ, Русск. геральд. ист. русск. двор. стр. 70. — Въ древней Россіи единицей поземельной мѣры была четверть составлявшая половину нынѣшней десятины, такъ, что 200 четвертей равнялись 100 десятинамъ, 150 четв. 75 десятинамъ и т. д. (Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 347).

331. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 373. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 325. — Костомаровъ, Начал. единод. въ др. Руси. Вѣс. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 47.

332. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 38. 111. — Соловьевъ И. Р. т. 13, стр. 78. 318.

333. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 39: примѣч. 110; т. 8, стр. 91. примѣч. 272.

334. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 91. примѣч. 272; т. 10, стр. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 51. 55. — Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 44.

335. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 8, примѣч. 272. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 44.

336. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 123. 137. 156. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 63. 67. — Устряловъ, Р. И. ч. 2. стр. 291.

337. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 91; т. 10, стр. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 78. 318.

338. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 137. — Устряловъ, Ист. царствов. Петра Вел. т. 1, стр. 176.

339. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 44. — Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 257.

340. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 44. 49. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 329.

341. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 51; т. 13, стр. 318. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 324—329.

342. Кавелинъ, Мысли и замѣтки о русск. ист. Вѣстн. Евр. іюнь 1866. г. т. 2, стр. 349. 362 — 364. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 112 — 114; т. 12, «О древ. и нов. Россіи», стр. XLI.—Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 279. —Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. крѣп. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1, стр. 241. — Въ старину «дѣдичъ» означалъ владѣльца, собственника; а «отчичемъ» именовался наслѣдникъ отцовскаго достоянія (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 417).

343. Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 1, стр. 34.—Лакіеръ, Русск. геральд ист. рус. двор. стр. 66. 71.

344. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, примѣч. 582. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 383. 384; т. 13, стр. 70. 163; т. 18, стр. 254. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 330. — Кавелинъ, Мысли и замѣт. о рус. ист. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. кн. 2, стр. 366. — Главный интересъ русскаго боярина былъ родовой: это выражается въ его имени. Для наглядnаго указанія возьмемъ въ соображеніе, напримѣръ, родословную бояръ Романовыхъ. Изъ нея между прочимъ, видно, что бояринъ Ѳедоръ (въ монашествѣ Филаретъ) былъ сынъ Никиты, внукъ Романа, правнукъ Юрія, праправнукъ Захарія, которые особенныхъ прозваній не имѣли. Какое жъ фамильное имя употреблялъ онъ въ частномъ и служебномъ быту? Единственно родовое: къ собственному имени присоединялъ онъ собственныя же имена отца, дѣда, прадѣда и прапрадѣда и именовался такъ: Ѳедоръ Никитичъ Романовъ — Юрьевъ — Захарьинъ (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, примѣч. 484; т. 8, примѣч. 164).

345. Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 255, примѣчаніе 9.— Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 296. 298.

346. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 159. 160. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 70. — Соловьевъ, Историч. письма. Русск. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 17.

347. Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, введеніе, стр. XXI.

348. Соловьевъ, Ист. письма, Русск. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 219 и мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 16. — Устряловъ, Истор. царств. Петра Вел. т. 1, введеніе стр. XXI. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355. 356. — Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 1, стр. 34.

349. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 160. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 407 — 411; т. 13, стр. 71. — Атласъ географическій, историческій и хро-

нологическій Россійскаго государства. Ахматова. Изд. Эйнерлинга. 1845 г. стр. 18.

350. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 160. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 11. 12. 15; т. 9, стр. 362. 369; т. 13, стр. 74.

351. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 155. 156. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 369. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 296. 298. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. дворян. стр. 72.

352. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 160. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 407 — 411. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 296. 298.

353. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 219. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 384; т. 7, стр. 8; т. 9, стр. 357. — Соловьевъ, Ист. письма. Рус. Вѣс. май. 1858 г. кн. 2, стр. 220. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 330. — Лакіеръ, Русск. Гиральд. истор. русск. дворян. стр. 71.

354. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 320. — Отеч. Зап. «литер. лѣтопись» февраль 1871 г. стр. 165.

355. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 185. 213; т. 8, стр. 40.

356. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

357. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 68; т. 9, стр. 160; т. 10, примѣчаніе 276. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446; т. 6, стр. 383; т. 7, стр. 11 — 15.

358. Соловьевъ, И Р. т. 7, стр. 407 — 411.

359. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 53. 356 — 359. 378. 379. — Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣстн. май 1858 г. кн. 2, стр. 220. 222. — 1613 года 11 іюля, въ день вѣнчанія на царство Михаила Ѳеодоровича князь Дмитрій Михаиловичъ Пожарскій пожалованъ былъ бояриномъ; а Козьма Мининъ Сухорукій получилъ званіе думнаго дворянина (Вѣстн. Европы іюнь 1867 г. стр. 47).

360. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 155. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 362 — 364. 368.

361. Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 384; т. 7, стр. 8; т. 10, стр. 370; т. 11, стр. 59, 256; т. 12, стр. 63. 75. 335. 351 — 354; т. 13, стр. 70 — 76. 119. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 т. кн. 2, стр. 222. — Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 1, стр. 32.

362. Соловьевъ, И. Р. т. 10, стр. 138; т. 13, стр. 74.

363. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 323. — Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 1, стр. 32. — Полн. Собран. Зак. № 905.

364. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 317.

365. Въ смутную эпоху московскаго государства, встрѣчается названіе людей *великочиновныхъ* и *мелкочиновныхъ*. *Великочиновными* почитались, по тогдашнему понятію, лица разумныя, богатыя и вельможныя, такія лица, которыя сами, или отцы ихъ и дѣды, постоянно находились у правительственнаго дѣла, или, какъ онѣ сами выражались, всякую думу вѣдали: то были такіе бояре, которые, по отзыву знаменитаго князя Д. М. Пожарскаго, слыли «столпами» государства. Подъ именемъ же людей *мелкочиновныхъ*, составлявшихъ большинство, къ которымъ причислялъ и себя самаго тотъ же князь Пожарскій, разумѣлись служилые люди прочихъ чиновъ, мелкіе землевладѣльцы, которые, какъ лица, не могшія участвовать въ боярской Думѣ, не могли имѣть и значенія, подобнаго вышесказанному, (Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 356 — 358, т. 12, стр. 354).

366. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 250. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 220.

367. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 319.

368. Кавелинъ, Мысли и зам. о русск. истор. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. стр. 397. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355; т. 13, стр. 320. 321 — Полн. Собр. Зак. № 905.

369. Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 223. 326.

370. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 323. 324; т. 18, стр. 139.

371. Устряловъ, Истор. царст. Петра Вел. т. 1, введ. стр. XXI. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 320. 355; т. 13, стр. 322. — Соловьевъ, Истор. письма. Вѣстн. Евр. май 1858 г. кн. 2, стр. 219. — Отеч. Зап. «литер. лѣтопись» февраль 1871 г. кн. 1, стр. 165.

372. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, примѣч. 65, стр. 290.

373. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 184. — Чичеринъ, Дух. и догов. граматы. Русск. Вѣст. февраль 1857 г. стр. 686. 687. 690. 693. — Кавелинъ, Мысли и зам. о русск. ист. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. стр. 364. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 66. — Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и проч. Рѣчь, произнесенная на Актѣ спб. университета, 8 февр. 1860 г. профессоромъ Кавелинымъ, стр. 9. 24.

374. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 226.—Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 17.—Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣст. февраль 1857 г. стр. 655. 692.

375. Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 17.— Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣст. февраль 1857 г. стр. 692. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣд. стр. 9.

376. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 240.

377. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 241. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣд. стр. 9. 24.

378. Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Русск. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 64. — Костомаровъ, Смут. вр. моск. госуд. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 21. — Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣд. стр. 10. 27. 40.

379. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 238. 240. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣстн. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. 20.

380. Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 170; т. 2, стр. 303.— Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 53. — Кавелинъ, Ист, разв. рус. поряд. закон. наслѣдов. стр. 27. 35. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.

381. Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 10. 27.

382. Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 27.

383. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 170. 171. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 20.

384. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 16. — Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣс. мартъ 1859 г. к. 1, стр. 20. — Забѣлинъ, Древности Москвы. Вѣстн. Евр. мартъ 1867 г. стр. 391.

385. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161.

386. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 171. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 28.

387. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 386. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 28.

388 Калачовъ. Очеркъ истор. быта великор. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 50.

389. Соловьевъ. И. Р. т. 7, стр. 412.

390. Главными промыслами были тогда (во время появленія помѣстной системы) у нашихъ предковъ: земледѣліе, составлявшее преимущественное занятіе большей части населенія; рыболовство на Бѣломъ Морѣ, въ рѣкахъ и озерахъ; пчеловодство въ дремучихъ лѣсахъ на восточной сторонѣ государства; и соляныя варницы въ Бѣлозерскомъ округѣ, въ богатыхъ владѣніяхъ Строгановыхъ и въ разныхъ монастырскихъ вотчинахъ. (Чтеніе члена географ. общ. Н. В. Калачова 4 декабря 1868 г., объ изданіи писцовыхъ книгъ. Русск. Вѣс. апрѣль 1869 г. стр. 833).

391. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 360; т. 13, стр. 80 — 84; т. 20, стр. 226. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. 19. — Калачовъ, Очеркъ истор. быта великор. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 50. — Щебальскій, О Россіи, какою остав. ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 20. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. дворян. стр. 69. — Градовскій, Реценз. на соч. «монаст. прик.» Русск. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 618.

392. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 213. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 42. — Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18.

393. Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 27. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Русск. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 64.

394. Карамзинъ. И. Г. Р. т. 6, стр. 213. — Костомаровъ, Смут. вр. москов. госуд. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 42. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для истор. крѣп. права. Русск. Вѣс. августъ 1858 г. стр. 579. — Градовскій, Рецез. на соч. «монаст. приказъ». Русск. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 610. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.

395. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 17. 412. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1858 г. стр. 688. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1, стр. 218, кн. 2, стр. 477. 578. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣд. стр. 35. — Лакіеръ, Русск. Геральд. — ист. русск. двор. стр. 69. 70.

396. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 17. — Устряловъ, Истор. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 177. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣд. стр. 35.

397. Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 177; примѣч. 74, стр. 295 — 297. — Кавелинъ, Ист. разв. рус. поряд. закон. наслѣдов. стр. 35. 36. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 69.

398. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 17.

399. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161. примѣч. 490. — Лешковъ, Раздѣл. Росс. на губерн. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 329. — Костомаровъ, Нач. единод. въ древ. Руси. Вѣстн. Евр. декабрь 1870 г. стр. 557. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 467.

400. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 16. 17. 412. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 19. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, введ. стр. XX. — Ешев-

скій, Русск. колониз. сѣвер.-вост. края. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 255. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1, стр. 218, кн. 2, стр. 477; августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578. — Устряловъ, Р. И. ч. 3, стр. 20.

401. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 19. — Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, введ. стр. XX. XXI. — Устряловъ. Р. И. ч. 2, стр. 326. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. крѣп. права. Рус. Вѣс. августъ 1858 г. 2, стр. 578.

402. Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 176.

403. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 18. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 69. — Градовскій, Реценз. на соч. «монаст. прик.» Русс. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 618.

404. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 238; т. 22, стр. 112. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 486, августъ кн. 2, стр. 578. — Градовскій, Реценз. на соч. «монаст. прик.» Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 618.

405. Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 486.

406. Кавелинъ, Мысли и замѣт. о русск. истор. Вѣстн. Евр. январь 1866 г. стр. 366.

407. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 238. 238. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 486.

408. Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 477.—Указъ 23 марта 1714 г. 6 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2789.

409. Устряловъ, Истор. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578. 579. — Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 10.

410. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, 161. — Устряловъ, Истор. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Безобразовъ, Аристокр. и интер. дворянства. Русск. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112.—Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 40. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578. 579. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 64.

411. Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 10. 27. 39. 41.

412. Тамъ же, стр. 36 — 38.

413. Тамъ же, стр. 9. 10. 23. 35. 38. 39.

414. Соловьевъ, И Р. т. 9, стр. 386.

415. Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 38. 39.

416. Тамъ же, стр. 39.

417. Кавелинъ, Мысли и замѣт. о русск. исторіи. Вѣстн. Евр. іюль 1866 г. стр. 397.—Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 39.

418. О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала, Бабста. Москва, 1857 г. стр. 18. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 241. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 477.

419. Татары, въ длинный періодъ господства своего надъ сѣверо-восточною частію древней Россіи, называли русскихъ земледѣльцевъ, лично свободныхъ тогда, но постоянно бѣдныхъ, крестьянами, т. е. «христіанами»

но въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: татары поносили русскихъ симъ именемъ. (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 129).

420. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 221; т. 10, стр. 120. — Арсеньевъ. Начерт. стат. Росс. государ. ч. 2, стр. 87. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 53.

421. Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 479,

422. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 412. 418. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 120.—Костомаровъ, Начало единод. въ др. Руси. Вѣстн. Евр. декабрь 1870 г. стр. 558. — Калачовъ, Очеркъ истор. быта великорус. крестьянъ. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 49 — 52. — Ешевскій, Русск. колониз. сѣверо-вост. края. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 245.

423. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 412. 413; т. 13, стр. 129; т. 20, стр. 226.— Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1 стр. 218. 237; кн. 2, стр. 477.

424. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 413; т. 13, стр. 131. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1, стр. 211. 218. 236.— Ешевскій, Рус. колониз. сѣверо-вост. края. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 246. — Калачовъ, Очеркъ историч. быта велико-руск. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 52.

425. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 413. — Побѣдоносцевъ. Замѣт. для ист. кр. права. Рус, Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 477. — Калачовъ, Очеркъ ист. быта велико-русск. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. кн. 1, стр. 52.

426. Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 54.

427. Тамъ же, стр. 332.

428. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10. стр. 120.—Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 335.— Безобразовъ, Аристокр. и интер. дворянс. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1, стр. 213, кн. 2, стр. 477; августъ — кн. 2, стр. 579.

429. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 413; т. 13, стр. 80. 88. — Безобразовъ, Аристокр. и интер. дворянс. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112. 113. 116. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1, стр. 211, кн. 2, стр. 485.

430. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 129; т. 10, стр. 120. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 335. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1, стр. 235, кн. 2, стр. 478.

431. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 213; т. 9, стр. 262.—Лешковъ, Разд. Росс. на губерн. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 326. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. 94. 95. — Костомаровъ, Смути врем. москов. госуд. Вѣстн. Евр. іюнь 1867 г. кн. 2, стр. 39. — Градовскій, Реценз. на соч. «монаст. приказъ». Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 615.

432. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. 79. 323; т. 14, стр. 104. — Лакіеръ. Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 50.

433. Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 384; т. 9, стр. 355. 356. — Соловьевъ, Историч. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 218. 219. 228. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 56.

434. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «О древней и новой Россіи», стр. XLV.— Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 329. — Безобразовъ, Аристокр. и интер. дво-

рянс. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112.—Слово «шляхетство», какъ наименованіе цѣлаго сословія, и «дворянинъ», какъ наименованіе отдѣльнаго его члена, встрѣчаются въ первый разъ въ одномъ указѣ 1712 года, которымъ повелѣно: сказать всему *шляхетству*, чтобъ каждый *дворянинъ* (какой бы фамиліи ни былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому офицеру. (Полн. Собр. Зак. № 2,467).

435. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 285; т. 18, стр. 140. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 76.

436. Словарь русскаго языка, составленный Академіею Наукъ. 1847 г.; въ немъ объяснено слово «чинъ». — Щебальскій, О Россіи, какою остав. ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 14.

437. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губерн. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 358. 359.—Паденіе Сперанскаго. Богдановича. Вѣстн. Евр. декабрь 1868 г. стр. 495.

438. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 179. — Арсеньевъ, Начертан. статист. Росс. госуд. ч. 2, стр. 27.

439. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12. «О древней и новой Россіи», стр. XLVII.— Арсеньевъ, Начерт. статист. Росс. госуд. ч. 2, стр. 28. 29.

440. Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 218.— Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 28. 29.

441. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214. — Полевой, Истор. Петра Вел. ч. 1, стр. 34.

442. Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 329.

443. Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 29.

444. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 324; т. 18, стр. 139. 140, примѣч. 59.— Соловьевъ, Историч. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 227.—Полн. Собран. Зак. № 3,890. — Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Грота, 1872 г. стр. 24. 25.

445. Кавелинъ, Мысли и замѣт. о русск. истор. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. стр. 388. — Гротъ, Петръ Вел., какъ просвѣтитель, стр. 42. — Лекція професс. Градовскаго, о славянофильствѣ. Спб. Вѣдом. 15 марта 1873 г. № 81. — Отечеств. Зап. сентябрь 1867 г. кн. 2, стр. 274.

446. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 254. 255.—Соловьевъ, Историч. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 27. — Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 29.

447. Лешковъ, Разд. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 358. 359. — Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 29. 30.

448. Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 232.— Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 30.

449. Чинъ бригадира уничтоженъ въ 1799 году (Пол. Собр. Зак. № 19,968).

450. Въ образованныхъ въ 1731 году, при Аннѣ Іоанновнѣ, кирасирскихъ полкахъ капитаны переименованы въ ротмистры.

451. Вмѣсто капитанъ-поручиковъ по пѣхотѣ и артиллеріи и секундъ-ротмистровъ по кавалеріи, учреждены въ 1797 и 1798 годахъ: по пѣхотѣ, артиллеріи и въ драгунахъ штабсъ-капитаны, а въ гусарскихъ и кирасирскихъ полкахъ — штабъ-ротмистры (Полн. Собр. Зак. №№ 17,716 и 18,746).

452. Корнетъ былъ первый оберъ-офицерскій чинъ въ гусарскихъ полкахъ, получившій названіе это при Павлѣ I, въ 1796 году (Полн. Собран.

Зак. № 17,542); въ слѣдующемъ же 1797 году повелѣно было — первые оберъ-офицерскіе чины провіантскаго вѣдомства именовать прапорщиками (Полн. Собр. Зак. № 18,031).

453. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. Романовичъ — Славатинскаго. 1870 г. стр. 220.

454. Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 380.

455. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 138 — 140; т. 20, стр. 258. — Богдановичъ, Паденіе Сперанскаго. Вѣстн. Евр. декабрь 1868 г. стр. 495. — Романовичъ-Славатинскій, Дворянст. въ Россіи, стр. 223.

456. Богдановичъ, Паденіе Сперанскаго. Вѣстн. Евр. декабрь 1868 г. стр. 495.

457. Полн. Собр. Зак. №№ 3,264 и 3,978.

458. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 258.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 15. 223—225. — Въ послѣднее время, чины потеряли прежнее отношеніе къ должностямъ, существовавшее при Петрѣ Великомъ, и къ размѣрамъ сопряженнаго съ должностями содержанія. Теперь не всякій, возводимый въ высшій чинъ, получаетъ чрезъ то болѣе широкія служебныя права, болѣе обширный кругъ дѣятельности и болѣе значительное содержаніе. Слѣдовательно, названія чиновъ не только не выражаютъ уже должностей, но и самыя должности эти относятся обыкновенно по росписаніямъ къ одному изъ XIV классовъ, значащихся въ табели о рангахъ 24 января 1722 года. Притомъ же должности даются нынѣ часто независимо отъ чина того, кто ихъ получаетъ, и лица съ сравнительно высшими чинами занимаютъ низшія должности, и обратно. Еще военные офицеры получаютъ жалованье по чинамъ; но въ гражданской службѣ оклады вознагражденія опредѣляются не чиномъ, а занимаемою должностію. При такомъ установившемся порядкѣ, самое производство въ чины имѣетъ извѣстные предѣлы: служащее лицо, по нынѣ существующимъ правиламъ, можетъ быть опредѣлено къ должности, по классу высшей противъ настоящаго носимаго имъ чина, и въ такомъ случаѣ лицо это повышается въ чинахъ по разсчету времени его службы въ занимаемой должности, но лишь до того класса, къ которому по росписанію отнесена его должность. (Примѣчаніе это составлено на основаніи свѣдѣній, напечатанныхъ, относительно чиновъ, въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: въ Правительственномъ Вѣстникѣ, 14 октября 1869 года № 222; въ Русскомъ Инвалидѣ, 3 апрѣля 1869; и въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 25 августа 1872 г. № 232).

459. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 273. 274.

460. Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. августъ 1858 г. стр. 548. — Гротъ, Петръ Вел. какъ просвѣт. Россіи, стр. 10. 25. — Полевой, Истор. Петра Вел. ч. 1, стр. 343. 344, 350. — Щебальскій, о Россіи какою оставилъ ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 22. — Петръ Великій, послѣдній царь московскій и первый императоръ всероссійскій. Петрова. С.-Петербургъ, 1872 г. стр. 50.—Русская Старина, мартъ 1873 г. стр. 409. 410.

461. Исключеніе составляютъ только два случая: пожалованіе въ 1709 Петра Апраксина честію боярства, и возведеніе Юшкова въ окольничіе въ 1711 году (Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 9). — Установленные чины древнихъ бояръ — старшихъ, большихъ и просто бояръ, а

также окольничихъ, соотвѣтствовали классамъ табели о рангахъ 1722 года: бояре старшіе II, большіе и окольничіе III, а бояре безъ прилагательнаго IV. (Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 29).

462. Соловьевъ, И. Р. т. 9, 355; т. 15, стр. 87. — Полевой, Истор. Петра Вел. ч. 1, стр. 350.

463. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 7 — 10.

464. Полн. Собр. Зак. № 5.058.

465. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 223.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 6 — 8.

466 Полн. Собр. Зак. № 8,510. — Романовичъ-Славатинскій. Двор. въ Россіи, стр. 227.

467. Полн. Собр. Зак. № 23,559.

468. Табель о рангахъ 24 января 1722 г. пунк. 11, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Полн. Собр. Зак. № 3,705. — Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 201; т. 18, стр. 140. — Жалованная дворянству грамата 21 апрѣля 1785 г. § 3, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 42, 45.

469. Табель о рангахъ пунк. 15, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Жалован. дворянс. грам. 21 апрѣля 1785 г. § 19, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.— Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 45.

470. Указъ 31 января 1724 г. — Жалован. дворянс. грам. 21 апрѣля 1785 г. § 21, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 45.

471. Россійская родословная книга, князя Долгорукаго. С.-Петербургъ, 1854 г. ч. 2, стр. 234.

472. Табель о рангахъ, пунк. 16, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Дѣянія Петра Великаго Голикова, дополн. т. 3, стр. 241.

473. Романовичъ-Славатинскій, Дворянс. въ Россіи, стр. 28. 29.

474. Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. гербовъ, кн. 2, стр. 77. 199. 326.

475. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 32.

476. Табель о рангахъ, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Лакіеръ, Русс. Геральд. ист. русск. герб. кн. 2, стр. 326.

477. Табель о рангахъ, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Лакіеръ, Русс. Геральд. — ист. русск. герб. кн. 2, 77. 343.

478. Табель о рангахъ, въ Полн. Собр. Зак. № 3.890. — Лакіеръ, Русс. Геральд. — ист. русск. герб. кн. 1, стр. 203.

479. Отеч. Зап. ноябрь 1865 г, стр. 57. 58. — Романовичъ-Славатинскій. Дворянс. въ Россіи, стр. 36 — 38.

480. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, прилож. XII на стр. 393,

481. Романовичъ-Славатинскій, Дворян. въ Россіи, стр. 38. 40 — Лакіеръ, Русск. Геральд. кн. 2, стр. 551. 552. 560.

482. Романовичъ-Славатинскій, Дворян. въ Россіи, стр. 36. 39.

483. Тамъ же, стр. 40.

484. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 201. — Полн. Собр. Зак. № 2,467.

485. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 140.—Устряловъ, Р. И. ч. 3, стр. 160.— Табель о рангахъ, пунк. 3, 4, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890.

486. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губерн. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн.

2, стр. 335. 336. — Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 140. — Устряловъ, Р. И. ч. 3, стр. 160.

487. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 139. 140. примѣч. 59.

488. Гротъ, Петръ Вел. какъ просвѣт. стр. 24. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. дворян. стр. 77. — Вооруженныя силы Россіи, Фадѣева. Рус. Вѣс. апрѣль 1867 г. стр. 433.

489. Романовичъ-Славатинскій, Дворянс. въ Россіи, стр. 17.

490. Тамъ же, стр. 26. 68.

491. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губерн. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 329. 368. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «о древн. и новой Россіи», стр. XLV. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 224. 237. 238; т. 9, стр. 355. — Безобразовъ, Арист. и интер. дворянс. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115. — Костомаровъ, Начало единод. въ др. Руси, Вѣстн. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 45.

492. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 227. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 3, стр. 350. — Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.

493. Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 219. — Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, введеніе, стр. XXI. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 581. — Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.

494. Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 229. — Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1959 г. кн. 1, стр. 115. — Петровъ, Петръ Великій и проч. стр. 71. — Указъ 1712 года въ Полн. Собр. Зак. № 2,467.

495. Указъ 23 марта 1714 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2,789. — Докладъ 31 декабря 1730 г. въ Полн. Собр. Зак. № 5,653. — Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 200; т. 19, стр. 273. 274.

496. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 233. 234. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 232.

497. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2. стр. 234.

498. Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 76.

499. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 224.

500. Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.—Романовичъ-Славинскій, Дворянс. въ Россіи, стр. 66. 68. 70. 492.

501. Вѣстн. Евр. 1866 г. т, 3, стр. 30.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 27. 44. 45. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 10. 11.

502. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 321. 322.

503. Полн. Собр. Зак. №№ 120 и 1,219.

504. Полн. Собр. Зак. № 11,340.

505. Полн. Собр. Зак. №№ 12,029 и 14,033.

506. Жалован. дворянс. грам. 21 апрѣля 1785 г. §§ 3. 76 — 92. въ Пол. Собр. Зак. № 16,187. — По § 92 жалов. двор. грам., 15 неоспоримыхъ доказательствъ дворянскаго состоянія признаны были: 1) жалованныя граматы на дворянство: 2) дворянскія родословныя книги и списки, содержимые Герольдіею; 3) жалованные отъ государей гербы; 4) патенты на чины, приносящіе дворянское достоинство; 5) доказательства, что кавалер-

скій россійскій орденъ особу украшалъ; 6) доказательства чрезъ жалованныя и похвальныя граматы; 7) указы на пожалованіе земель и деревень; 8) верстаніе въ прежнее время по дворянской службѣ помѣстьями; 9) указы или граматы на пожалованіе помѣстьевъ въ вотчины; 10) указы или граматы на пожалованныя деревни и вотчины, хотя бы оныя выбыли изъ рода; 11) указы, наказы или граматы, данныя дворянину, на посольство, посланничество или иную посылку; 12) доказательство о дворянской службѣ предковъ и написаніи въ прежнихъ десятняхъ *) изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; 13) доказательство, что отецъ и дѣдъ вели благородную жизнь, или состояніе, или службу, сходственную съ дворянскимъ званіемъ; 14) купчія, закладныя, рядныя и духовныя о дворянскомъ имѣніи; 15) доказательства, что отецъ и дѣдъ владѣли деревнями.

507. Миллеръ, Извѣс. о дворян. россійскихъ, стр. 47. — Отеч. Записки ноябрь 1865 г. стр. 57. 59.

508. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 248.

509. Археологическій съѣздъ въ Петербургѣ 14 декабря 1871 г. С.-Петерб. Вѣдом. 17 декабря 1871 г. № 347.

510. Миллеръ, Изв. о дворян. россійск. стр. 2. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 323.

511. Манифестъ 18 февраля 1762 г. въ Полн. Собр. Зак. № 11,444. — Безобразовъ, Аристокр. и интер двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.

512. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 4. 27. 44. 234.

513. Жалован. дворянс. грамата 21 апрѣля 1785 г. §§ 1. 91, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Романовичъ-Салатинскій, Двор. въ Россіи стр. 72. 73.

514. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 437; т. стр. 10. 11.

515. Полн. Собр. Зак. № 3,869. — Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 243. 244.

516. Полн. Собр. Зак. № 10,558. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 1, стр. 581.

517. Полн. Собр. Зак. № 11,444.

518. Жалов. двор. грам. 21 апрѣля 1785 г. §§ 1. 91, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

519. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 138. — Полн. Собр. Зак. №№ 3,810. 3,874. 3,877. 3,896.

---

*) Въ засѣданіи археологическаго съѣзда въ Петербургѣ, 14 декабря 1871 года, Н. В. Калачовъ читалъ, о десятняхъ записку, въ которой, между прочимъ, говоритъ, что *десятнями* назывались записныя книги раздачамъ денежнаго жалованья, соотвѣтственно денежнымъ окладамъ дворянъ и боярскихъ дѣтей каждаго города, съ обозначеніемъ итоговъ суммъ, которыя при этомъ раздавались. Сверхъ этого основнаго содержанія, въ нѣкоторыя десятни вносимы были еще разнообразныя свѣдѣнія. Такъ, напр., отмѣчалось въ нихъ: по скольку у служалыхъ помѣстной или вотчинной земли; по скольку крестьянъ; каковъ служилый собою — добръ или худъ, хорошъ ли въ службѣ и какую можетъ нести — конную или пѣшую, дальнюю или ближнюю; а если ни какой не можетъ, то почему; есть ли у него дѣти и какихъ лѣтъ; какіе онъ совершилъ подвиги въ сраженіяхъ, или во время городоваго сидѣнья, и т. п. Очевидно, что десятни составляли собою письменные памятники, поясняющіе древній бытъ дворянства. Они хранились въ Разрядномъ приказѣ, управлявшемъ прежними служилыми людьми. (Спб. Вѣдом. 17 декабря 1871 г. № 347).

520. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2 стр. 223. 230.— Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 116, 117. 120. 132. — Полн. Собр. Зак. № 3,980, книга штатовъ, ч 1, стр. 80.

521. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «О древ. и нов. Россіи», стр. XLV. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 3, стр. 348. — Романовичъ-Салатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 128.

522. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 4, стр. 481. 493.

523. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 201. — Указъ 1714 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2,775 и указъ 1719 г. въ Полн. Собр. Зак. № 3,265.

524. Указъ о гражд. службѣ 1714 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2,796. — Романовичъ-Салатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 116. 133.

525. Полн. Собр. Зак. № 12,949, гл. XV. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 133. 140.

526. Полн. Собр. Зак. № 3,987.

527. Полн. Собр. Зак. №№ 4,449. 4,457. 8.534, гл. XXXVI. — Генеральный регламентъ 1720 г.

528. Полн. Собр. Зак. № 7,201.—Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 176. 177.

529. Полн. Собр. Зак. № 8,043. — Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 226. — Романовичъ-Салатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 134 139.

530. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 140.

531. Указъ 23 марта 1714 г. о майоратѣ въ Полн. Собр. Зак. № 2,789.— Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, прилож. XII. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс, августъ 1858 г. кн. 2, стр. 579.

532. Безобразовъ, Аристокр. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 117. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 117. 152. — Крестьянскій вопросъ, Елисѣева, Отеч. Зап. мартъ 1869 г. стр. 161.

533. Полн. Собр. Зак. № 2,879. — Щебальскій, о Россіи, какою оставилъ ее Петръ I, Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 31.

534. Полн. Собр. Зак. № 2,879.

535. Полн. Собр. Зак. № 4,659.

536. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 153.

537. Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 579.

538. Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 223. 232.

539. Гротъ, Петръ Вел. какъ просвѣт. Россіи, стр. 31.

540. Отеч. Зап. декабрь 1869 г. стр. 451.

541. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 139. 191. — Безобразовъ, Аристокр. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.

542. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 201; т. 20, стр. 276. — Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 223. 224. 233. — Щебальскій, О Россіи, какою остав. ее Петръ I, Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 31.— Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи. стр. 117,

543. Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси, Вѣстн. Евр. декабрь 1870 г. стр. 557. — Первая эпоха преобраз. Александра I. Богдановича, Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. кн. 1, стр. 156

544. Безобразовъ, Аристокр. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.

545. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 2, стр. 315.

546. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 204. 205.

547. Полн. Собр. Зак. № 2,968. — Романовичъ-Славатинскій. Двор. въ Россіи, стр. 128. 171.

548. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 138. 191.

549. Тамъ же, стр. 191, примѣч. 127.

550. Тамъ же, стр. 246; т. 20, стр. 229; т. 22, стр. 264. 277. — Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны. Ешевскаго, Отеч. Зап. май 1868 г. стр. 17 и іюль стр. 10.

551. Полн. Собр. Зак. №№ 4,863, 6,949. 7,170.

552. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 313, примѣч. 283.

553. Соловьевъ, И. Р. т. 19. стр. 276; т. 22, стр. 324—326, примѣч. 260.

554. Тамъ же, стр. 275. 276, примѣч. 250; т. 22, стр. 331. — Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 232.

555. Соловьевъ, И. Р. т. 19, стр. 276; т. 22, стр. 331. 332.

556. Тамъ же, стр. 272. 276. 277; т. 23, стр. 336. — Ешевскій, Очерк. царств. Елисаветы Петровны. Отеч. Зап. іюль 1868 г. стр. 61.

557. Романовичъ-Славатинскій. Двор. въ Россіи, стр. 173.

558. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 233. 234. 458, примѣч. 204.—Соловьевъ, Историч. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 232

559. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 176. 177, примѣч. 85. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 233.

560. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 258, примѣч. 218.

561. Соловьевъ, И. Р. т 22, стр. 265; т. 23, стр. 338.—Ешевскій, Очеркъ царств. Елисаветы Петровны. Отеч. Зап. іюль 1868 г. стр. 9.

562. Соловьевъ, И. Р. т. 22, стр. 333. 334.

563. Ешевскій, Очер. царств. Елисав. Петровны, От. Зап. іюль 1868 г. стр. 61.

564. Соловьевъ, И. Р. т. 23, стр. 336 — 341, примѣч. 197. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 81. 83.

565. Полн Собр. Зак. № 10,553. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 233.

566. Манифестъ 18 февраля 1762 г. пунк. 7, въ Полн. Собр. Зак. № 11,444. — Очеркъ царствованія Петра III. М. Семевскаго, Отеч. Зап. августъ 1867 г. стр. 675. — Устряловъ, Р. И. ч. 3, стр. 287.

567. Полн. Собр. Зак. № 11,696.

568. Тамъ же, № 12,471.

569. Тамъ же, № 21,691.

570. Соловьевъ, И. Р. т. 22, стр. 320. — Эйлеръ, замѣчательный ученый нѣмецъ, пріѣхалъ по приглашенію въ Россію, для занятій въ академіи наукъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, онъ былъ профессоромъ высшей математики. Въ академіи, съ основанія ея, смѣнились уже тогда четыре президента; но у всѣхъ ихъ самымъ довѣреннымъ и несмѣняемымъ лицомъ былъ библіотекарь и совѣтникъ канцеляріи, Шумахеръ. Онъ забралъ власть въ свои руки, и всѣ академики должны были находиться въ его распоряженіи. Лучшіе изъ нихъ не скрыли неудовольствія на такой порядокъ вещей, жаловались на враждебнаго имъ человѣка; но какъ послѣдній, не смотря на то, оставался на своемъ мѣстѣ, то эти ученые иностранцы, въ

числѣ которыхъ былъ и Эйлеръ, найдя для себя оскорбительнымъ быть подъ управленіемъ такого лица, котораго не могли они уважать ни за ученыя его заслуги, ни за нравственныя достоинства, при первой представившейся возможности, оставили академію и уѣхали изъ Россіи (Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 235. 237. 239; т. 22, стр. 324).

571. Соловьевъ, Истор. письма, Рус Вѣс. май 1858 г. кн 2, стр. 223.

572. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 182—184.

573. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 256; т. 20, стр. 174. 274.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 187. 189.

574. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 175. 176, примѣч. 84.—Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. стр. 229. 230.

575. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 274.

576. Семевскій, Очеркъ царств. Петра III, Отеч. Зап. августъ 1867 г. стр. 767. 768.—Ешевскій, Очеркъ царств. Елисаветы Петровны, Отеч. Зап. май 1868 г. стр. 53. 56.

577. Петръ III вступилъ на престолъ 25 декабря 1761 года, лишенъ престола 28 іюня 1762 года; слѣдовательно царствовалъ 6 мѣсяцевъ и 3 дня.

578. Манифестъ 18 февраля 1762 г. § 8, въ Полн. Собр. Зак. № 11,444.

579. Это постановленіе манифеста 18 февраля 1762 г. имѣетъ довольно частое примѣненіе и въ теперешнее время. Не рѣдко встрѣчаемъ мы въ приказахъ по военному вѣдомству, что такой-то производится со старшинствомъ на основаніи манифеста 18 февраля 1762 года.

580. Полн. Собр. Зак. № 11,444. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 193.

581. Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. стр. 115. 116. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 192. 267.

582. Коммиссію эту составляли: графъ Бестужевъ, гетманъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцевъ, дѣйств. тайн. сов. князь Шаховской, оберъ-гофмаршалъ Панинъ, генералъ-аншефъ графъ Чернышевъ, князь Волконской и генералъ-адмиралъ графъ Орловъ; а для содержанія протокола назначенъ былъ дѣйств. стат. совѣтн. Тепловъ. (Наказъ импер. Екатерины II о сочиненіи проекта новаго уложенія, Елисеева, Отеч. Зап. январь 1868 г. стр. 85. 89.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 197).—Полн. Собр. Зак. № 11,751.

583. Жалованная дворянству грамата, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.—День пожалованія дворянству граматы (21 апрѣля 1785 г.) былъ днемъ годовщины рожденія импер. Екатерины II. Она родилась 21 апрѣля 1729 г., въ Штеттинѣ. — Елисеевъ, Наказ. импер. Екатерины II, Отеч. Зап. январь 1868 г. стр. 85. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи стр. 198. 199.

584. Чичеринъ, Духов. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 64. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 212, примѣч. 70.

585. Жалов. дворянст. грам. §§ 17. 18. 19. 20, въ Полн. Собр. Зак. № 16.187.

586. Тамъ же, §§ 15. 16.

587. Тамъ же, — 21 — 26. 33. 34.

588. Тамъ же. — 26 — 32.

589. Тамъ же, — 35. 36.

590. Тамъ же, §§ 5. 6. 8 14.
591. Тамъ же, — 17.
592. Тамъ же — 18.
593. Тамъ же, — 19.
594. Полн. Собр. Зак, № 12,289.
595. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 215. 217. 219.
596. Манифестъ 18 февраля 1762 г. § 8, въ Полн. Собр. Зак. № 11,444.
597. Полн. Собр. Зак. № 12,289.
598. Полн. Собр. Зак. № 16,586.
599. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 221.
600. Полн. Собр. Зак. №№ 13,596. 13,760.
601. Тамъ же, № 11,066.
602. Тамъ же, № 12,973.
603. Тамъ же, № 13,857.
604. Тамъ же, № 16,930.
605. Тамъ же, № 11,614 и къ нему штаты военно-сухопутные.
606. Тамъ же, № 16,960.
607. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 229.
608. Соловьевъ, И. Р. т. 22, стр. 277.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 229. 230.
609. Генеральный регламентъ, гл. 13. — Табель о рангахъ пунк. 18, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 269.
610. Ешевскій, Очеркъ царств. Елисаветы Петровны, Отеч. Зап. іюль 1868 г. стр. 9. 10.
611. Полн. Собр. Зак. № 10,650, § 1.
612. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 234.
613. Жалов. двор. грам. §§ 15. 16, въ Полн Собр. Зак. № 16,187.
614. Полн. Собр. Зак. № 2,789. — Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 199. 200. примѣч. 187. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 239.
615. Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 579. — Кавелинъ, Мысли и замѣт. о рус. ист. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. стр. 397.
616. Устряловъ, Р. И. ч. 2. стр. 279; ч. 5, стр. 193. 194. — Кавелинъ Истор. разв. рус. порядк. закон. наслѣдованія, стр. 10. 27. 40. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 64.
617. Копорье — городъ съ крѣпостью былъ на берегу финляндскаго залива между Ораніенбаумомъ и Нарвой. — Ямбургъ, городъ при р. Наровѣ, противъ города Нарвы.
618. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 341. — Указъ 18 декабря 1708 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2,218.
619. Полн. Соб. Зак. № 3,464. — Романовичъ-Славатинскій, Дворян. въ Россіи, стр. 244.
620. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 245 — 247.
621. Полн. Собр. Зак. № 15,447.
622. Жалов. двор. грам. §§ 33. 34, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
623. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 199. 200. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 227.

624. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 199. 200, примѣч. 187. — Полн. Собр. Зак. № 2,789.

625. Полн. Собр. Зак. № 5,653. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 251. 252.

626. Жалов. двор. грам. § 22, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

627. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 265 — 267. — Безобразовъ, Аристокр. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн 1, стр. 115.

628. Табель о рангахъ пунк. 11. 15, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Жалов. двор. грам. § 19, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

629. Межевыя инструкціи 1754 и 1776 года. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 240.

630. Жалов. двор. грам. § 21, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 580.

631. Кавелинъ, Истор. развит. рус. поряд. закон. наслѣдованія, стр. 40— Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578. 579.

632. Жалов. двор. грам. § 23, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

633. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 257.

634. Полн. Собр. Зак. № 5,342.

635. Тамъ же, №№ 10,261. 19,918.

636. Объ аристократіи, дворянствѣ и мѣщанствѣ, Отеч. Зап. февраль 1866 г. кн. 1, стр. 502.

637. Жалов. двор. грам. §§ 27. 32, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

638. Полн. Собр. Зак. № 16,328.

639. Тамъ же, № 16,914.

640. Тамъ же, № 3,245.

641. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 266.

642. Жалов. двор. грам. §§ 35. 36, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.—Лешковъ, Разд. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 368.

643. Жалов. двор. грам. § 65, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

644. См. выше примѣч. подъ № 434.—Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 69.

645. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 402. 490.

646. Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 159.

647. Губерніи эти были: 1) Московская, 2) Новгородская, 3) Архангельская, 4) Нижегородская, 5) Воронежская, 6) Кіевская, 7) Бѣлогородская. 8) Смоленская, 9) Казанская, 10) Оренбургская, 11) Астраханская, 12) Сибирская, 13) С.-Петербургская, 14) Выборгская, 15) Ревельская, 16) Рижская, (Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд., ч. 2, стр. 160).

648. Указъ 18 декабря 1708 г., въ Полн. Собр. Зак. № 2,218. — Указъ 16 іюня 1719 г., въ Полн. Собр. Зак. № 3,390. — Лешковъ, Раздѣл. Росс. на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 339 — 340. — Арсеньевъ, Начер. стат. Рос. госуд. ч. 2, стр. 159.

649. Слово «губернаторъ» впервые встрѣчается въ указѣ 16 апрѣля 1702 г. (П. С. З. № 1,910), устанавливающемъ правила для вызова иностранцевъ въ Россію и для поселенія ихъ массами, съ обѣщаніемъ безопасности, простора, привилегій; а слово «губернія» впервые примѣняется къ Ингерманландіи (петерб. губер.) по указу 17 ноября 1707 г. (П. С. З.

№ 2,168), вычисляющему дворы въ городахъ и уѣздахъ на пространствѣ петербургской губерніи. (Лешковъ, Раздѣл. Росс. на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 340).

650. Указы: января 1719 г. (П. С. З. №№ 3,294. 3,296); 16 іюня 1719 г. (П. С. З. № 3,390); 9 сентября 1719 г. (П. С. З. № 3,421).—Лешковъ, Разд. Росс. на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 345. 346.

651. Полн. Собр. Зак. № 14,392. — Лешковъ, Разд. Россіи на губерніи, Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 356. 358. 361.

652. Указъ 15 іюня 1781 г., въ Полн. Собр. Зак. № 15,171.—Арсеньевъ, Начерт. стат. Рос. госуд. ч. 2, стр. 161. 162. 163. 167.

653. Росписаніе, по указу 15 іюня 1781 г., всѣхъ губерній, съ присоединеніемъ къ нимъ вновь образованныхъ — шести губерній изъ Курляндіи, Литвы и Польской украйны, и, сверхъ того, двухъ областей, — представляется въ слѣдующемъ порядкѣ: *Губерніи*: 1) Московская, 2) Петербургская, 3) Выборгская, 4) Тверская, 5) Новгородская, 6) Псковская, 7) Смоленская, 8) Могилевская, 9) Полоцкая, 10) Орловская, 11) Курская, 12) Харьковская, 13) Воронежская, 14) Тамбовская, 15) Рязанская, 16) Тульская, 17) Калужская, 18) Ярославская, 19) Вологодская, 20) Владимірская, 21) Костромская, 22) Нижегородская, 23) Вятская, 24) Пермская, 25) Тобольская, 26) Колыванская, 27) Иркутская, 28) Уфимская, 29) Симбирская, 30) Казанская, 31) Пензенская, 32) Саратовская, 33) Астраханская, 34) Азовская, 35) Новороссійская, 36) Кіевская, 37) Черниговская, 38) Полтавская, 39) Рижская, 40) Ревельская, 41) Вознесенская, 42) Брацлавская, 43) Изяславская, 44) Минская, 45) Литовская, 46) Курляндская. *Области*: 47) Таврическая, 48) Земля донскихъ казаковъ. (Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 161 — 163).

654. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 358. 359. — Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 168 — 173.

655. Устряловъ, Р. И. ч. 4, стр. 150. — Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 348. 356.

656. Устряловъ, Р. И. ч. 4, стр. 151. 152. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 491, 492.

657. Орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія основанъ императрицею Екатериною II въ 1769 году, единственно для мужей, отличившихся знаменитыми подвигами и заслугами на поприщѣ воинскомъ; онъ раздѣленъ на четыре класса и состоитъ изъ золотаго креста съ бѣлой финифтью, носимаго на лентѣ о трехъ черныхъ и двухъ желтыхъ полосахъ. Затѣмъ, въ 1782 году, въ память совершившагося двадцатилѣтія своего коронованія, Екатерина II учредила орденъ св. равноапостольнаго князя Владиміра для отличнѣйшихъ особъ по части гражданской и военной; онъ раздѣляется также на четыре класса, или степени, состоитъ изъ золотаго креста съ темной финифтью и носится на лентѣ красной съ черными по сторонамъ краями. (Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 35. 36).

658. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «О древн. и нов. Россіи», стр. XLVII.

659. Устряловъ, Р. И. ч. 4, стр. 151.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 426.

660. Жалов. двор. грам. § 38, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

661. Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 42.—Романовичъ-Славатинскій. Двор, въ Россіи, стр. 432.

662. Жалов. двор. грам. §§ 39—48. 54. 66, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

636. Тамъ же, §§ 56. 57. 65.—Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 42.

664. Полн. Собр. Зак. № 14,816.

665. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 411. 415.

666. Жалов. двор. грам. §§ 67. 85, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

667. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи; стр. 457.

668. Жалов. двор. грам. § 67, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

669. Тамъ же, § 85.

670. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 464.

671. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 356. 365. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 420.

672. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 363.

673. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 465 — 470. 490.

674. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 360. — Книга штатовъ гражд., таблица 1 — 14.

675. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 492. 493.

676. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 365.

677. Полн. Собр. Зак. № 16,025.

678. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «О древней и новой Россіи» стр. XLVII.

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

ОПЕЧАТКИ.

На страницѣ:	*въ строкѣ:*	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
IV	11	5	25
10	8	князя	князя
10	19	твориъ	творилъ
13	31	34	43
18	13	княжскій	княжескій
23	12	скончавшаго	скончавшагося
66	3	Іоановичѣ	Іоанновичѣ
108	1	10	108
131	12	но пользовался	не пользовался
158	10	задрудненіе	затрудненіе
208	13	Гиральд.	Геральд.
208	45	кназь	князь

учимъ сумму
орой прибавятс
цифръ не слѣд
ія шло у насъ
тъ отъ отчетно
журналовъ со
вѣта нельзя по
училищъ и уча

этотъ прочтенъ б